
МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

С.В. Белецкий

ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ¹

S.V. Beletskii. The Origin of the Russian Heraldry.

The term «heraldry» is not used with the personal and urban emblems of the Russian Middle Age. Indeed, in XIV-XVII Russia did not know stems. There were, however, signs, which undoubtedly were symbols of power. These were the Rurik dynasty's bidents or tridents; their images are found on various objects, including the earliest coins and stamps. Majority of researchers are inclined to interpret them as personal and family symbols of the Russian knyazes in X-XIII c.

The Rurik dynasty's signs treated as stems face an essential difficulty. The stem's layout follows strict rules, its inheritance is also strictly regulated. Meanwhile, the written records do not mention any rule on inheritance of the dynasty's tamga. The same signs would be ascribed to different knyazes upon an assumption that a son of a trident's owner could use a bident, and after that could use the trident again. If so, then it seems there were no laws in transmitting the signs from one generation to another, and hence, the signs are heraldic in essence. A conclusion on chaotic rules of inheritance of the signs, however, is wrong, because genealogical schemes have been built so far upon various ideas about personifications of the signs depending on the place they were found and dating of the object.

To overcome this hypothetic practice, a new research has been pursued of the primary record. It reviewed objects dated by X – XI cc. with images of the Rurik's dynasty: coins (Chapter 1), stamps (Chapter 2), graffiti on coins (Chapter 3), drawings on household items and walls of temples (Chapter 4), the so-called "heraldic pendants" (Chapter 5), potter's stamps (Chapter 6) and graffiti on bludgeon made of horn (Chapter 7). The research has crowned with a genealogical scheme (fig. 35) containing personified signs of the Russian knyazes. It established that a simple bident was used by the ruling dynasty since Igor, and could be used already by his father Rurik. Until the IV generation the sign was inherited without any changes. Its first transformations took place in time of Svyatoslav's sons: one of them, Yaropolk, was entitled to receive the family's bident, Oleg changed its leg's shape, and Vladimir used trident when his father was still alive. Apparently, it was during Svyatoslav's sons' fight for their father's heritage that Rurik's family sign transformed into personal-family one.

This transition to use of personal-family signs is also connected with representatives of the V generation of the dynasty. Svyatopolk Yaropolchich, the only son of Svyatoslav's eldest son, used his family's bident till 1013, later to change its form. St. Vladimir's sons originally used to possess personal-family signs: Vysheslav added a cross to the leg of his father's trident; his younger brothers would change the shape of the central dent. The same principle by which the elder son changes the leg of the inherited trident can be seen with representatives of VI-VII generations – grand- and great-grandchildren of Vladimir Svyatoslavich.

So, Russia not only had a set-up structure of personal and family signs, but also followed a detailed order of their inheritance. One can be sure ascertaining that in X-XI cc. there was a peculiar heraldic system in Russia, and Rurik dynasty's signs we find today are Russia's earliest stems.

Предисловие

В отечественной литературе термин «геральдика» применительно к изучению личных и городских эмблем эпохи русского средневековья практически не употребляется: исследователи подменяют его нейтральным понятием – «эмблематика». «Характерной особенностью герба является его наследственность... Изображение может считаться гербом только тогда, когда оно переходит от отца к сыну, из поколения в поколение... Эмблемой является условное изображение какого-либо понятия... Совокупностью эмблем занимается эмблематика», – подчеркивали Е.И. Каменцева и Н.В. Устюгов в учебном пособии по русской сфрагистике и геральдике (Каменцева, Устюгов 1974: 5-7).

Исследователи полагали, что геральдики в строгом смысле слова на Руси не было вплоть до 1722 г., когда по инициативе Петра Великого в России создается герольдмейстерская контора и учреждается должность герольдмейстера. Для допетровского времени обычно указывают на первые робкие попытки герботворчества: «В XVII в. русская геральдика как система определенных требований делала лишь первые шаги. Это в равной мере относится и к государственному гербу, и к городским гербам, и к гербам частных лиц. Настоящее развитие русское гербоведение получает в XVIII в.», – констатировали Е.И. Каменцева и Н.В. Устюгов (1974: 172).

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Начало русской геральдики», поддержанного РФФИ (проект № 00-06-80318а).

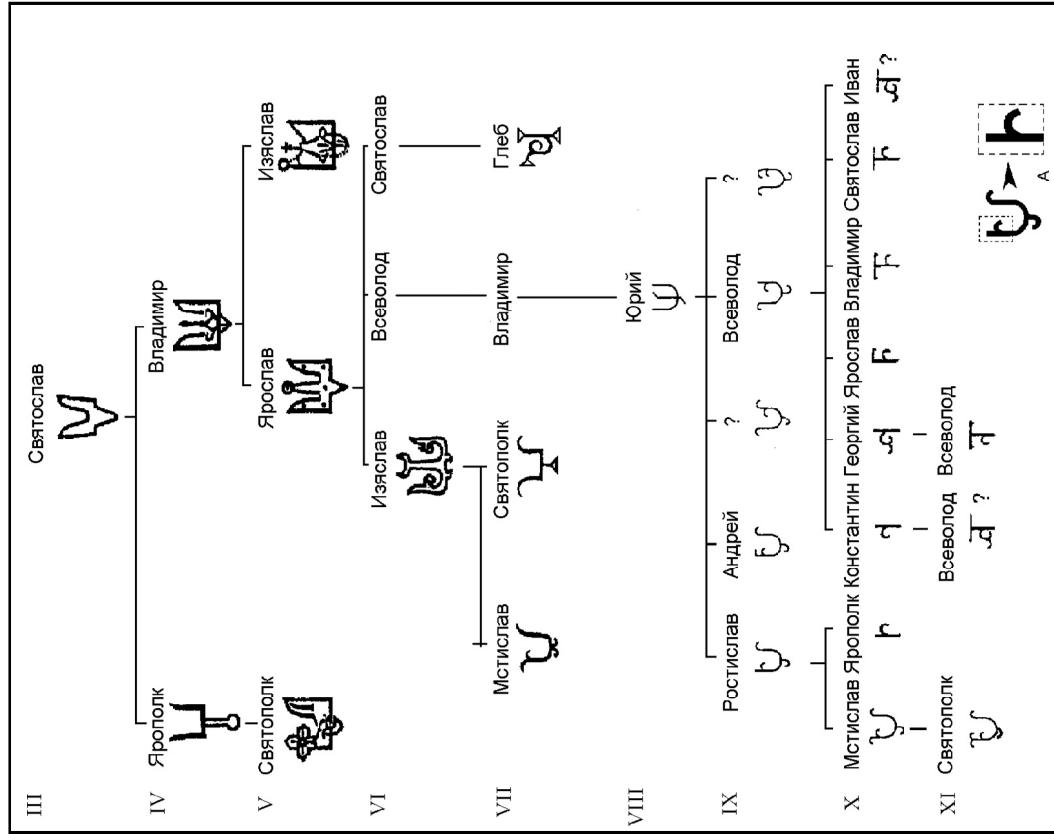

Рис.2. Генеалогия знаков Рюриковичей по Янину (1956, 1957, 1970, 1982).

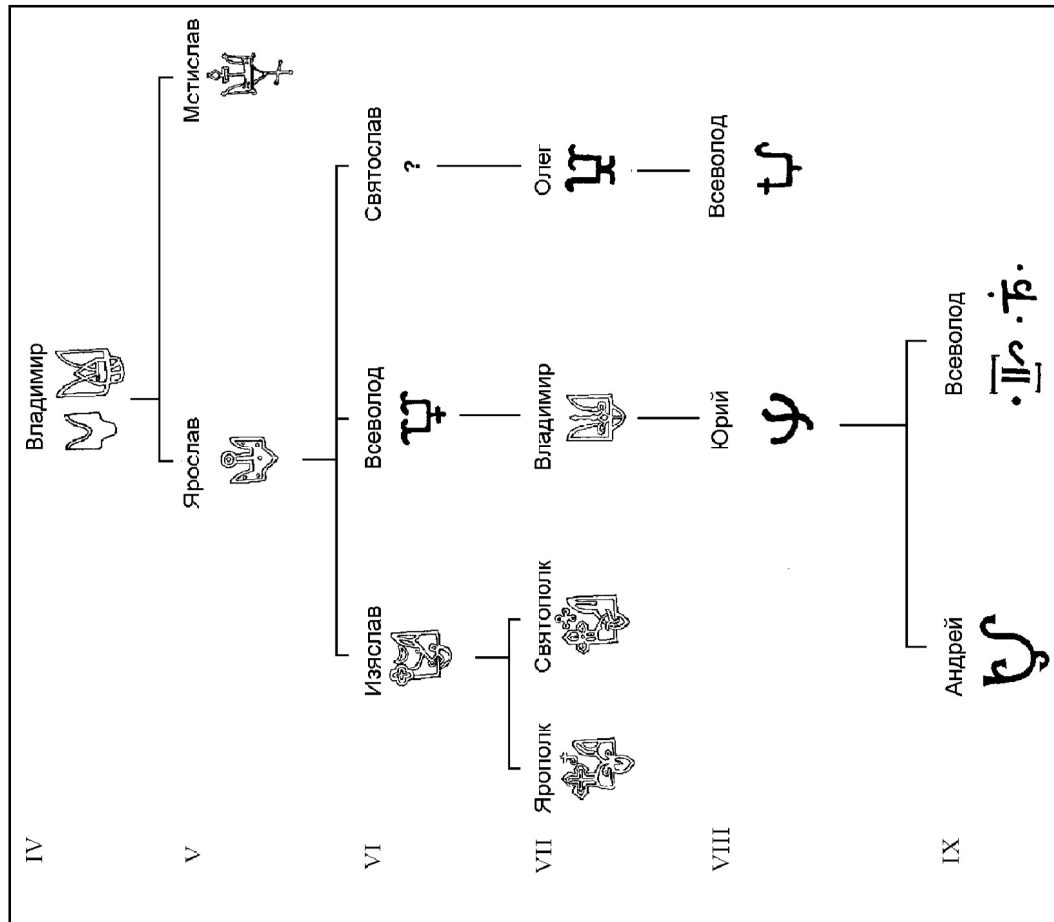
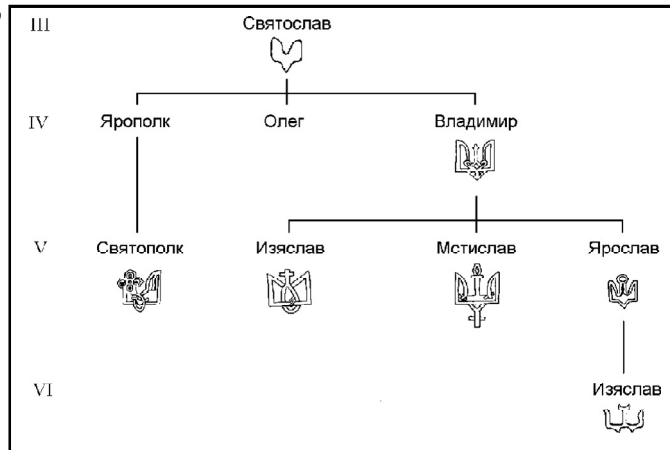

Рис.1. Генеалогия знаков Рюриковичей по Орешникову (1930; 1936), Рыбакову (1940).

Рис.3. Генеалогия знаков Рюриковичей по Сотниковой, Спасскому (1983).

Сходного мнения придерживается и Н.А. Соболева. Анализируя предысторию городских и областных гербов Российской империи, исследовательница отмечает: «Если говорить о Руси, то следует признать, что здесь еще в домонгольский период существовали эмблемы, которые могли превратиться в городские гербы. Монголо-татарское нашествие затормозило развитие эмблем и символов на Руси... Создание Русского централизованного государства повлекло за собой возникновение и общегосударственных эмблем. Особенности исторического развития исключали возможность становления института городских гербов в русских землях в период, когда в странах Западной Европы городские гербы получили широкое распространение. Однако нельзя отри-

цать, что существовавшие в древней Руси эмблемы могли лечь в основу городских гербов, если бы таковые возникли. В XV-XVI вв. территориальные эмблемы получают в Русском государстве право на существование» (курсив мой – С.Б.) (Соболева 1981: 15-17).

«Для России характерно довольно позднее формирование геральдических принципов..., – соглашается с общим мнением А.Л. Хорошкевич, делая при этом неожиданный вывод: Стертость формальных признаков, указывающих на существование... государственной символики, свидетельствует о медленности процесса формирования на Руси государственного, общественного, социального самосознания» (Хорошкевич 1993: 9-10). Исследовательница убеждена, что «вплоть до конца XII в. Русь не

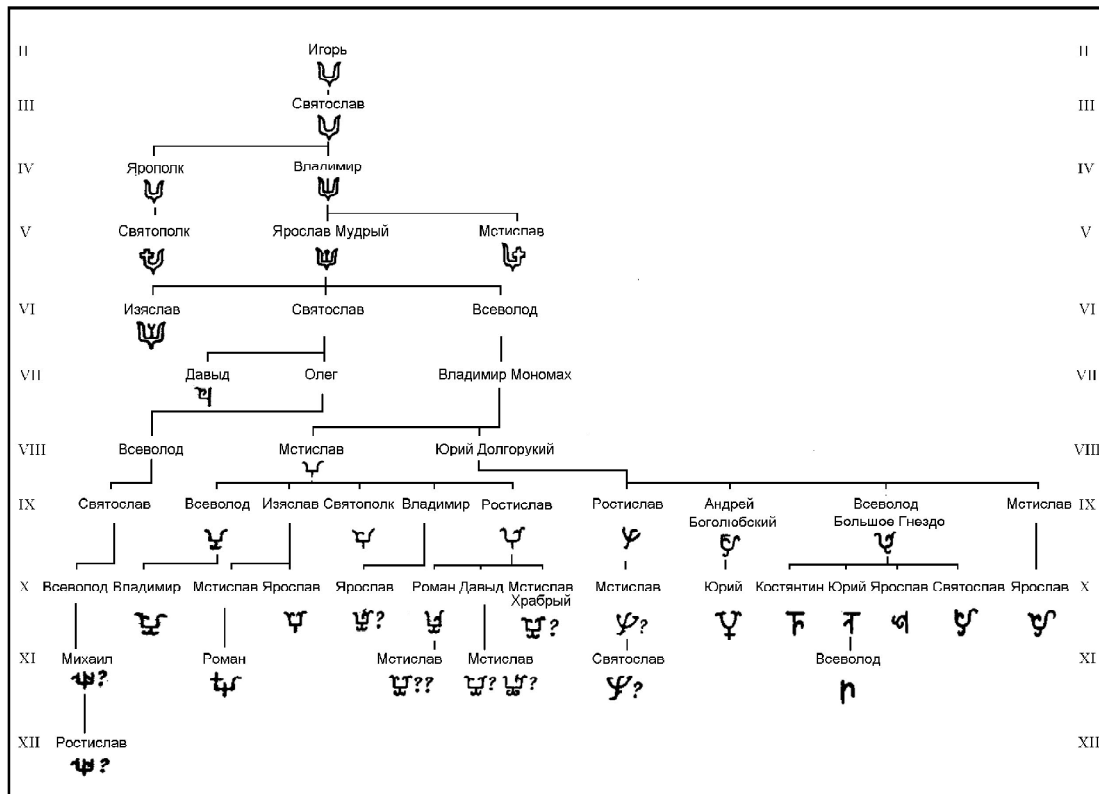

Рис.4. Генеалогия знаков Рюриковичей по А.А. Молчанову (1984).

имела собственной государственной эмблематики» (Хорошкевич 1993: 14).

Действительно, в XIV–XVII вв. Россия не знала гербов в строгом смысле слова. Широко известные по монетам и печатям этого времени изображения воинов, зверей, птиц и проч. не имели каноничной иконографии. Даже широко известные изображения «лютого зверя» – хищника семейства кошачьих – изображались настолько по-разному, что порой угадать, кто именно изображен, можно было только по мягким кошачьим лапам животного. Изображение конного копейного воина, с XV в. являвшееся символом Московского княжества (с середины XVI в. – царства) также не отличалось строгой иконографией, хотя, безусловно, заключало в себе информацию о конкретном государственном образовании, и именно в этом качестве воспринималось современниками.

Однако имеется большая группа источников, принадлежность которых к символам власти никем всерьез не оспаривается. Речь идет о так называемых знаках Рюриковичей – двузубцах или трезубцах либо производных от них формах, изображения которых отмечены на самых разных предметах, в том числе – на древнейших русских монетах и печатях. Большинство исследователей признает за знаками Рюриковичей значение лично-родовых символов русских князей X–XIII вв., указывающих на место их носителей в общественной иерархии своего времени. Но можно ли считать знаки Рюриковичей гербами русских князей?

В настоящее время известно около 300 вариантов знака Рюриковичей. Круг памятников с изображениями этих знаков весьма широк: подвесные печати и пломбы, прикладные печати и перстни-печатки, предметы вооружения и снаряжения воина, произведения прикладного искусства и орудия труда ювелира, памятники монументальной и станковой живописи, бытовая и строительная керамика. Благодаря фундаментальным исследованиям нескольких поколений историков² установлено, что генезис знака основан на принципе появления или исчезновения «отпятышей», придававших знаку индивидуальные черты. Наиболее ранние из известных знаков Рюриковичей относятся к X в. а в середине XIII в. знаки Рюриковичей исчезают из обихода.

Проблема геральдического характера знаков Рюриковичей, то есть – выполнения знаками функции гербов, традиционно наталкивается на существенную трудность. Оформление герба подчинено строгим правилам, и, равным образом, строгим правилам подчинено наследование герба при переходе от отца к сыну. Между тем, правила наследования тамги Рюриковичей в литературе никогда не фиксировались. Одни и те же знаки разные исследователи приписывали разным князьям (рис. 1–4), допуская, что при насле-

довании знака сын владельца трезубца мог пользоваться двузубцем, а его сын, в свою очередь, мог вернуться к трезубцу. Если это так, то наследование знака при переходе от отца к сыну действительно оказывается бессистемным, и, следовательно, говорить о геральдическом характере знаков Рюриковичей не приходится.

Полагаю, вытекающая из существующих версий генеалогии знаков хаотичность их наследования на самом деле мнимая. Дело в том, что генеалогические стеммы строились с опорой на догадки относительно персонификации знаков. отождествление одних и тех же знаков к разным лицам, известными по письменным источникам, проводилось с опорой на сведения о месте находки предмета и на датировку этого предмета без учета возможного пути трансформации знака.

Но, коль скоро в основу построения генеалогии знаков положены гипотетические персонификации, сама генеалогическая стемма теряет доказательную силу и, во всяком случае, не может стать основанием для вывода об отсутствии правил наследования знака при переходе от отца к сыну: в основе масштабных построений оказываются не препарированные факты, а общие соображения. Полагаю, что попытки персонифицировать знаки до решения вопроса о правилах наследования этих знаков остаются на уровне гипотез, недостаточно аргументированных для того, чтобы быть положенными в основу принципиальных выводов.

Очевидно, что единственным путем проверки сказанного является новое обращение к первоисточнику – к предметам, несущим изображения знаков Рюриковичей.

Предлагая вниманию коллег реконструкцию правил наследования знаков Рюриковичей (Белецкий 1991; 1996в; 1998а; 1998б; 2000а), я отдаю себе отчет в том, что эта версия не бесспорна. Однако подробное изложение мнений предшественников до некоторой степени нейтрализуют авторскую оценку информативных возможностей имеющегося источника. Кроме того, воспроизведение прорисовок большинства известных в настоящее время изображений знаков Рюриковичей X–XI вв. позволит читателю делать самостоятельные выводы.

Отдельные части настоящей работы обсуждались на заседаниях Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН (СПб), кафедры музееведения СПбГУКИ, на конференциях и семинарах в ИРИ РАН (Москва), Европейском университете (СПб), Псковском музее-заповеднике (Псков), на Шестой и Восьмой Всероссийских нумизматических конференциях (СПб. 1998; Москва 2000) и на Шестом Международном конгрессе славянской археологии (Новгород, 1996). Пользуюсь случаем поблагодарить коллег, принимавших участие в обсуждении предлагаемой работы за доброжелательно-критический интерес к ней.

² Подробный историографический обзор см.: (Молчанов 1997: 104–115).

Глава 1 ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ МОНЕТАХ

Древнейшие русские монеты – златники и сребреники – известны исследователям с конца XVIII в. (Сотникова 1995: 128). Типология монет и хронологическая последовательность чеканки были установлены еще И.И. Толстым (1882). Изданный в 1983 г. сводный каталог русских монет X-XI вв. (Сотникова, Спасский 1983) включал сведения о 334 монетах, большая часть которых происходит из двух кладов – найденного в 1852 г. в местечке Нежин на Черниговщине (около 200 монет) и обнаруженного в 1876 г. в Киеве (около 120 монет). В 1995 г. М.П.Сотникова подготовила дополненную версию каталога, в которой были включены сведе-

ния о 340 монетах, сгруппированных в 10 типов¹ (Сотникова 1995):

1. Златники с именем Владимира;
2. Сребреники с именем Владимира типа I;
3. Сребреники с именем Владимира типа II;
4. Сребреники с именем Владимира типа III;
5. Сребреники с именем Владимира типа IV;
6. Сребреники с именем Святополка;
7. Сребреники с именем «Петрос»;
8. Сребреники с именем «Петор»;
9. Сребреники с надписью «Ярославле серебро»;
10. Сребреники с надписью «Ярославле серебро» с буквой R.

Знаки на златниках и сребрениках Владимира типа I

Златники и сребреники Владимира типа I оформлены сходно: на аверсе² размещено изображение Вседержителя, на реверсе – изображение князя. Знак помещен над левым плечом князя (рис. 5).

Знаки на златниках Владимира однотипны: это – трезубцы с широкими боковыми зубцами и широким основанием, обозначенные контуром, тонким центральным зубцом, в середине или в нижней части которого близко к основанию имеется утолщение-точка. Ножка имеет вид треугольника, обращенного острием вниз (рис. 5: 2-6). Вершины боковых зубцов чаще всего имеют вид скошенных внутрь плоскостей, отделенных от боковых сторон зубца отчетливыми «изломами».

Знаки на сребрениках Владимира типа I несколько разнообразнее, однако в целом близки знакам на златниках. В большинстве своем это трезубцы с широкими боковыми зубцами и широким основанием, обозначенными контуром, тонким центральным зубцом и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз. У ряда трезубцев вершины боковых зубцов имеют вид скошенных внутрь плоскостей, отделенных от боковых сторон зубца отчетливыми «изломами» (рис. 5: 8-11, 15, 16, 18, 20, 24), однако есть и трезубцы, вершины боковых зубцов у которых плавно сходят на ост-

рие (рис. 5: 12-14, 17, 19, 21-23, 25, 26). В ряде случаев на центральном зубце (в середине или в нижней части) имеется одно (рис. 5: 9-11, 18, 26) или два (рис. 5: 7, 8, 13, 25) утолщения-точки, однако подобные утолщения могут и отсутствовать вовсе (рис. 5: 12, 14-17, 19-24). Ножка трезубца в большинстве случаев обозначена контуром (рис. 5: 9-19, 22, 25, 26), однако могла обозначаться также двойным контуром (рис. 5: 20, 21, 23, 24). У трезубца на монете № 38³ ножка хотя и имеет вид треугольника, обращенного острием вниз, но само острие скруглено, так что треугольник оказывается близким по очертаниям к овалу.

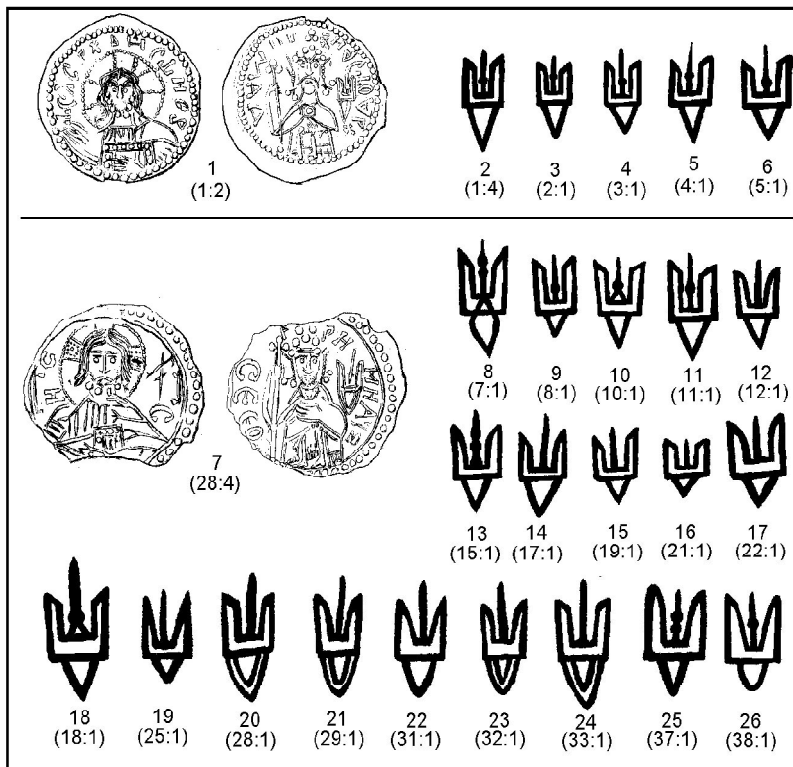
У трезубца на монете № 7 (рис. 5: 8) ножка имеет вид вытянутого по вертикали овала с острыми вершинами, однако верхняя часть овала накладывается на основание трезубца, соединяясь с центральным зубцом, так что нижняя часть овала (собственно ножка трезубца) в конечном счете также имеет вид треугольника, обращенного острием вниз. Тем не менее именно схема построения этого трезубца объясняет особенность оформления нижней части центрального зубца на монетах, отчеканенных штемпелями № 10, 15 и 18 (рис. 5: 10, 13, 18): центральный зубец трезубцев на этих монетах опирается не непосредственно на основание трезубца, а на треугольное расшире-

¹ В каталоге 1983 г. М.П. Сотникова и И.Г. Спасский отмечали, что они в основном следуют классификации монет, установленной И.И. Толстым (Сотникова, Спасский 1983: 59). «Новый каталог...построен в соответствии с классификацией Толстого», – подчеркивала М.П. Сотникова и в монографии 1995 г. (Сотникова 1995: 172).

² За аверс у златников и сребреников Владимира типа I принимается та сторона монеты, на которой помещено изображение Вседержителя. Аверс и реверс у сребреников Владимира типов II-IV, а также у сребреников Святополка определен в соответствии с формулой легенды, начинающейся у большинства штемпельных пар на стороне с изображением князя и завершающейся на стороне с изображением знака. По аналогии с этими монетами определяется аверс и реверс у монет с именем «Петор». Изображение Св. Георгия можно расценивать как символическую передачу имени эмитента, то есть в качестве синонимичного изображению князя, поэтому именно эта сторона монет принимается за аверс.

³ Здесь и далее: ссылки в тексте даются на номера штемпельных пар по каталогу М.П. Сотниковой (1995).

Рис. 5. Знаки на златниках (1-6) и сребрениках (7-25) Владимира типа I. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1, 7 – прорисовки по И.И. Толстому; 2-6, 8-25 – прорисовки по фотографиям.

ние, обозначенное контуром (рис. 5: 10, 18) либо имеющее вид расширения нижней части зубца (рис. 5: 13). Во всех перечисленных случаях основание центрального зубца представляет собой, подобно трезубцу на монете № 7, верхнюю часть овала, нижняя часть которого является ножкой трезубца, а центральная часть скрыта за основанием трезубца.

Таким образом, знаки на златниках и сребрениках Владимира типа I могут быть разделены на две группы:

А. Трезубцы с широкими боковыми зубцами, тонким центральным зубцом и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз.

Б. Трезубцы с широкими боковыми зубцами и тонким центральным зубцом, переходя-

щим в вытянутый овал, верхняя часть которого находится над основанием трезубца и представляет собой расширение центрального зубца, а нижняя часть находится под основанием трезубца и становится ножкой знака. Овал либо перекрывает основание трезубца, либо скрыт за ним.

Знаки обеих групп занимают на монетах одинаковое положение и, безусловно, взаимозаменяемы. Очевидно, что речь идет о чисто декоративных различиях, поскольку и знаки группы А, и знаки группы Б, в конечном счете, являются трезубцами с широкими боковыми зубцами, тонким центральным зубцом и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз.

Знаки на сребрениках Владимира типов II-IV

На аверсе сребреников Владимира типов II-IV помещено изображение князя в регалиях, а изображение знака в форме трезубца занимает реверс монеты.

Знаки на сребрениках типа II (рис. 6: 1) однотипны – это трезубцы с широкими боковыми зубцами и центральным зубцом, переходящим в вытянутый овал, верхняя часть которого находится над основанием трезубца и представляет собой расширение центрального зубца, а нижняя часть находится под основанием тре-

зубца и становится ножкой знака. В большинстве случаев центральный зубец тонкий либо незначительно утолщенный в центральной части, только на монете № 89 (рис. 6: 13) центральный зубец, возможно, имеет копьевидную форму⁴.

Место соединения центрального зубца с верхней частью овала в большинстве случаев обозначено кружком, причем этот кружок по своему диаметру чаще всего не превышает толщину центрального зубца. На монетах № 87, 88 и 90 (рис. 6: 14) овал перекрывает основание

⁴ Именно так данный элемент обозначен на прорисовке в работе И.И. Толстого (1882: табл.11: 5). Правда, судя по фотографии, опубликованной в корпусе М.П. Сотниковой, копьевидная форма зубца связана с дефектностью единственного экземпляра от штемпельной пары № 89: на этой монете, происходящей из Нежинского клада, центральный зубец трезубца как будто бы слегка расплюсчен, а верхняя часть реверса монеты сильно стерта.

трезубца, во всех остальных случаях он перекрыт основанием трезубца, причем в одних случаях контуры овала зрительно прослеживаются довольно отчетливо (рис. 6: 1, 6, 10, 12, 13), а в других нижняя часть овала «отрывается» от верхней, так как точки соединения ножки с основанием не вписываются в контур овала (рис. 6: 2-5, 7-9, 11, 15-16).

Верхняя часть контура основания трезубца образована двумя изогнутыми линиями, образующими под правым и левым зубцами петлевидные кружки, на которые опираются внутренние линии контуров боковых зубцов. В центральной части основания линии верхней части контура соединяются и образуют единую вертикальную черту, разделяющую надвое ножку трезубца (рис. 6: 1-16).

Очевидно, трезубцы на сребрениках Владимира типа II по схеме построения соответствуют трезубцам группы Б на златниках и сребрениках Владимира типа I, причем такая схема построения знака является чисто декоративным приемом, а исходный – «простой» тип трезубца соответствует трезубцам группы А на златниках и сребрениках Владимира типа I.

Знаки на сребрениках типа III (рис. 7: 1) по схеме построения более разнородны, нежели знаки на сребрениках типа II. Хотя все знаки – это трезубцы с широкими боковыми зубцами и тонким (кроме монеты № 117) центральным

зубцом, схема построения трезубца различна: в большинстве случаев угадывается схема, лежащая в основе трезубцев группы Б, однако только на части монетах эта схема, осложненная дополнительными орнаментальными завитками и петлями, читается безусловно (рис. 7: 1, 7-9, 15, 20, 21), в других случаях нижняя часть овала, составляющая ножку трезубца, имеет вид треугольника, обращенного острием вниз (рис. 7: 6, 11, 16, 17) либо – сердцевидный облик (рис. 7, 2, 5, 18, 19).

В ряде случаев центральный зубец не опирается на вершину овала, а пересекает ее, опираясь на петли, составляющие верхнюю границу основания трезубца. Отмеченная для трезубцев на сребрениках типа II точка-выступ, отделяющая центральный зубец от вершины овала, на сребрениках типа III часто размещена на зубце выше точки соединения его с овалом (рис. 7: 3-5, 7, 9, 10, 13, 14).

Вполне очевидно, что резчики штемпелей не всегда осознавали такую схему построения трезубца, при которой ножка составляла с основанием центрального зубца единый овал. При этом принцип оформления трезубца, при котором боковые зубцы шире центрального, а ножка имеет форму треугольника, соблюдался неукоснительно. Это дает основание считать, что большинство элементов трезубца на сребрениках типа III являются декоративными.

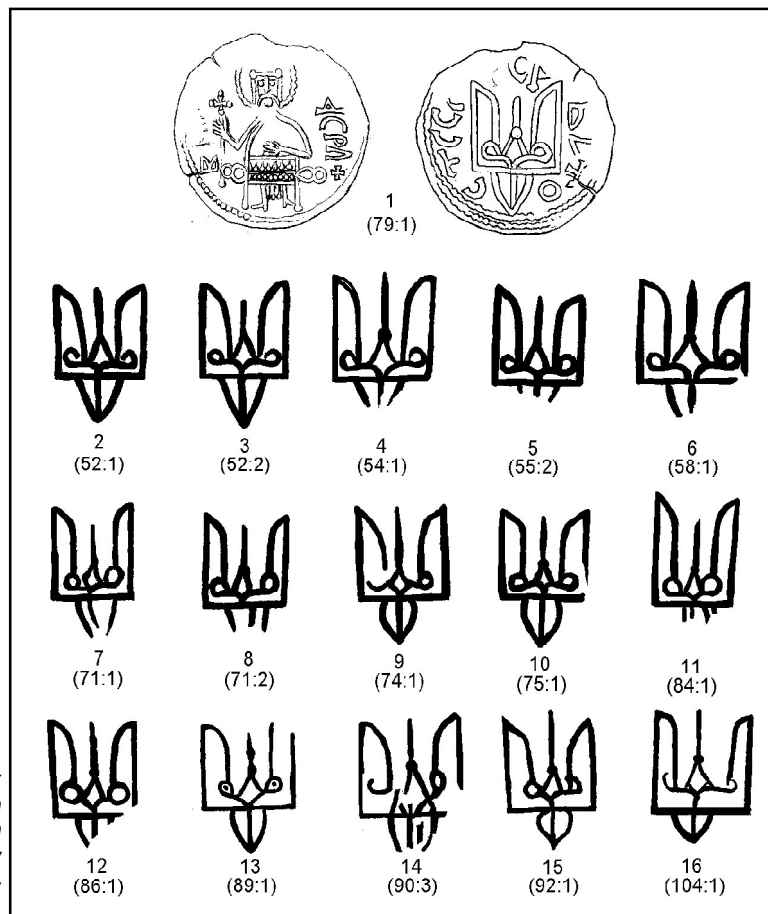
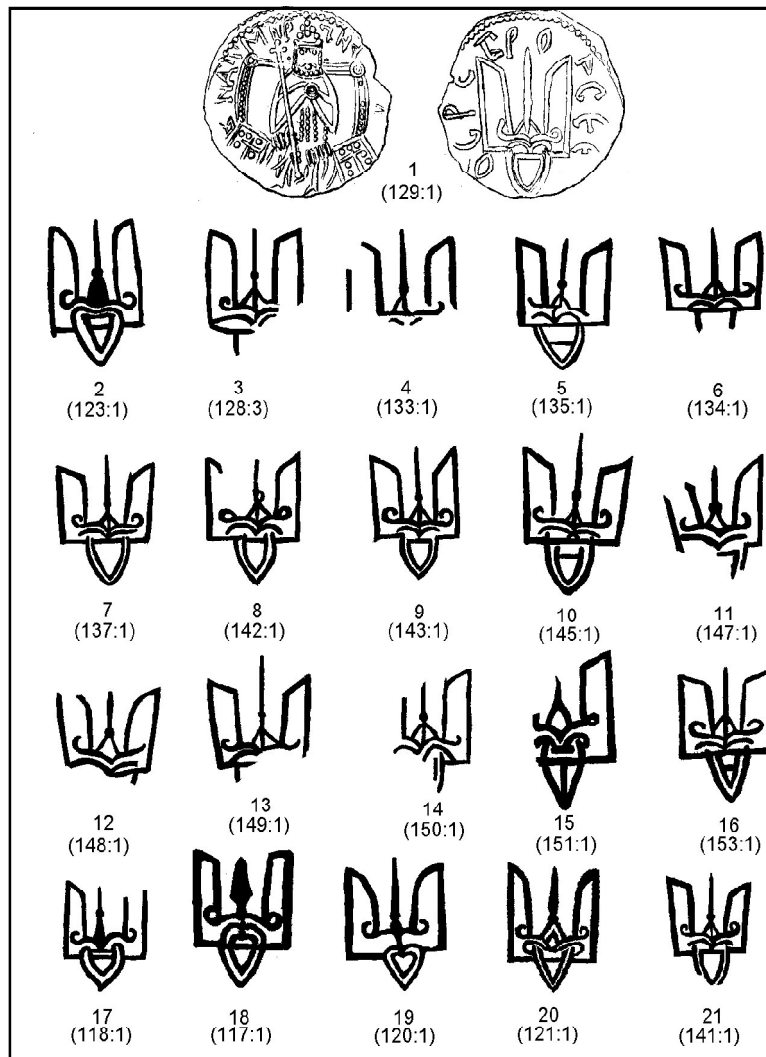

Рис. 6. Знаки на сребрениках Владимира типа II. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1-16- прорисовки по И.И. Толстому.

Рис. 7. Знаки на сребрениках Владимира типа III. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1-17 – прорисовки по И.И. Толстому; 18-21 – прорисовки по фотографиям.

Среди других знаков на сребрениках типа III выделяется трезубец на монете № 117 (рис. 7: 18). Центральный зубец у этого знака имеет ярко выраженное копьевидное завершение, а ножка – сердцевидную форму, обозначенную двойным контуром. Если права М.П. Сотникова, полагавшая, что штемпельная пара для монеты № 117 изготовлена тем же мастером, что и штемпеля для монет № 118-122 (Сотникова 1995: 73-75, 186), то копьевидное оформление центрального зубца, не повторяющееся в трезубцах на монетах № 118-122, можно считать чисто декоративным элементом оформления трезубца⁵.

В основе построения знака на сребрениках Владимира типа IV (рис. 8: 1) лежит схема Б – это трезубцы с широкими боковыми зубцами и тонким центральным зубцом, переходящим в вытянутый овал, верхняя часть которого нахо-

дится над основанием трезубца и представляет собой расширение центрального зубца, а нижняя часть находится под основанием трезубца и является ножкой знака. Верхняя часть контура основания трезубца образована двумя изогнутыми линиями, образующими под правым и левым зубцами петлевидные кружки, на которые опираются внутренние линии контуров боковых зубцов. В центральной части основания линии верхней части контура соединяются и образуют единую вертикальную черту, разделяющую надвое ножку трезубца. Центральная часть овала размещена поверх основания трезубца, составляя вместе изогнутыми линиями верхней части контура основания сложную «плетенку». Точка на центральном зубце у одних монет находится в месте соединения зубца с овалом (рис. 8: 2, 9), у других размещена ближе к середине высоты зубца

⁵ Полной уверенности в том, что штемпеля реверса на монете № 117 и монетах № 118-122 резались одним мастером, у меня нет, поскольку оформление ножки трезубца на этих монетах различное: на монетах № 117 и 120 ножка сердцевидной формы, в то время, как на монетах № 118-119 и 121-122 достаточно отчетливо читается схема построения трезубца, аналогичная схеме Б златников и сребреников типа I. Однако в любом случае трезубцы на монетах № 117 и 120, близкие по оформлению ножки, различаются по оформлению центрального зубца.

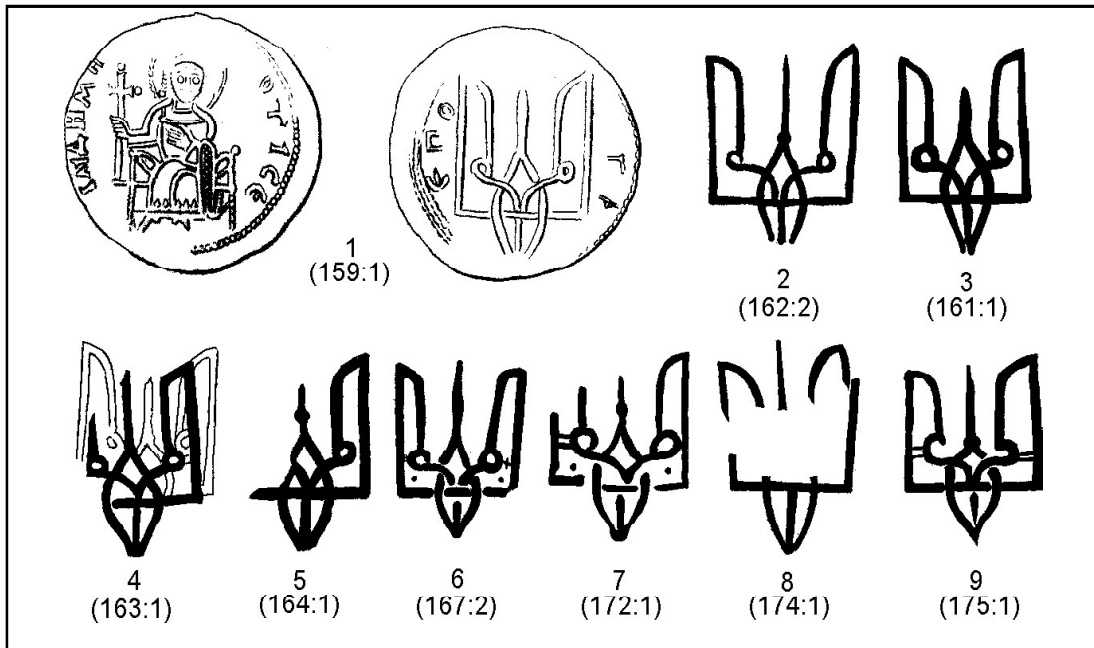

Рис. 8. Знаки на сребрениках Владимира типа IV. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1-9 – прорисовки по И.И. Толстому.

(рис. 10: 5, 7), но в ряде случаев отсутствует вовсе (рис. 8: 1, 3, 4, 6). В некоторых случаях под боковыми зубцами в углах основания трезубца имеются точки (рис. 8: 6, 7).

Таким образом, знаки на сребрениках Владимира типа IV оформлены весьма однородно, что подтверждает мнение М.П. Сотниковой, связывавшей изготовление штемпелей для этих монет с работой одного мастера (Сотникова 1995: 188). Построение трезубца ближе всего к трезуб-

цам схемы Б на сребрениках типа I, а также к трезубцам на сребрениках типа II, хотя находит себе соответствие и в части трезубцев на сребрениках типа III. Мелкие различия (наличие или отсутствие точек под боковыми зубцами, различное размещение точки на центральном зубце или ее отсутствие, плавные или угловатые вершины боковых зубцов) могут быть объяснены декоративным характером элементов, не имевших смыслового значения в оформлении знака.

Знаки на сребрениках Святополка

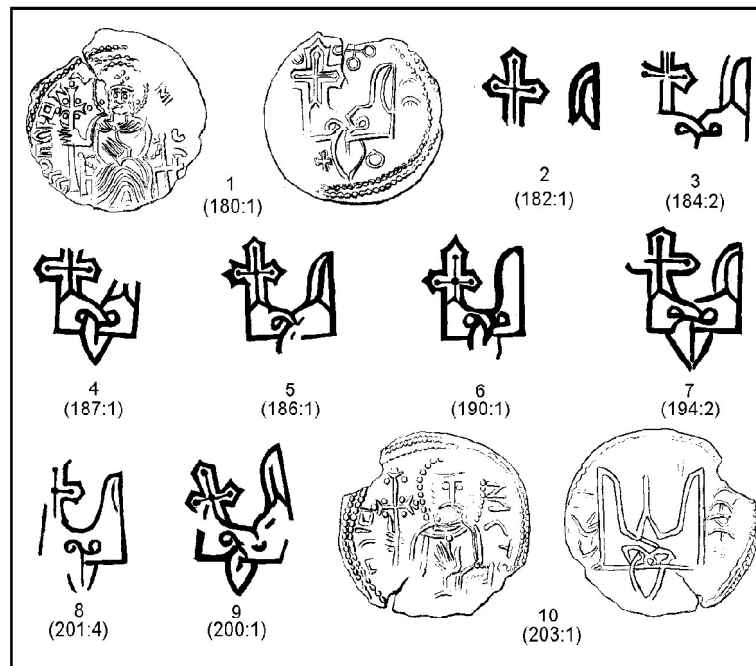
На аверсе сребреников Святополка помещено изображение князя в регалиях, а изображение знака занимает реверс монеты (рис. 9: 1). Знак на сребрениках Святополка принципиально отличается от знака на златниках и сребрениках Владимира: на подавляющем большинстве монет с именем Святополка помещено изображение не трезубца, а двузубца с широким правым и крестовидным левым зубцами.

Внутреннее пространство правого зубца в большинстве случаев разделено надвое изогнутой линией, опирающейся на верхнюю границу основания двузубца (рис. 9: 2-5, 9). Во внутреннее пространство левого зубца вписан равносторонний четырехконечный крест, вершина мачты и концы перекладины у которого завершаются точками, а основание раздваивается, переходя в верхнюю границу основания двузубца. Ножка на ряде монет имеет форму треугольника, обращенного острием вниз и разделенного надвое вертикальной линией (рис. 9: 7, 8). На других монетах ножка имеет форму овала. Верхняя часть овала, по обе стороны от которой помещены кружки-завитки, перекры-

вает основание двузубца, а нижняя, выступающая за пределы основания двузубца, фактически также представляет собой треугольник, обращенный острием вниз (рис. 9: 4-6, 9). На монетах № 184, 185, 187 (рис. 9: 4), 191, 196, 198 и 204 ножка, зрительно близкая к овалу, наложенному на основание двузубца, в действительности оформлена в виде изящного плетеного орнамента. По-видимому, ножки двузубцев, оформленные в виде овала, являются репликами плетеного орнамента, причем завитки, обозначенные по обе стороны от овала, представляют собой неумелую попытку повторить элементы плетеньки. Эти же соображения можно адресовать и клювовидному выступу, обозначенному на ножке у ряда монет (рис. 9: 1, 6, 9).

Исключением среди монет Святополка является монета № 203: вместо традиционного двузубца с крестообразным оформлением левого зубца на реверсе этой монеты помещено изображение трезубца (рис. 9: 10), аналогичного трезубцам на сребрениках Владимира. Хотя легенда на монете читается плохо, со

Рис. 9. Знаки на сребрениках Святополка. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1-10 – прорисовки по И.И. Толстому.

сребрениками Святополка эту монету уверенно сопоставил уже И.И. Толстой (1882: 51-52).

Тот же вывод повторили И.Г. Спасский и М.П. Сотникова (1983: 85; см. также: Сотникова 1995: 107-108, 194). Действительно, соединение ножки с основанием трезубца на монете № 203 имеет вид узла, сходного с узлом-плетенкой знаков именно на монетах Святополка, а не на монетах Владимира, так что с выводом исследователей можно согласиться.

И.И. Толстой, а вслед за ним и М.П. Сотникова полагали, что монетный тип сребреников Святополка в своем оформлении восходит к сребреникам Владимира типа IV, причем штем-

пельная пара № 177 Святополка изготовлена мастером, резавшими штемпеля для сребреников Владимира № 159-162 (Толстой 1882: 47; Сотникова 1995: 96). Можно думать, что и декоративный характер оформления знаков на сребрениках Святополка восходит к знакам на сребрениках Владимира типа IV. Тогда ряд элементов оформления двузубца Святополка – таких как узел-плетенка, вписанный в левый зубец равноконечный крест с точками на концах и линия, разделяющая надвое правый зубец – можно рассматривать как чисто декоративные элементы оформления знака, не имеющие геральдического значения.

Знаки на сребрениках с именем «Петрос» и «Петор»

На монетах с именем «Петрос» (рис. 10: 1) реверс занят изображением знака, а на аверсе помещено изображение святого. Стилистическая общность этих монет с монетами Святополка была доказана еще И.И. Толстым (1882: 194) М.П. Сотниковой, сопоставившая изображение святого с изображениями на византийских печатях, достаточно убедительно показала, что на аверсе монет помещено изображение Св. Петра (Сотникова 1995: 196-198).

Знак на реверсе сребреников с именем «Петрос» (рис. 10: 1-4) можно считать идентичным знакам на сребрениках Святополка. Это также двузубец с широким правым зубцом и крестовидным левым зубцом, во внутреннее пространство которого вписан равносторонний четырехконечный крест с точками на вершине мачты и концах перекладины. Ножка имеет вид овала, верхняя часть которого наложена на основание двузубца, а нижняя выступает за пределы основания. Подобные знаки на монетах

Святополка выше были расценены в качестве не слишком умелых реплик двузубцев, ножка у которых была оформлена в виде узла – плетенки. Вероятно, этот же вывод можно адресовать и знакам на монетах с именем «Петрос».

На монетах с именем «Петор» реверс занят изображением знака, а на аверсе, как убедительно показала М.П. Сотникова (1995: 203), помещено изображение князя (рис. 10: 5). Знак на монетах с именем «Петор» (рис. 10: 5-7), хотя и отличается по оформлению от знаков на монетах с именем «Петрос» и монетах Святополка, по схеме построения, несомненно, тождествен последним, что было справедливо отмечено уже И.И. Толстым (1893: 365-366), а позднее поддержано В.Л. Яниным (1970: 39-40) и М.П. Сотниковой (1995: 203). Это также двузубец, правый зубец у которого обозначен двойным контуром и разделен изогнутой линией надвое, а левый зубец увенчан крестом, во внутреннее

Рис. 10. Знаки на сребрениках с именами «Петрос» (1-4), «Петор» (5-7) и с легендой «Ярославле серебро» (8-14). Номера в скобках соответствуют номерам монет по каталогу М.П. Сотникова. 1-4, 9-11, 13, 14 – прорисовки по фотографиям; 5-8, 12 – прорисовки по И.И. Толстому.

пространство которого вписан четырехконечный крест с точками на концах. Ножка двузубца, имеющая вид треугольника, обращенного острием вниз, оформлена отчетливым узлом плетенки, причем схема построения узла аналогична узлу на монетах Святополка.

А.В. Орешников (1930; 1936), а вслед за ним Б.А. Рыбаков (1940) и Н.Д. Мец (1960) усматривали различия между знаками на монетах Святополка и монетах типа «Петор» и «Петрос» в значках, помещенных между зубцами двузубцев: «крестик» на монетах Святополка (рис. 9:1), «нота» или «якорь» на монетах типа «Петрос» (рис. 10: 1) и «полумесяц» на монетах типа «Петор» (рис. 10: 5). На этом основании знаки приписывались разным лицам. Однако срав-

нительно недавно И.И. Синчук высказал любопытную гипотезу, объясняющую происхождение значков между зубцами двузубца на монетах типа «Петрос» и «Петор», а также своеобразие двузубца на монетах типа «Петор» дефектным характером монеты Святополка, использованной в качестве образца при изготовлении новых штампованных пар (Синчук: 1994: 231-235). Если это так, то гипотеза об использовании в качестве геральдически значимых символов разнотипных значков, размещенных между зубцами двузубцев, теряет доказательную силу. В любом случае, на общую схему построения двузубцев на монетах Святополка, монетах типа «Петрос» и монетах типа «Петор» дополнительные значки никак не влияют.

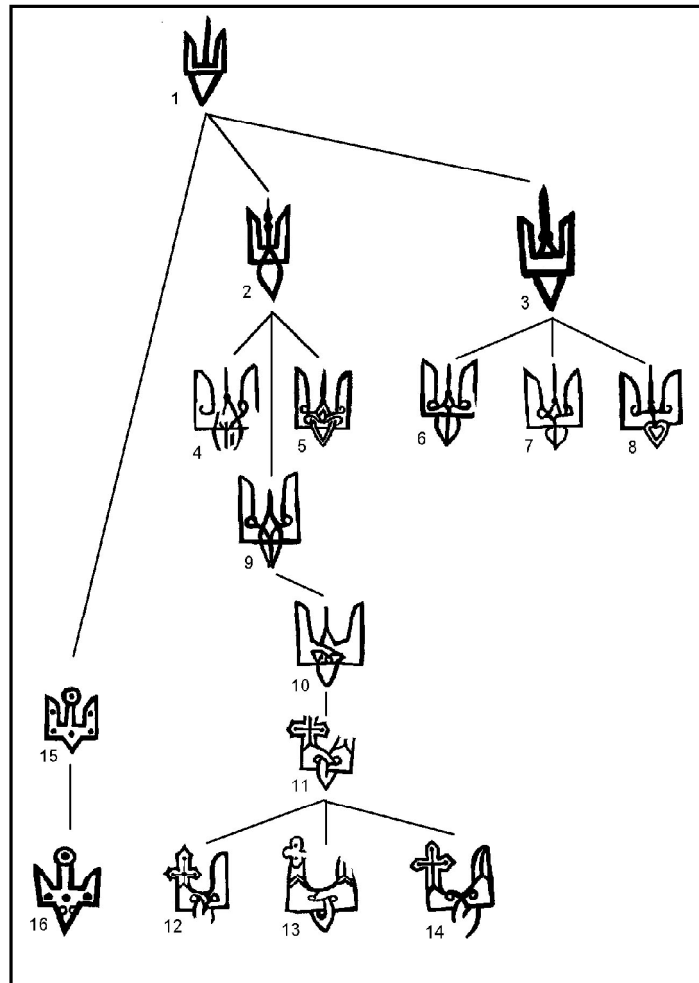
Знаки на монетах с легендой «Ярославле серебро»

На аверсе монет с легендой «Ярославле серебро» обоих типов помещено изображение Св. Георгия, а реверс занят изображением знака (рис. 10: 8, 12). Монеты разделены на две группы, различающиеся по технике исполнения штампов, весу монеты, а также наличию в легенде на монетах малого веса латинской буквы R; кроме того, известна серия литых копий с монет большого веса. Установлено, что сребреники большого веса чеканились по южно-русской весовой норме, в то время как сребреники малого веса чеканились по весовой норме западно- и североевропейских де-

нариев (Толстой 1882: 83; Сотникова 1995: 213-215). Подробный разбор существующей в литературе дискуссии о старшинстве этих групп и месте чеканки монет, позволил М.П. Сотникову рассматривать монеты с латинской буквой R как вторичные по отношению к сребреникам Ярослава большого веса (Сотникова 1995: 206-215).

Знак на монетах (рис. 10: 8-10, 12-14) и литых копиях с монет (рис. 10: 11) представляет собой трезубец с боковыми зубцами, сходящимися к острой вершине, вертикальным центральным зубцом, увенчанным кружком с точкой

Рис. 11. Схема соотношения декора знаков на древнейших русских монетах. 1 – златник Владимира; 2, 3 – сребреники Владимира типа I; 4, 6, 7 – сребреники Владимира типа II; 5, 8 – сребреники Владимира типа III; 9 – сребреник Владимира типа IV; 10-12 – сребреники Святополка; 13 – сребреник с именем «Петор»; 14 – сребреник с именем «Петрос»; 15 – «Ярославле серебро» большого веса; 16 – «Ярославле серебро» малого веса.

в центре, и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз. Декоративность в оформлении знаков отсутствует: единственным украшением трезубцев на сребрениках большого веса являются три или пять точек, симметрично размещенных по внутреннему пространству трезубца (рис. 10: 8-10). У трезубцев на монетах малого веса, кроме точек по основанию, зафиксированы также два симметричных полукружия на ножке трезубца (рис. 10: 12-14).

Отсутствие у знака на монетах Ярослава декоративных элементов сближает схему трезубца с трезубцами группы А на златниках и

сребрениках Владимира типа I: в основе и того, и другого лежит трезубец с вертикальными зубцами и ножкой в виде треугольника. Все дополнительные элементы в оформлении трезубцев на монетах Владимира являются декоративными. И так, как к декору трезубцев на монетах Владимира восходят декоративные элементы двузубцев на монетах Святополка, типа «Петрос» и «Петор», можно полагать, что все они не имели геральдического значения, а схема знака сводилась к двузубцу с вертикальным правым зубцом, крестовидным левым зубцом и ножкой в виде треугольника.

О смысловом значении и принадлежности знаков на монетах

И.И. Толстой (1882: 165-185), подводя некоторые итоги обсуждению смыслового значения «загадочных знаков» на древнейших русских монетах, перечислил основные версии, предлагавшиеся к обсуждению: трезубец (Карамзин), светильник или паникадило (Воейков, Шодуар, Сахаров, Шуберт), хоругвь (Волошинский, Ланглуа, фон Тиленау), портал храма (Строганов), якорь (Бартоломей), птица-ворон (Кёне) или голубь (Куник), навершие византийского скипетра (Уваров). Сам И.И. Толстой видел в

этом изображении хоругвь (Толстой 1882: 165-185), однако осторожно высказался в пользу геральдического значения знаков: «Это было знамя (в смысле отличительного знака, герба) великих князей Киевских... Если принять, что наша фигура имеет геральдический смысл, то все изменения ее (различия между знаками на разных монетах – С.Б.) становятся тотчас допустимыми. Действительно, геральдическая фигура имела всегда свойство изменяться, служа отличительным знаком рода, при переходе

из одного поколения в другое или из линии в линию» (Толстой 1882: 158, 179).

А.А. Куник, читавший текст Толстого в рукописи, дополнил эти рассуждения следующим комментарием: «Так как фигура эта находится не только на монетах Владимира, но появляется и на монетах его двух сыновей, Святополка и Ярослава, то нужно было бы исследовать, не представляет ли она собой семейное знамя, фамильный знак... Такие родовые знамена нередко возникали из знаков собственности... Унаследован ли знак Владимиром... или он выдуман после его крещения, пока трудно решить. В пользу первого предположения говорит то обстоятельство, что он употреблялся и двумя его сыновьями» (Толстой 1882: 185).

«Последнее объяснение г. Куника фигуры знаком собственности заслуживает серьезно внимания и, кажется, ища именно в этом направлении, можно будет со временем найти разгадку загадочной фигуры... Первоначальная форма знаков собственности постоянно изменяется при переходе по наследству от одного лица к другому. Изменения эти состоят или в урезке какой-нибудь части основной фигуры, или же в прибавке каких-нибудь украшений; особенно часто замечается прибавка крестов к какой-нибудь части фигуры, причем кресты бывают самой разнообразной формы. То же явление мы замечаем и в нашей загадочной фигуре», – отметил Толстой, публикуя замечания Куника в своем труде (Толстой 1882: 186, примеч.1).

О смысловом значении знаков на монетах высказывались и другие мнения. Так, П.И. Милюков сопоставлял трезубец на монетах Владимира со шлемами, изображенными на ковче из Бойе (Орешников 1894: 304). Д.Я. Самоквасов предлагал обратиться в поисках истоков для трезубца к скифским древностям (Орешников 1894: 304). Т. Арне присоединился к мнению исследователей, угадывавших за трезубцами на монетах Ярослава и Владимира схематизированное изображение птицы (Арне 1911). П.М. Сорокин, а вслед за ним и А.В. Орешников, полагали, что знак на монетах являлся родовым и изменялся при переходе от отца к сыну (Орешников 1894; 1930; 1936: 33). Для К.В. Болсуновского было также очевидным, что «загадочная фигура» «представляет собою родовой знак, печать либо герб великих князей Киевских». Исследователь полагал, что знак в форме трезубца на монетах Владимира «образовался из букв греческого алфавита, кото-

рые составляют титул монарха», и интерпретировал знак как монограмму слова ΒΑΣΙΛΕΥΣ (Болсуновский 1908: 3-6).

Большинство из перечисленных гипотез сохранилось в литературе вплоть до настоящего времени, кроме того, к ним добавились и некоторые новые. Так, О.М. Рапов (1968), С.С. Ширинский (1968) и В.И. Кулаков (1988) видят в знаке схематичное изображение птицы – сокола или орла, при этом О.М. Рапов напоминает о предположении, высказанном С.А. Геденовым в 1876 г.: «Изображенная на игоревой (? – С.Б.) гривне птица с поднятыми вверх когтями может быть сокол-рерик» (Геденов 1876: XXXIV; цит. по: Рапов 1968: 63) и полагает, что это предположение могло относиться к какой-то из древнейших русских монет (Рапов 1968: 63). Г. Шаповалов (1992: 4-17) считает трезубцы на монетах Ярослава изображениями якоря (Шаповалов 1997: 125-126). В знаках Рюриковичей видят также изображение шпоры⁶ или ладьи (Сотникова 1995: 240-245). А.Л. Хорошкевич, убежденная в крайней «медленности процесса формирования на Руси государственного, общественного, социального самосознания» (Хорошкевич 1993: 9-10), считает, что наиболее ярко этот вывод иллюстрируется на примере именно знаков Рюриковичей, и без аргументации интерпретирует трезубец Владимира Святого в качестве христорогмы, которую князь поместил «на лицевой стороне своих монет, тем самым торжественно оповещая всех, что и он принадлежит к христианскому миру, что и он не языческий, а христианский правитель» (Хорошкевич 1993: 13). По мнению украинского философа А. Братко-Кутинского (1992), символика трезубца пронизана глубоким философским смыслом: исследователь уверен в том, что трезубец символизирует тысячелетнюю украинскую самостийность, генетически связан со знаковыми системами древних народов (от энеолита до Боспорского царства) и обозначает триединство жизнеотворяющих энергий («мудрость, знание, любовь»; «огонь, вода, земля» и проч.).

Отдавая должное остроумным построениям, лежащим в основе большинства высказанных мнений, я хотел бы подчеркнуть: вначале следует установить место знаков Рюриковичей в системе социального этикета своего времени⁷ и только потом обсуждать семантику знака и его исторические корни. Развивая наблюдения Б.А. Рыбакова (1940) о месте знаков Рюриковичей в хозяйственной и политико-

⁶ Гипотеза высказана Д.А. Мачинским в дискуссии на Вторых чтениях памяти А.Д. Мачинской (Старая Ладога, декабрь 1996 г.).

⁷ Вероятно, именно невыясненность места знаков Рюриковичей в системе социального этикета своего времени привела к тому, что авторы вузовского учебника по вспомогательным историческим дисциплинам вообще опустили вопрос об этих знаках в главе «Геральдика», лишь вскользь упомянув знаки Рюриковичей в главе «Нумизматика» в связи с описанием внешнего облика древнейших русских монет и в главе «Сфрагистика» в связи с характеристикой древнерусских печатей (Леонтьева, Шорин, Кобрин 1994: 93, 136).

административной жизни древней Руси, А.А. Молчанов подчеркивал: «Долгое время ученые старались хотя бы гадательно определить прототип или расшифровать конкретное смысловое значение знаков. Все эти попытки не увенчались успехом... Более плодотворным явился переход от попыток угадывания прообраза к изучению закономерностей употребления тамг князьями Рюрикава дома» (Молчанов 1976б: 3; 1984).

В настоящее время можно считать установленным, что древнейшие русские монеты чеканились только тремя князьями: Владимиром Святославичем (†1015), Ярославом Владимировичем (†1054) и Святополком Ярополчичем (†1019)⁸. В соответствии с принадлежностью монет персонифицируются теперь и знаки на этих монетах. Трезубец с широкими боковыми зубцами, более тонким центральным зубцом и треугольной ножкой, помещенный над плечом у «князя» на реверсе златников и сребреников типа I, а также занимающий реверс у сребреников типов II-IV, атрибутирован Владимиру Святославичу. Трезубец с широкими боковыми зубцами, несколько более узким центральным зубцом, увенчанным кружком, и треугольной ножкой, занимающий центральную часть реверса монет с легендой «Ярославле сребро», атрибутирован Ярославу Владимировичу. Двужубец с широким правым зубцом, крестообразным левым зубцом и треугольной ножкой, размещенный на реверсе монет Святополка, монет с именем «Петрос» и «Петор», атрибутирован Святополку Ярополчичу.

Знак на монете можно рассматривать как указание на эмитента (*кто* выпустил монету в обращение и является гарантом доброкачественности этой монеты) либо в качестве символа власти эмитента (*что* гарантирует эмиссионную деятельность, *каков* характер полномочий эмитента). На златниках и сребрениках Владимира типа I символом власти князя является, как и на византийских солидах, изображение Христа Пантократора – символа суверенной независимой власти, «власти от Бога». Поэтому знак, размещенный над плечом князя, действительно мог принадлежать (и, скорее всего принадлежал) самому Владимиру Святославичу, являясь, в данном случае, личным символом великого киевского князя.

Если сказанное справедливо, то знаки на сребрениках Владимира типов II-IV также принадлежали Владимиру Святославичу: схема

знаков на монетах Владимира идентична, а различия между изображениями носят сугубо декоративный характер.

Особенностью сребреников Владимира типов II-IV является отсутствие на этих монетах изображения Христа, но зато увеличение в размере княжеского знака, который теперь занимает почти все пространство реверса монеты. Изображение князя на монетах, несомненно, указывает на то, кто именно эмитировал монету, и кто является гарантом ее доброкачественности. Отсутствие изображения Христа теоретически компенсируется появлением нимба вокруг головы князя, что можно было бы расценить как символическую передачу эпитета «божественный» (обладающий «властью от Бога»), традиционно адресуемого византийскому императору. Однако нимб вокруг головы князя отсутствует на сребрениках Владимира типа III, что свидетельствует о необязательном характере данного изобразительного элемента для древнерусской монетной символики. Иными словами, на сребрениках типов II-IV, в отличие от златников и сребреников типа I, нет ярко выраженного изобразительного символа, указывающего на властные полномочия князя и его право на эмиссионную деятельность.

В таком случае, единственным изобразительным символом, который может указывать на полномочия эмитента, оказывается изображение княжеского знака. Полагаю, трезубец, являвшийся, судя по златникам и сребреникам Владимира типа I, личным княжеским знаком самого Владимира, на сребрениках типа II-IV указывал на принадлежность князя к правящей династии, то есть – являлся также и родовым знаком, символизируя эмиссионную деятельность великого князя на основании «прав по рождению».

В какой степени трезубец Владимира являлся личным и в какой – родовым знаком Рюриковичей, становится понятно при сопоставлении этого трезубца со знаками на монетах Ярослава и Святополка. Общим для знаков, помещенных на монетах Владимира и Ярослава является форма трезубца с вертикальными зубцами и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз, а единственное существенное различие заключается в наличии кружка на вершине центрального зубца у трезубца Ярослава⁹. Этот элемент, присутствующий на изначально схематизированном знаке, безусловно, имел смысловое значение –

⁸ Персонификация знаков на монетах с именем «Петрос» и «Петор» Изяславу Ярославичу († 1078), Ярополку Изяславичу († ок. 1078) и Владимиру Всеволодичу († 1125), как уже отмечалось, опирается на различия в значках, помещенных между зубцами двужубцев. Негеральдический характер этих значков сейчас очевиден.

⁹ Вряд ли стоит рассматривать в качестве значимых элементов полукружкия, обозначенные в пространстве ножки трезубца на сребрениках Ярослава малого веса: эти монеты вторичны по отношению к сребреникам большого веса, так что оформление внутреннего пространства ножки, скорее всего, явилось результатом «переосмысления» исходного знака мастером-варягом, резавшим штемпеля (Сотникова 1995: 211).

символизировал отличие знака сына (Ярослав) от знака отца (Владимир). Таким образом, знак на сребрениках Ярослава, вероятнее всего, являлся личным знаком Ярослава Владимировича, а исходно общая для обоих знаков форма трезубца позволяет говорить о знаках Владимира и Ярослава как о лично-родовых, сочетающих в себе элементы родового знака и персональные отличия, позволяющие по знаку определить, кому именно из представителей рода он принадлежал. Именно эти соображения адресовал знакам на древнейших монетах А.А. Куник, и именно эта оценка различий между знаками является в настоящее время общепринятой.

Монеты с именем Святополка оформлены по типу сребреников Владимира (Сотникова 1995: 192-193): на аверсе помещено изображение князя в нимбе, а на реверсе – княжеский знак. Признавая знак на сребрениках Владимира знаком самого князя, мы можем согласиться с исследователями, считавшими двузубец с вертикальным правым зубцом, крестовидным левым зубцом и треугольной ножкой княжеским знаком Святополка.

Различие в форме знаков Владимира и Святополка давно объяснено происхождением Святополка – посмертного сына Ярополка Святославича, племянника Владимира, усыновленного великим киевским князем (ЛЛ: стб. 33-34). «Знак Святополка потому и отличен от тамг Владимира и Ярослава, что он базируется на иной основе – знаке Ярополка Святославича, не дошедшем до нас», – писал В.Л. Янин, комментируя знаки на древнейших русских печатях и монетах (Янин 1970: 40), а И.Г. Спасский и М.П. Сотникова подчеркивали: «Наличие на монетах Святополка Окаянного княжеского знака, принципиально отличного от знаков Владимира Святославича... можно рассматривать как свидетельство, что сам-то Святополк считал себя Ярополчицем» (Сотникова, Спасский 1983: 82-83; см. также: Сотникова 1995: 193).

Такое объяснение представляется мне абсолютно верным. Однако оно, как будто бы, вступает в противоречие с оформлением монеты № 203, на которой вместо двузубца с крестовидным правым зубцом помещено изображение трезубца Владимира. На это обратил внимание И.И. Толстой, объяснявший несоответствие знака на монете ошибкой резчика штемпелей: «Резчик даже для того времени был из самых посредственных. Эта монета... указывает на то, что неловкий чеканщик по ошибке впал в анахронизм и придал изображаемому предмету форму, уже не соответствующую его эпохе» (Толстой 1882: 181). Этот же вывод адресовали монете № 203 М.П. Сотникова и И.Г. Спасский: «Штемпель 203... интересен ошибкой в изображении княжеского знака» (Сотникова, Спасский 1983: 85; Сотникова 1995: 107-108, 194).

Разумеется, теоретически можно предполагать ошибку резчика штемпельной пары. Ничего невероятного в этом предположении нет: среди монет, атрибутируемых Святополку Ярополчицу, имеются «оригинальные уроды», к числу которых М.П.Сотникова и И.Г. Спасский отнесли и № 203. Поэтому гипотеза об ошибке резчика, изготовившего штемпельную пару для № 203, в принципе имеет право на существование. Однако прокламативный характер первых русских чеканок и большая вероятность преимущественно репрезентативного использования монет делает эту гипотезу, на мой взгляд, не единственно возможной.

Дело в том, что монета № 203 принципиально отличается от всех известных в настоящее время древнейших монет России: в то время как на монетах Владимира Святославича, Ярослава Владимировича и большинства монет Святополка Ярополчица на аверсе помещено изображение княжеского знака эмитента, на аверсе монеты № 203 помещено изображение знака не эмитента, а его сюзерена. Если не считать это обстоятельство ошибкой мастера, резавшего штемпель, то монета № 203 уникальна прежде всего тем, что она была отчеканена еще при жизни Владимира Святого, причем не только с ведома и согласия, но и под патронатом великого киевского князя. Речь, следовательно, может идти о вассальной эмиссии.

Свидетельств того, что кто-либо из сидевших по городам сыновей Владимира располагал правом эмиссионной деятельности, оставаясь вассально зависимым от великого киевского князя, в настоящее время нет. Следовательно правовое положение Святополка в структуре власти на Руси в какой-то момент принципиально отличалось от правового положения родных сыновей Владимира. Заманчиво предположить, что чеканка монеты № 203 материализовала собой юридическое положение Святополка Ярополчица в качестве первого вассала великого киевского князя Владимира Святославича (Белецкий В., Белецкий С. 1998а). При том, что «Владимир его не любляше» (Татищев 1963: 56), такое положение Святополка должно иметь серьезные основания.

Святополк, судя по двузубцу на монетах, осознавал себя Ярополчицем, то есть – законным претендентом на великий киевский стол, занятый «не по праву» убийцей отца. Есть основания считать, что в своих претензиях на верховную власть он находил достаточно широкую поддержку: об этом свидетельствует не только летописный рассказ о поддержке Святополка вышгородскими боярами¹⁰, но и отмеченное В.И. Татищевым присутствие сторонников Святополка среди новгородцев¹¹. Вероятность того, что Святополк в период пребывания на туровском

¹⁰ «Святополк... рече им (вышгородцам – С.Б.): прите я ли ми всем сердцем? Рече же Путыша с вышгородьци: можем главы своя сложити за тя» (ЛЛ: 132).

столе находился в оппозиции Киеву, таким образом, достаточно велика: именно следствием фрондирования стало известное по Хронике Титмара¹² пребывание Святополка и его жены в Киеве в темнице по обвинению в заговоре.

Однако в момент смерти Владимира Святославича, летом 1015 г., Святополк уже не был в заключении: он берет управление в Киеве под свой контроль, тайно посещает своих сторонников в Вышгороде, против него выступает с новгородским войском и варягами Ярослав. Думается, что освобождение Святополка из тюрьмы и изменение его политического статуса, выразившееся в предоставлении права эмиссионной деятельности – это взаимосвязанные события.

Победоносный поход на Русь польского князя Болеслава I (тесть Святополка), состоявшийся в 1013 г., исследователи не без основания считают «местью Болеслава за заключение в Киеве его дочери и зятя» (Древняя Русь 1999: 322), так что арест Святополка состоялся раньше 1013 г. Думается, что именно следствием военных действий Болеслава стало освобождение туровского князя и его резкое возвышение. Именно реакцией на возвышение Святополка стал, вероятнее всего, отказ Ярослава в 1014 г. платить дань Киеву.

Таким образом, в соотношении штемпельных пар у сребреников Святополка первоначальной следует считать № 203 свода Сотниковой. Пола-

гаю, эта монета была отчеканена в Киеве вскоре после освобождением Святополка из заключения, то есть может быть датирована 1013-1015 гг.¹³ Чеканка прочих сребреников с именем Святополка, очевидно, происходила после смерти Владимира Святого (Сотникова 1995: 205), то есть в 1015 г.

Монеты с именем «Петрос» и «Петор» оформлены иначе, нежели монеты Святополка: хотя реверс занят изображением двузубца Святополка, на аверсе помещено изображение не самого князя, а святого Петра. По аналогии с оформлением сребреников Ярослава, на которых помещено изображение Св. Георгия, соответствующее крестильному имени Ярослава Владимировича, можно думать, что изображение на монетах типа «Петрос» и «Петор» соответствует крестильному имени Святополка, о чем писал еще в середине 1950-х гг. В.Л. Янин (1955: 44; 1956а: 166). «Выпуском сребреников с именем Петра Святополк мог отметить свое второе вокняжение на киевском столе в 1018 г.» (Сотникова 1995: 205).

* * *

После всего изложенного генеалогия знаков, изображенных на первых русских монетах, принимает следующий вид (рис. 12). Заметим, что трезубец Ярослава отличается от трезубца отца на один элемент – у него более сложная вершина центрального зубца. В остальном знаки Ярослава и Владимира совпадают.

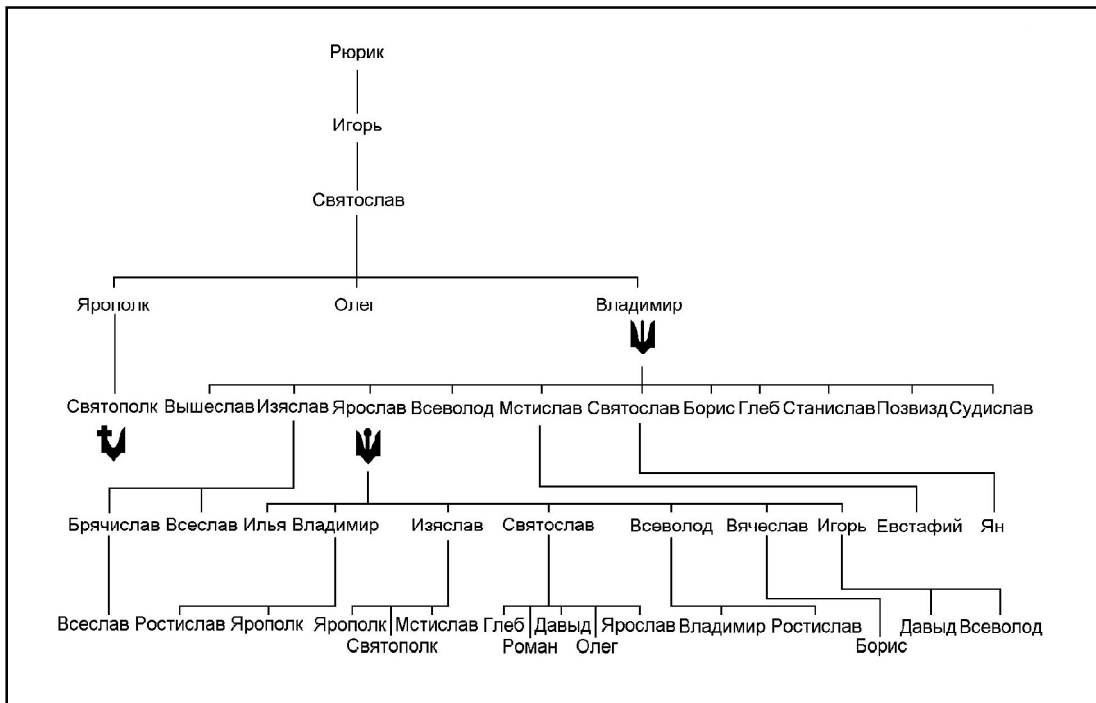

Рис. 12. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 1.

¹¹ «Новгородцы не всхотели слышать Ярослава и умыслили его ссадить, а Святополку поддаться» (Татищев 1963: 238).

¹² «Названный король (Владимир – С.Б.) умер в преклонных годах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице» (Титмар: VII,73, цит по : Древняя Русь1999: 319).

¹³ Ранее предполагалось, что чеканка монеты № 203 относится ко времени пребывания Святополка на туровском столе (Белецкий В., Белецкий С. 1998а: 99).

Глава 2 ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ПЕЧАТЯХ

Присутствие на древнерусских печатях княжеских знаков – факт, давно отмеченный в литературе. Большая часть известных печатей с изображениям княжеских знаков датирована XII-XIII вв. К X-XI вв. относятся две печати (Янин 1970: 34-41, № 1, 2).¹

Печать (рис. 13: 1), найденная при раскопках 1912 г. в Десятинной церкви Киева (Янин 1970: № 1), уже неоднократно привлекала внимание специалистов (ЛСА: табл. LIII, 14; Артамонов 1962: 430; Орешников 1930: 93-95; 1936: 35). На обеих сторонах этой печати помещены одинаковые двузубцы с вертикальными зубцами и ножкой в форме треугольника, обращенного острием вниз. Вокруг двузубцев размещались круговые надписи.

Опираясь на простую форму знака и мнение Н.П.Лихачева, прочитавшего в круговых легендах на разных сторонах буллы ...στλμ..., В.Л. Янин атрибуировал печать Святославу Игоревичу († 972), а двузубцы, изображенные на печати, считал княжеским знаком Святослава (Янин 1970: 40, 41). Святославу Игоревичу атрибуировали знак А.П. Моця и А.К. Сыромятников (1984). Но только после исследования А.А. Молчанова (Молчанов 1988: 50-52; 1994; 1996), предложившего чтение круговых легенд на печати в форме искаженного (Σφρενδο)σθλα(βοϛ), атрибуция двузубцев на печати получила обоснование.

Печать (рис. 13: 2), найденная в Новгороде в выбросе из слоя 19 яруса (1134-1161 гг.) Неревского раскопа (Янин 1955; 1956б; 1970: № 2), несет на одной из сторон изображение трезубца, окруженного фрагментарно сохранившейся надписью. Боковые зубцы у трезубца широкие, сходятся к острой вершине, тонкий центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого составляет ножку трезубца, разделенную вертикальной чертой надвое. Выше линии основания трезубца вертикальная черта, разделяющая ножку, сама разделяется на трое, что, по-видимому, должно было имитировать плетенку. Возможно, при изготовлении матрицы для печати мастер ори-

ентировался на стилистику княжеского знака, сходного со знаками на сребрениках Владимира типа II или IV. Изображение и надпись на другой стороне не читаются.²

В.Л. Янин уверенно атрибуировал печать сыну Владимира Святого, полоцкому князю Изяславу Владимировичу. Комментируя буллу, исследователь подчеркивал: «Определению... способствует и хорошо читаемая надпись **Изас(лав)ос**, и строение изображенного на ней княжеского знака, чрезвычайно близкого там же Владимира Святославича и отличающегося от нее лишь дополнительным кружком на вершине левого зубца» (Янин 1970: 41). В действительности никакого кружка на вершине левого зубца у этого трезубца нет: за кружок, как справедливо отметил А.А. Молчанов (1984: 68, примеч.15), была принята буква о из круговой легенды, а надпись в действительности читается как **Изас(ла)осо**. Молчанов полагал, что на печати из Новгорода помещено изображение трезубца Владимира (Молчанов 1984: 68), однако с этим я согласиться не могу: вершину центрального зубца у трезубца на этой печати увенчивает крестик – элемент, отсутствующий у знаков на монетах Владимира.³

Среди древнерусских печатей известны еще две буллы со знаками, традиционно приписываемыми князьям XI в. Печать, найденная в Новгороде в слое 22 яруса Неревского раскопа (1076-1096 гг.), атрибуирована в литературе князю Изяславу Ярославичу (†1078) – сыну Ярослава Мудрого. На одной из сторон этой печати изображен Св. Дмитрий Солунский в рост, на другой стороне помещено изображение знака якоревидной формы (рис. 14: 1). По поводу этого знака В.Л. Янин писал: «Княжеский знак печати как бы продолжает линию развития знака Ярослава Мудрого, изображенного на монетах. Это тоже трезубец, но на вершине его среднего зубца помещен не круг, а полукружие» (Янин 1970: 35-36).

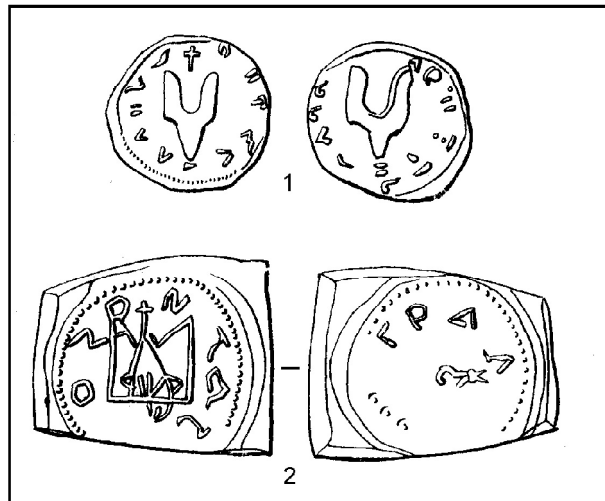
Печать, найденная на левом берегу р.Шексна напротив урочища Старый город,

¹ В 1995 г. мною совместно с А.А. Купранисом была опубликована печать с изображениями двух разнотипных трезубцев, хранящаяся в частном собрании и, по сведениям владельца, происходящая из Новгорода. Печать была предварительно датирована X в. (Белецкий, Купранис 1995: 61-63). Датировка печати тогда же вызвала сомнение у А.А. Молчанова, высказанное им автору в частной беседе: Молчанов полагал, что печать является современным фальсификатом. В третьем томе корпуса актовых печатей древней Руси В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков комментировали эту печать среди сомнительных (Янин, Гайдуков 1998: 225). В настоящее время я также склонен признать, что булла, вероятнее всего, является хорошо выполненным современным фальсификатом. Е.А. Мельникова (1998: 181) упоминает также «печать Ярополка Святославича», однако о какой печати идет речь не ясно.

² Отметим заметное отличие печати Изяслава от всех остальных известных русских печатей X-XI вв.: она оттиснута на очень массивном свинцовом бруске, канал имеет щелевидную форму и в нем, как будто бы, прослежены остатки кожаного ремешка (Янин 1956б: 157). Несомненно, при изготовлении данного предмета использовался обычный буллотирый, однако технические особенности предмета не исключают, что функционально печать Изяслава отличалась от собственно актовых печатей.

³ Именно так прочитали знак на печати М.П. Сотникова и И.Г. Спасский (1983: 84, рис. 23; Сотникова 1995: 195).

Рис. 13. Знаки на древнейших русских печатях (прорисовки по В.Л. Янину).

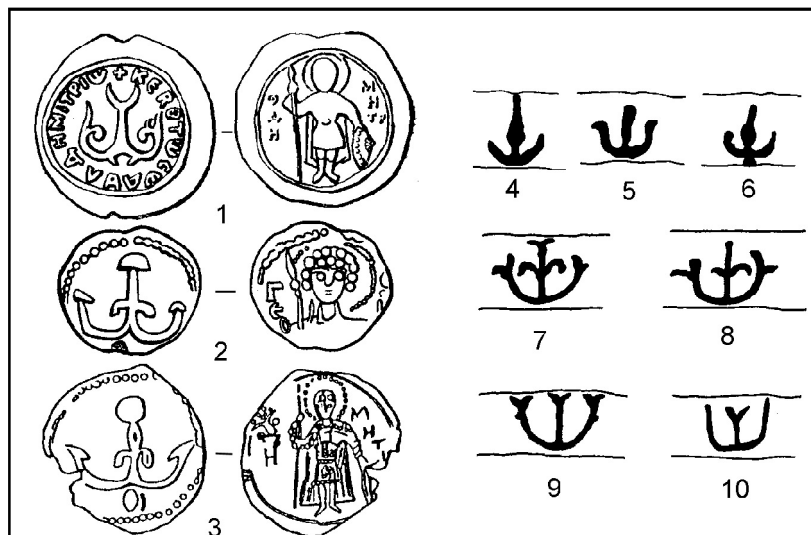

соотносимого с древнерусским городом Белоозером, издана и обстоятельно комментирована А.В.Чернецовым и Н.А. Макаровым. На одной стороне печати помещено погрудное изображение Св. Георгия, на другой стороне – знак якоревидной формы (рис. 14: 2). Исследователи отмечали, что «форма (точнее – трактовка) знака настолько необычна, что можно было бы усомниться в том, что перед нами русский княжеский знак» (Макаров, Чернецов 1988: 235). Опираясь на гипотезу Янина о принадлежности знака на печати из Новгорода Изяславу Ярославичу, А.В. Чернецов и Н.А. Макаров атрибуировали знак на печати из Белоозера Ярославу Мудрому. В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков, поместившие печать из Белоозера в третьем томе корпуса актов печатей древней Руси среди печатей XII-XIII вв. (Янин, Гайдуков 1998: 149, № 282б), отказались от хронологического комментария и персонификации знака, но отметили, что «печати такого разряда (с изображением знака якорной формы – С.Б.) не были раньше известны» (Янин, Гайдуков 1998: 55); тем самым исследователи отказались считать

знаки на печатях из Новгорода и Белоозера близкородственными.

Еще одна печать со знаком, идентичным знаку на белоозерской печати, опубликована в самое недавнее время (рис. 14: 13). Место находки этой печати неизвестно, она находится в частной коллекции и привезена в Москву из Киева (Янин, Гайдуков 2000: 299, № 282в). Все три знака весьма близки: они имеют якоревидные очертания и даже отдаленно напоминают знак на сребрениках Ярослава Владимировича. Зато сходные по рисунку знаки можно увидеть в клеймах на кирпичях Богоявленского собора (рис. 14: 4-6) и ц. Параскевы Пятницы (рис. 14: 7-10) в Чернигове. Создателем Борисоглебского собора был Давид Святославич, занимавший княжеский стол Чернигова с 1097 по 1123 гг. (Раппопорт 1982: 41), что определяет датировку кирпичей временем не ранее конца XI – начала XII вв. Е.В. Воробьева и А.А. Тиц относили время возведения собора к началу 20-х гг. XII в. (Воробьева, Тиц 1974: 98-111). Сведений о времени возведения Пятницкой церкви в

Рис. 14. Знаки на печатях (1-3) и кирпичах из храмов Чернигова XII в. (4-6 – Богоявленский собор; 7-10 – Пятницкая церковь; прорисовки по В.Л. Янину и Н.В. Холостенко).

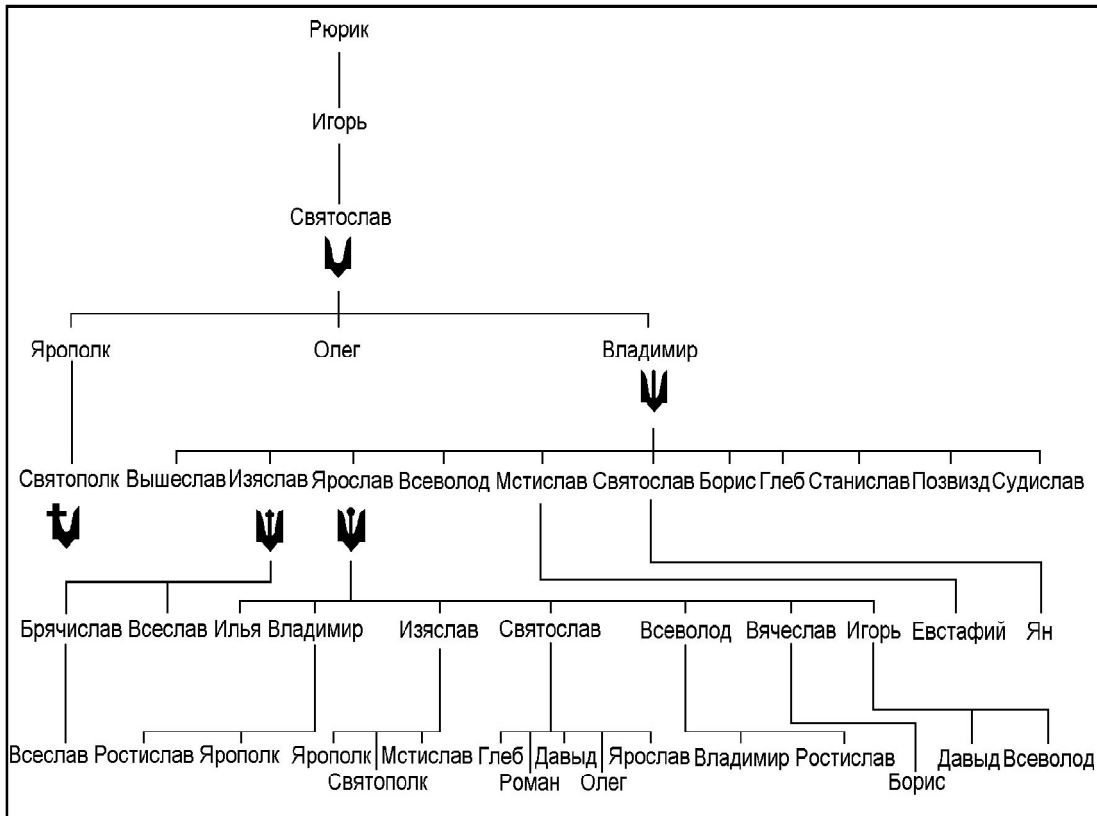

Рис. 15. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стамма 2.

источниках нет; по мнению П.А. Раппопорта, строительство ее относится к концу XII – первой трети XIII вв. (Раппопорт 1982: 44). Таким образом, якоревидные знаки на печатях не принадлежали князьям первой половины – середины XI в.

* * *

С учетом знаков, помещенных на печатях X-XI вв., генеалогия знаков Рюриковичей принимает следующий вид (рис. 15). Отметим, что двузубец Святополка Ярополчича продолжает развитие тамги деда, имевшей форму двузубца, и отличается от нее на один элемент (форма зубца). Тамга Владимира Святослави-

ча отличается от тамги отца на один элемент, но этот элемент принципиально меняет основу знака – с добавлением центрального зубца двузубец превращается в трезубец. Трезубец Изяслава Владимировича отличается от тамги отца на один элемент – у него более сложная вершина центрального зубца. Между собой трезубцы Изяслава и Ярослава Владимировичей различаются на один элемент – оформлением вершины центрального зубца. Однако принцип оформления вершины зубца у братьев-Владимировичей одинаковый – усложнение вершины центрального зубца отцовского трезубца: у знака Ярослава центральный зубец увенчан кружком, а у знака Изяслава – крестом.

Глава 3 ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В ГРАФФИТИ НА МОНЕТАХ

Знаки Рюриковичей, зафиксированные среди граффити на монетах, введены в научный оборот благодаря нескольким публикациям: 1) свод 1991 г., подготовленный И.Г. Добровольским, И.В. Дубовым и Ю.К. Кузьменко (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991); 2) свод 1994 г., изданный В.Е. Нахапетян и А.В. Фоминым (Нахапетян, Фомин 1994); 3) ряд публикаций Е.А. Мельниковой (1996; Арндарь, Мельникова 1995).

Специальное исследование граффити на монетах посвятила Е.А. Мельникова (1998: 172-

181). Исследовательница изучила 15 монет с процарапанными знаками (рис. 16: 1-15), проанализировала места находок и датировку монет и пришла к следующему заключению: «Граффити на восточных монетах позволяют датировать появление знака Рюриковичей на Руси концом IX – рубежом IX-X вв.; выявить его связь с дружинной средой и великокняжеской властью; наконец, установить существование единого и неизменяемого вида знака от момента его возникновения до времени правления Владимира Святославича, что заставляет

отказаться от его (знака – С.Б.) интерпретации — для этого времени — как лично-родового знака Рюриковичей» (Мельникова 1998: 181).

Некоторые из знаков, учтенных в работе Е.А. Мельниковой, на мой взгляд, не имеют отношения к знакам Рюриковичей. Так, сомнительным представляется сопоставление с трезубцем Владимира граффити на монете из Козьянок (рис. 16: 7) и на монете из фондов Черниговского музея (рис. 16: 10). Граффито на монете из Звеничева (рис. 16: 8), возможно, является незавершенным рисунком двузубца, однако уверенности в этом нет. Фрагментарен рисунок на монете из Васьково: в площади обрезка монеты читается только ножка княжеского знака в форме треугольника, обращенного острием вниз (рис. 16: 13), поэтому неясно – двузубец или трезубец был здесь процарапан. В то же время, вне исследования Е.А. Мельниковой в каталоге «Византизм в искусстве Киевской Руси» № 74¹ свода 1991 г. и № 253 свода 1994 г. (рис. 16: 16, 17).

Таким образом, в настоящее время известно не менее девяти достоверных знаков Рюриковичей, процарапанных на монетах – семь двузубцев (рис. 16: 3-6, 9, 15, 16) и два трезубца (рис. 16: 14, 17).

Древнейший из знаков – граффито № 72 свода 1991 г., передающее изображение двузубца контурным рисунком (рис. 16: 3). Граффито зафиксировано на монете IX в. (?) из клада у д. Погорельщина (Беларусь), сокрытого после 903/904 г. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 139, № 72). Согласно периодизации монетного обращения, предложенной В.Л. Яниным (1956а: 118-127), клад у д. Погорельщина относится к третьему периоду обращения диргема в Восточной Европе, то есть – ко времени 900-938 гг. В.Н. Рябцевич полагает, что клад был сокрыт в 910-е гг. (Археология 1993: 471), а Е.А. Мельникова датирует клад первым десятилетием X в. (Мельникова 1996: 47; 1998: 176). Таким образом, знак на монете был процарапан в годы великого княжения Игоря Рюриковича. И, следовательно, двузубец определенно появляется на Руси не в годы княжения Святослава Игоревича, а уже при жизни его отца.

Изображения двузубцев (рис. 16: 4-6), переданные контурным рисунком, процарапаны на монетах 913/914 (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 144, № 149), 919/920 (Мельникова 1996: 47, № 5) и 924/925 гг. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 162, № 433). Монеты не связаны с конкретными кладовыми комплексами, и происхождение их не установлено. Граффити могли быть нанесены на монеты только после того, как сами монеты были отчеканены. Вероятно, соотносить эти граффити следует со временем княжения либо Игоря

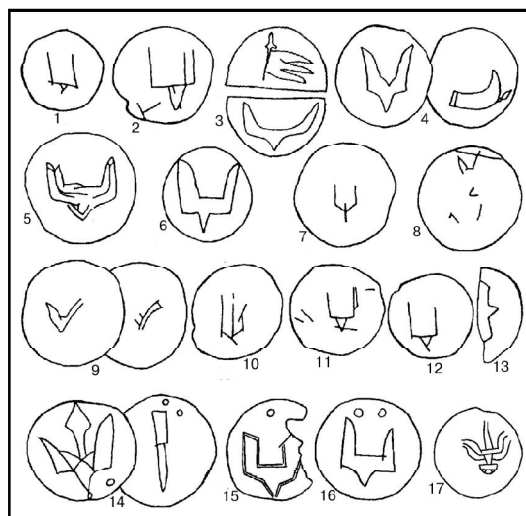

Рис. 16. Знаки-граффити на восточных монетах (1-15, 17 – по Е.А. Мельниковой, И.Г. Добровольскому, И.В. Дубову и Ю.К. Кузьменко; 16 – по В.Е. Нахапетян и А.В. Фомину).

Рюриковича, либо Святослава Игоревича.

К этому же времени относится граффито на монете 911/912 г. из Копиевки (рис. 16: 9), происходящее из клада, сокрытого в середине 50-х гг. X в. (Мельникова 1996: № 8). Изображение двузубца здесь менее отчетливо, чем в других граффити, но все-таки достаточно определенно угадываются и широкие зубцы, и ножка в виде треугольника, обращенного острием вниз.

Граффито № 253 (рис. 16: 16) свода 1994 г. (Нахапетян, Фомин 1994: 159), несущее изображение двузубца, обозначенного контурным рисунком, нанесено на монету 974/975 г. Этот двузубец не мог быть процарапан на монете при жизни Святослава Игоревича, поскольку сама монета была отчеканена уже после гибели князя (972 г.). Конечно, не исключено, что на монете изображение двузубца Святослава было процарапано через некоторое время после его гибели. Правда, это противоречило бы мнению И.Г. Добровольского, И.В. Дубова и Ю.К. Кузьменко, полагавших, что «княжеское клеймение дирхемов могло иметь место до начала чеканки собственной монеты... Русские князья клеймили дирхемы, имевшие хождение на Руси, своим знаком. Монеты после такой операции становились государственной единицей и могли играть важную роль в развитии экономики и торговли древнерусского государства» (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 128, 130): при такой оценке функций граффити-тамги их нанесение на монеты при жизни правителя предопределено самой гипотезой. Однако ничтожно малое число дирхемов, отмеченных знаком Рюриковичей, не позволяет принять гипотезу составителей свода 1991 г. безоговорочно.²

¹ Граффити № 74 (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 55-57) нанесено на византийскую монету, так что, строго говоря, оно тематически выпадает из исследования Мельниковой, посвященного граффити на восточных монетах.

С другой стороны, граффито на монете из клада у д. Погорельщина уже дало нам основание предполагать, что Святослав наследовал родовой двузубец без изменений. Поэтому весьма вероятной следует признать возможность наследования тамги Святослава без изменения его сыном. Речь может идти только о старшем сыне Святослава, Ярополке Святославиче, наследовавшем по отцу великокняжеский киевский стол.³ Монета, несущая граффито № 253 Свода 1994 г., отчеканена в годы правления Ярополка Святославича, так что вероятность нанесения на нее знака именно Ярополка представляется мне достаточно высокой. Именно так, кстати говоря, расценил граффито № 253 Е.В. Пчелов (1995: 37-38).

Сказанное допускает альтернативное толкование граффито № 82 Свода 1991 г. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 140): монета, несущая изображение двузубца, обозначенного контуром (рис. 16: 15), происходит из клада, сокрытого около 975 г., что не исключает нанесения на нее знака в годы великого княжения Ярополка Святополчича.

Среди граффито на восточных монетах выделяется группа знаков, напоминающих двузубцы Рюриковичей (рис. 16: 1, 2, 11, 12): точно так же, как и у двузубцев, переданных контурным рисунком, у этих знаков имеется треугольная ножка, но зубцы изображены не контуром, а простыми вертикальными линиями.⁴ Если эти знаки признать двузубцами Рюриковичей, то граффито на монете 877/878 г. (рис. 16: 1) из клада, сокрытого в первой половине 880-х гг. (Мельникова 1996: 47, № 1), было нанесено в годы новгородского княжения Рюрика. Происхождение монеты 894 г. не ясно, так что граффито (рис. 16: 2) на этой монете (Мельникова 1996: 47, № 2) могло быть нанесено как в годы княжения Игоря Рюриковича, так и позднее, но, во всяком случае, не раньше года чеканки монеты.

Граффито (рис. 16: 11, 12) на монетах 979/980 г. (Мельникова 1996: № 11) и 988/989 г. (Мельникова 1996: № 12) процарапаны на монетах, чеканенных уже после гибели Ярополка. Если считать линейные двузубцы с треугольной ножкой знаками Рюриковичей, то оказывается, что по крайней мере в 80-е – 90-е гг. X в., то есть – в годы великого княжения Владимира Святославича, двузубец продолжал оставаться реально существующим символом власти.

Если бы великий киевский стол после гибели Ярополка перешел к сыну Ярополка или к его брату, Олегу древлянскому, использование в юридической практике двузубца легко объяснялось бы сохранением существующей традиции престолонаследия. Однако Олег Святославич к 980 г. был убит, а единственный известный нам сын Ярополка Святополк родился после смерти отца. Княжеский же стол Киева был занят Владимиром Святославичем, лично-родовой знак которого, как мы уже знаем, имел форму трезубца. Конечно, теоретически можно было бы предположить, что Владимир, занявший великий киевский стол после убийства Ярополка, какое-то время пользовался родовым двузубцем, но затем вновь вернулся к трезубцу. Однако такая конструкция представляется мне излишне громоздкой.

Е.А. Мельникова высказала гипотезу, призванную объяснить отмеченное несоответствие: «Изображение знака Рюриковичей на протяжении первых трех четвертей X в. сохраняет устойчивость: это двузубец со слегка отогнутыми наружу или прямыми (в основном, в линейном варианте) зубцами и соединенным с основанием остротреугольным завершением внизу. Этот же тип двузубца представлен на печатях Святослава Игоревича и Ярополка Святославича (? – С.Б.). До начала правления Владимира знак не имеет индивидуализирующих признаков (третьего зубца, отрогов и т. п.). Лишь в конце X – начале XI в. его форма начинает развиваться: Владимир использует трезубец, Святополк Ярополчич (?) сохраняет двузубец, но дополняет его отрогом на левом зубце... Неизменность формы знака с момента его возникновения и до 80-х гг. X в., на протяжении почти столетия, за которое сменилось несколько поколений великих киевских князей, позволяет заключить, что в это время знак не являлся лично-родовым символом. Это содержание было приобретено им значительно позднее, не ранее последних десятилетий X в. На начальном этапе своего существования он принадлежал, вероятно, лишь главе рода Рюриковичей – верховному правителю Руси или, что менее вероятно, рассматривался как общеродовой знак Рюриковичей» (Мельникова 1998: 181).

К сожалению, изящная гипотеза Мельниковой вступает в противоречие с хронологией бытования трезубца, полученного Владимиром

² Напомню, что для первых русских эмиссий М.П. Сотникова и И.Г. Спасский не исключали прежде всего репрезентативный характер использования монет (Сотникова, Спасский 1983: 110; Сотникова 1995: 238, 239). Между тем, эти монеты представлены в настоящее время в 340 экземплярах, что никак не сопоставимо с единичными граффито.

³ Владимир Святославич, сын Святослава от наложницы Малуши, пользовался знаком в форме трезубца. Олег, младший брат Ярополка Святославича, великого киевского стола не занимал. Теоретически он мог претендовать на право пользоваться отцовским двузубцем, но при старшем брате, наследовавшем отцу, это представляется нереальным.

⁴ Следует согласиться с Е.А. Мельниковой (1998: 175) в том, что дополнительные вертикальные царапины на монете из фондов Черниговского музея (рис. 16: 11) и в граффито, зафиксированном Стокгольмским каталогом (рис. 16: 2), зубцами трезубца не являются.

уже при жизни Святослава (см. ниже), так что требуется какое-то иное объяснение использованию двузубца в юридической практике конца X в.

В конце X – начале XI вв. единственным известным по письменным источникам представителем старшей ветви рода Рюриковичей был Святополк Ярополчич. Именно он имел право наследовать по отцу и родовой двузубец, и великий киевский стол. И именно этим обстоятельством объясняют использование Святополком в качестве лично-родового знака двузубца с крестовидным левым зубцом. Как было показано в главе 1, особое положение Святополка среди других наместников Владимира Святославича, сидевих «по городам», явилось следствием вмешательства во взаимоотношения Владимира с пасынком тестя Святополка, польского князя Болеслава I, предпринявшего в 1013 г. военный поход на Русь для освобождения дочери и зятя, заключенных Владимиром в темнице в Киеве.

Комментируя особое положение Святополка в последние годы правления Владимира Святого, я отмечал, что арест и заточение туровского князя объясняется, вероятнее всего, его оппозиционной деятельностью по отношению к великому киевскому князю. Конкретизировать события позволяют, на мой взгляд, именно граффити на монетах 979/980 г. и 988/989 г.

Использование Святополком в качестве лично-родового знака двузубца с крестовидным левым зубцом – факт безусловный, однако причина усвоения князю знака, измененного по сравнению с двузубцем его отца и деда, требует объяснения. Конечно, это могло быть вызвано требованиями этикета, согласно которому племянник-вассал не мог иметь знак «старшего типа» по сравнению со знаком «младшего типа», которым располагал дядя-сюзерен. Правда, в этом случае Святополк должен был бы сразу же после смерти Владимира заменить знак производной от родового двузубца формы на собственно родовой двузубец. Однако это не произошло. Более того, двузубец с крестовидным левым зубцом известен нам как раз по монетам Святополка, чеканившимся после смерти Владимира Святого.

Рискну предложить гипотезу, которая, как кажется, устраняет все отмеченные противоречия. Получив «из руки» Владимира туровский стол, Святополк, встал в оппозицию к дяде, занимавшему великокняжеский стол. Одним из

проявлений оппозиционности стало использование Святополком родового двузубца. Фактически, это означало претензии Святополка на верховную власть в государстве, обусловленные происхождением Святополка Ярополчича от старшего сына Святослава. Именно демонстративное использование родового двузубца могло стать главной причиной ареста Святополка.⁵ Поход же Болеслава I на Киев заставил Владимира не только выпустить Святополка из заточения, но и признать за ним право престолонаследия.

Однако результатом соглашения, достигнутого между Владимиром и Святополком, стали, очевидно, взаимные уступки: Владимир был вынужден провозгласить Святополка «первым вассалом» и предоставил ему право эмиссионной деятельности, но взамен Святополк был вынужден признать себя вассалом Владимира и внести изменение в форму двузубца.⁶ Заметим, что изменение это было произведено путем усложнения зубца двузубца, то есть – по образцу изменения формы трезубца при наследовании его сыновьями Владимира: Изяслав Владимирович, в частности, получил право пользоваться трезубцем, вершина центрального зубца у которого была осложнена именно перекрестием.

Если предложенная реконструкция правдоподобна, то граффити на монетах 979/980 и 988/989 гг. могут быть связаны с периодом туровского княжения Святополка Ярополчича.

Убеждает в правильности реконструкции весь ход событий 1014-1015 гг.: отказ Ярослава Владимировича платить ежегодный «урок» Киеву; подготовка Владимиром похода на Новгород; попытка вооруженного мятежа с участием наемников, предпринятая Ярославом; попытка киевских бояр, поддерживавших Бориса Владимировича, скрыть факт смерти Владимира из-за присутствия в Киеве Святополка; отмеченное летописью (весьма нелестно отзывавшейся о Святополке) признание старшинства Святополка со стороны Бориса⁷ – любимца Владимира и наиболее вероятного, с точки зрения летописца, претендента на киевский великий стол. Очевидно, что и Святополк, и Владимир, и Борис вели себя в соответствии с достигнутым в 1013 г. соглашением, по которому великое княжение после Владимира должно было перейти Святополку.

Единственным из братьев-Владимировичей, нарушившим установленный в 1013 г.

⁵ Возможно, отголоски этих событий зафиксированы в «Саге о Бьёрне», сведения которой Н.И. Милютенко отнесла ко времени до 1010 г. и сопоставила с «заговором Святополка» (Милютенко 1996: 40-42).

⁶ Формальной причиной этого изменения могло стать и происхождение Святополка, являвшегося посмертным сыном Ярополка, и произошедшее в результате междуусобицы Святославичей нарушение порядка престолонаследия, и оба эти обстоятельства одновременно.

⁷ «Весть приде к нему (Борису – С.Б.): отец ти умерел. И плакася по отци вельми, любим бо бе отцем своим паче всех. И ста на Лъте пришед. Речи же ему дружина отня: се дружина у тебе отня и вои – поиди, сяди Киеве на столе отни. Он же рече: не буди мне възняти руки на брата своего старешаго, аще и отец ми умре, то съ ми буди в отца место. И се слышавше вои, разидоша от него» (ЛЛ: 132).

порядок престолонаследия, оказывается, в таком случае, Ярослав, заявивший свои претензии на великий киевский стол сразу же по получении сообщения о смерти отца. Действия Ярослава летописец оправдывает мстостью за убийство Бориса и Глеба. В свете предложенной выше реконструкции событий, убийство Бориса и Глеба, приписанное летописцем Святополку, оказывается нелогичным, поскольку именно Святополк в сложившейся ситуации был менее всего заинтересован в гибели Бориса, признавшего право Святополка на великое княжение.

В этой связи вспомним сведения, содержащиеся в Пряди об Эймунде – скандинавской саге, подробно повествующей об участии наемной дружины варягов в войне «за наследство» Владимира Святого и сообщающей, в частности, что конунга Бурицлава убили варяги по приказу конунга Ярицлейва. Последние по времени комментарии к тексту Пряди приведены в фундаментальном исследовании Т.Н. Джаксон (1994: 161-174), там же дан подробный разбор предлагавшихся в литературе отождествлений для главных персонажей Пряди – братьев-князей Ярицлейва, Вартилава и Бурицлава. Подводя итоги более чем полустолетней дискуссии, Т.Н. Джаксон отмечает: «Конунга Бурицлава исследователи традиционно отождествляют со Святополком Владимировичем... Несходство имен объясняется тем, что в борьбе Ярослава со Святополком значительную роль играл польский князь Болеслав I Храбрый (992-1025), его тесть... Ярицлейв – Ярослав Мудрый... Вартилава исследователи традиционно отождествляют с полоцким князем Брячиславом Изяславичем... Р. Кук небезосновательно полагает, что фигура Вартилава являет собой соединение двух образов – Брячислава, от чьего имени образовано имя «Вартилава» и чья резиденция (Палтескья – Полоцк) упоминается в тексте, и Мстислава Владимировича, князя тмураканского, который, как и Вартилава в Пряди, заключил с Ярославом мирный договор, а после смерти оставил свой удел Ярославу» (Джаксон 1994: 162-163).

Отдавая должное сказанному, решусь все-таки присоединиться к мнению тех исследователей (Алешковский 1972; Хорошев 1986), которые видели в имени Бурицлава искаженную форму имени Борис. Действительно, сохранившееся в тексте Пряди описание убийства Бурицлава по ряду деталей (подосланные убийцы-варяги, отрубленная голова конунга, предъявленная брату-убийце) совпадает с летописным описанием убийства Бориса. Конечно, о полном отождествлении Бурицлава и Бориса речи нет – такому отождествлению противоречит, в частности, зафиксированный Прядью затяжной характер конфликта между Ярицлейвом и Бурицлавом, продолжавшегося, с перерывами, на протяжении по крайней мере трех

лет, так что в этом отношении отождествление Бурицлава со Святополком безупречно. Однако соглашаясь с тем, что в образе Вартилава соединились сведения о Брячиславе Изяславиче и Мстиславе Владимировиче и принимая гипотезу о собирательном характере образа Бурицлава, считаю возможным допустить, что в образе Бурицлава соединились сведения не о Святополке и Болеславе I, а о Святополке и Борисе Владимировиче. Отмеченные исследователями «литературные штампы», встречающиеся в тексте Пряди, предлагаемой гипотезе не противоречат: они явно представляют собой «результат того, что она (Прядь – С.Б.) прошла через много рук на своем пути от устного предания до того вида, в котором мы ее теперь знаем» (Рыдзевская 1940: 69; цит. по: Джаксон 1994: 162).

Граффито № 74 свода 1991 г. нанесено на византийскую монету 945-959 гг., происходящую из Ериловского клада на Псковщине, сокрытого в конце 70-х гг. X в. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 139, № 74). Знак (рис. 16: 17) имеет форму крылатого меча, в котором угадывается трезубец: центральный зубец передан клинком меча, боковые зубцы – крыльями, основание трезубца – перекрестием меча, а ножка – рукоятью и навершием. Комментируя граффито, составители свода подчеркивали, что изображение меча можно сопоставить с мечами типа V, датирующимися X в., а само граффито в целом, обозначали как крылатый меч. «Перед нами стилизованное изображение трезубца (ведущий мотив символа Рюриковичей), основание которого выполнено в виде рукояти меча, а клинок является средней мачтой знака», – резюмировали И.Г. Добровольский, И.В. Дубов и Ю.К. Кузьменко (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 55-56).

Соглашаясь с тем, что граффито № 74 передает в стилизованной форме изображение трезубца Владимира Святославича, и датируя нанесение граффито на монету в интервале 960-970-х гг., я считаю возможным связывать его появление с периодом новгородского княжения Владимира Святославича. Таким образом, есть основания считать, что трезубцем Владимир пользовался уже при жизни отца.

Седьмой из достоверных знаков на монетах зафиксирован граффито № 103 свода 1991 г. Граффито нанесено на дирхем IX в. из клада Свирьстрой, сокрытого во втором десятилетии XI в. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 141, № 103). Знак имеет форму трезубца с центральным зубцом, увенчанным ромбом (рис. 16: 14). И.Г. Добровольский, И.В. Дубов и Ю.К. Кузьменко, комментируя граффито, отметили: «Схема знака... хорошо известна по другим находкам и интерпретируется как княжеский символ Владимира Святославича... Дирхем чеканки 813-833 гг. происходит из клада, зарытого в землю в 1015-1020 гг., а княжил

Владимир Святославич в 978-1015 гг. Отсюда следует, что в период нахождения у власти этого князя дирхем находился в обращении, и вполне закономерно, что он был отмечен его личным знаком» (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 73, 74).

Действительно, центральный зубец трезубца Владимира Святославича на некоторых монетах имел более или менее выраженное копьевидное завершение. Однако в изображениях на монетах этот элемент, как уже отмечалось, относится к числу декоративных и геральдически значимым не является. В то же время трезубец в граффито № 103, лишенный декоративных элементов, имеет ярко выраженное ромбовидное завершение. Если считать этот элемент значимым, то напрашивается сопоставление знака с трезубцами Изяслава и Ярослава Владимировичей: оба знака отличаются от трезубца Владимира усложненным, по сравнению со знаком отца, завершением центрального зубца. От трезубцев Изяслава и Ярослава Владимировичей знак в граффито № 103 также отличается завершением центрального зубца. Иными словами, различие между рассматриваемым знаком, с одной стороны, и знаками Изяслава и Ярослава, с другой, такое же, как и различие между знаками Изяслава и Ярослава, то есть – между знаками братьев. От знака Владимира знак в граффито № 103 отличается точно так же, как от последнего отличаются знаки сыновей Владимира. Полагаю, что не будет особой натяжкой атрибутировать знака в граффито № 103 брату Изяслава и Ярослава Владимировичей, одному из сыновей Владимира Святого (рис. 17: А).

Еще одно граффито – № 329 свода 1994 г., процарапанное на монете Ахмада бен Исмаила, чеканенной в аш-Шаше в 298 г.х. (910/1) – никогда не рассматривалось в литературе в качестве знака Рюриковичей (рис. 17: 3). Публикуя это граффито, В.Е. Нахапетян и А.В. Фомин отмечали, что оно «по манере рисунка и по таким деталям, как маленькие кресты ... определяется как скандинавское ... Аналогий данному изображению найти пока не удалось», — резюмировали исследователи (Нахапетян, Фомин 1994: 170, 207). Полагаю, что пессимизм в отношении аналогий изображению вряд ли оправдан: граффито № 329 может быть интерпретировано как знак Рюриковичей в виде двузубца с равновеликими зубцами.

Особенностью двузубца в граффито № 329 является нижняя часть ножки, от острого основания которой отходят две тонкие линии, завершающиеся маленькими крестиками. Если рассматривать последние в качестве орнаментального приема, аналогичного оформлению концов стяга в граффито № 74 свода 1994 г. (Нахапетян, Фомин 1994: 158, рис. 7а), то ближайшей аналогией знаку в граффито № 329 является знак, процарапанный на роговом

гребне из раскопок городища Инднакар чепечкой культуры в Удмуртии (рис. 17: 2). Гребень происходит из слоя X — начала XI вв. (Амелькин 1987) и, как представляется, именно этот предмет дает возможность дешифровать граффито № 329.

Знак на гребне из городища Инднакар имеет вид трезубца, боковые зубцы и основание которого обозначены контуром, а центральный зубец имеет вид короткого штриха, пересекающего верхний контур основания знака. Треугольная ножка знака осложнена раздвоением. Можно было бы предположить, что это раздвоение представляет собой чисто орнаментальный прием, призванный обозначить элементы плетеного орнамента. Однако этому противоречит схематизм знака на гребне. А.О. Амелькин, опубликовавший гребень с городища Инднакар, сопоставил знак с трезубцем Владимира Святого и полагал, что эта находка свидетельствует о существовании русско-удмуртских контактов в X-XI вв. (Амелькин 1987: 107). А.М. Белавин не исключал, что знак, процарапанный на гребне, является грубым подобием тамги Владимира (Белавин 2000: 152).

Отмечу важное наблюдение А.О. Амелькина: центральный зубец у знака на гребне, обозначенный короткой чертой, вырезан значительно глубже, чем остальной контур знака. Амелькин связал это «с исправлением тамги Святослава Игоревича на тамгу его сына Владимира» (Амелькин 1987: 107), то есть — с переделкой знака из двузубца в трезубец. Таким образом, раздвоенная ножка у знака на гребне относится к первоначальному двузубцу (рис. 17: 2), а не к трезубцу, в который двузубец был переделан. И так как знак лишен какого-либо декора, полагаю, что раздвоенную ножку следует считать значимым элементом первоначального двузубца.

Как мы уже установили, знаки отца и сыновей различаются между собой на один элемент. Во всех отмеченных случаях изменения были

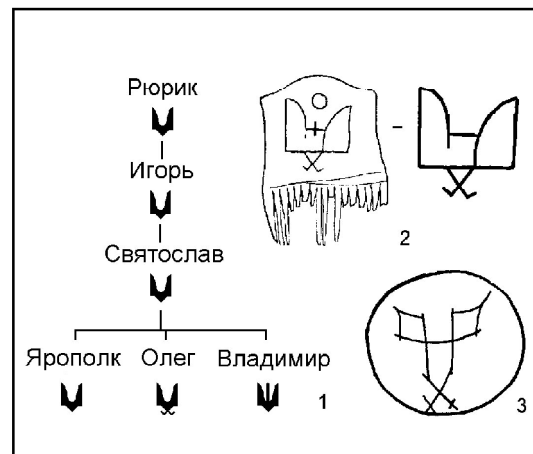

Рис. 17. Граффито № 329 свода 1994 г. (3), знак на гребне с городища Инднакар (2) и персонафикация знака (1).

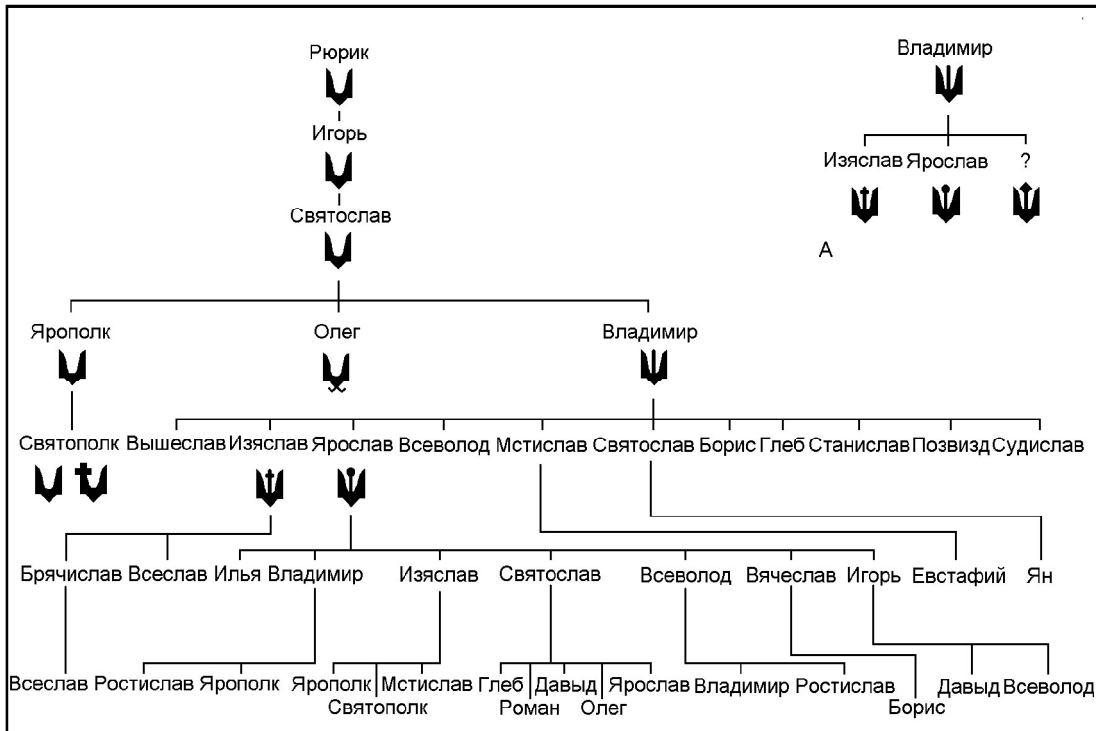

Рис. 18. Генеалогия знаков Рюриковичей X – XI вв. Стамма 3.

связаны с усложнением формы одного из зубцов — левого у знака Святополка и центрального у трезубцев, принадлежавших сыновьям Владимира Святого. Различие между исходным двузубцем на гребне и родовым двузубцем Рюрика (?) — Игоря — Святослава — Ярополка — Святополка (?) иное: здесь усложняется форма не зубца, а ножки знака. Тем не менее, принцип усложнения — на один элемент — тот же самый, и это дает основание считать, что исходный знак на гребне принадлежал сыну человека, пользовавшегося родовым двузубцем Рюриковичей. Более того, речь вряд ли может идти о старшем сыне владельца двузубца, поскольку последний, как мы уже знаем, обладал правом пользоваться родовым двузубцем без изменения исходной формы. Гребень с городища Инднакар найден в слое X — начала XI вв., так что владельца знака, процарапанного на этом гребне, следует искать среди князей X в. Все сказанное подводит нас к единственному возможному владельцу знака — второму сыну Святослава Игоревича, Олегу древлянскому, убитому по приказу старшего брата Ярополка в 977 г. в битве под Овручем (рис. 17: 1). Тогда «исправление» знака на гребне можно связать с событиями династической войны 970-х гг.: первоначально на

гребне был изображен двузубец, принадлежавший Олегу Святославичу, а после гибели князя владелец гребня переделал двузубец в трезубец, отчетливо обозначив, таким образом, свои политические симпатии — он явно являлся сторонником новгородского князя Владимира, а не великого киевского князя Ярополка, с которым после гибели Олега ассоциировалось в глазах современников изображение двузубца.⁸

Если персонификация знака на гребне из раскопок городища Инднакар верна, то Олегу Святославичу может быть атрибуирован и знак в граффити № 329.

* * *

Таким образом, генеалогия знаков Рюриковичей, с учетом граффити на монетах (рис. 18) дополнилась знаками сына Святослава, Олега древлянского и еще одного, пока непоименованного, сына Владимира Святого. Кроме того, установлен факт использования Святополком Ярополчицем в период ранее 1013 г. родового двузубца. Следовательно, период, в течение которого Святополк пользовался двузубцем с крестовидным правым зубцом, сужается до короткого отрезка времени — между 1013 и 1019 (?) гг.

⁸ О путях попадания гребня со знаком на территорию Удмуртии остается только догадываться, но ясно одно — это не могли быть контакты с Новгородом, реконструируемые большинством современных исследователей для русско-удмуртских связей X-XI вв. Отмечу, кстати, что сам гребень, на котором процарапан знак, является достаточно типичным для средневековых финно-угорских древностей, так что речь должна идти не о том, каким путем попал гребень в Верхнее Прикамье, а о том, кто и когда процарапал на гребне изображение древнерусского княжеского знака.

Глава 4 ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В РИСУНКАХ НА БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ И В ГРАФФИТИ НА СТЕНАХ ХРАМОВ

Бытовые предметы

В эту группу памятников, несущих изображения знаков Рюриковичей, объединены разнородные предметы, большинство из которых найдено при археологических раскопках. Наиболее представительная серия находок происходит из Новгорода. Среди них особое внимание привлекает костяная подвеска (рис. 19, 1), найденная в Троицком раскопе.¹ Комментируя эту подвеску, В.Л. Янин писал: «На одной ее стороне изображен простой двузубец; в результате другая сторона была снабжена рисунком трезубца, а на знаке лицевой стороны дополнительно процарапан средний зубец, что было сделано очень легким штрихом. Поскольку дата слоя совпадает со временем перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, а трезубец является, несомненно, тамгой Владимира, двузубец лицевой стороны может быть отнесен только к Святославу» (Янин 1982: 149). Действительно, подвеска найдена в слое 26 яруса Троицкого раскопа, формировавшимся в 954-973 гг. Однако на эти годы приходится не только момент перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, но и самое начало великого княжения Ярополка Святославича. И так, как верхняя хронологическая дата подвески определяется началом княжения Ярополка, отмеченный факт переделки знака на подвеске приобретает особое значение.

Разумеется, нет никаких оснований утверждать, что знаки на разных сторонах подвески разновременны. Напротив, тот факт, что дополнительный центральный зубец у трезубца «процарапан... очень легким штрихом», указывает на возможность иной реконструкции судеб подвески: первоначально на ее сторонах были размещены разные знаки (рис. 19: 1а), и только потом двузубец на одной из сторон был переделан в трезубец, аналогичный трезубцу на другой стороне.

Таким образом, владелец подвески первоначально выступал представителем двух лиц – владельца двузубца и владельца трезубца. Впоследствии владелец подвески получал полномочия уже только от владельца трезубца, что и потребовало переделки двузубца на одной

из сторон подвески в трезубец, аналогичный трезубцу на другой стороне.²

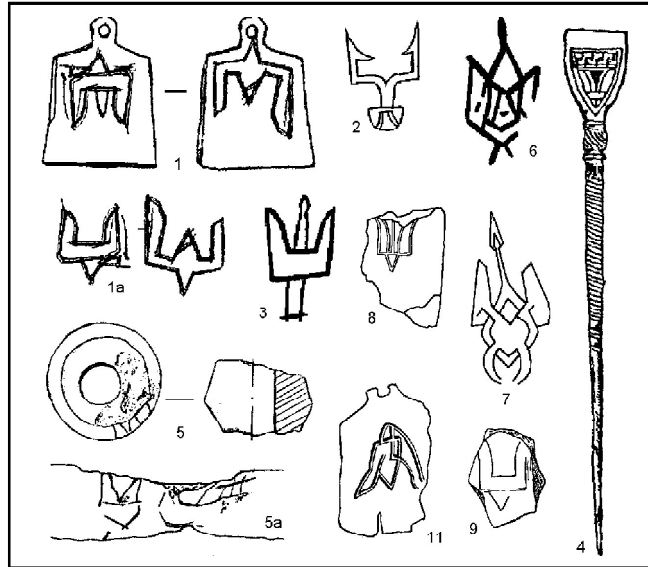
Переделка знака на одной из сторон костяной новгородской подвески, безусловно, свидетельствует об изменении характера власти, представлять которую был полномочен держатель подвески. Напомню, что на середину 970-х гг. приходится борьба между Святославичами, завершившаяся гибелью в битве под Овручем Олега древлянского и бегством Владимира «за море» (ЛЛ: 74, 75). Комментируя эти события, О.М. Рапов писал: «По-видимому, древлянский и новгородский наместники рассматривали свои земельные владения, полученные от отца, а не от старшего брата, как полную безусловную собственность... Узнав о сепаратистских тенденциях Олега и Владимира, Ярополк решил пресечь их в корне. Ему удалось с помощью военной силы возвратить Руси отпавшие от нее земли» (Рапов 1977: 32, 33).

Отмеченные изменения в полномочиях владельца новгородской костяной подвески в полной мере соответствуют данной реконструкции событий 977 г. Сочетание на подвеске знаков Святослава и Владимира указывает на то, что держатель подвески первоначально выступал полномочным представителем одновременно и великого киевского князя, и его новгородского наместника; именно так должен был быть оформлен верительный знак чиновника, представлявшего Владимира Святославича в годы его правления в Новгороде от имени Святослава Игоревича (в статусе соправителя отца?). Переделка подвески потребовалась в тот момент, когда Ярополк Святославич сменил отца на киевском столе, поскольку родовым двузубцем теперь стал пользоваться Ярополк. Заменив двузубец на трезубец, владелец подвески превратился в представителя исключительно Владимира Святославича. И так как подвеска обнаружена в слое, верхняя хронологическая граница формирования которого определена 973 г., можно утверждать, что с самого начала великого княжения Ярополка Святославича чиновник, представлявший Владимира, выступал исключительно от имени новгородского князя,

¹ Строго говоря, подвеску нельзя относить к бытовым предметам: как и широко известные «геральдические подвески» из меди и серебра, анализируемые в главе 5, эта подвеска могла исполнять (и, вероятнее всего, исполняла) функции верительного знака, то есть — являлась регалией власти.

² Я сознательно избегаю в определении сторон у подвески терминов «лицевая сторона» и «оборотная сторона». У двустороннего юридического знака (печать, подвеска, пломба) определение аверса и реверса является существенным при правовой оценке полномочий владельца. В том случае, когда на обеих сторонах двусторонней регалии размещены юридически равнозначные символы (в данном случае — княжеские знаки), определение аверса и реверса принципиально невозможно; только по косвенным данным и в редчайших случаях удается высказать осторожное предположение о том, какую из сторон владелец рассматривал в качестве «лицевой» («первой», «главной»).

Рис. 19. Предметы с изображениями знаков Рюриковичей. 1-3, 4, 6, 10 – Новгород; 5 – Рапти-Наволоки; 7 – Жовнино; 8 – Киев; 9 – Таманское городище, 11 – Прудянки (прорисовки по В.Л. Янину, Б.А. Колчину, Г.Е. Дубровину, Б.Б. Овчинниковой, Б.А. Рыбакову, С.Р. Килиевич, П.П. Толочко).

а вовсе не от имени одновременно и новгородского, и киевского князей, как это было при жизни Святослава Игоревича. Таким образом, костяная подвеска из Новгорода позволяет уверенно утверждать, что Владимир Святославич пользовался трезубцем в качестве личного княжеского знака уже при жизни отца.³

Еще одна костяная подвеска происходит из с. Прудянки на верхнем Днепре (рис. 19: 11). Публикуя эту подвеску, Б.А. Рыбаков отмечал, что знак вырезан на кости очень небрежно и без всяких орнаментальных деталей» (Рыбаков 1940: 239, 240, рис.38). А. А. Молчанов, изучавший предмет в фондах ГИМ, подчеркивал, что подвеска «оказалась случайно поцарапанной с обеих сторон» и причислена к рассматриваемой группе памятников ошибочно (Молчанов 1976а: 77). Мне пока не удалось осмотреть подвеску из Прудянок *de visu*, однако на прорисовке Б.А. Рыбакова достаточно определенно читается трезубец Владимира, причем не схематичный, как это полагал Рыбаков, а «парадный», хотя и изображенный крайне неумело. Полагаю, что подвеска из Прудянок нуждается в новом изучении, до проведения которого какие-либо оценки достоверности памятника нецелесообразны.

В связи с изложенными выше комментариями к костяной подвеске из Новгорода показательны изображения знаков в форме двузубца и трезубца, вырезанные на деревянных предметах, найденных в Новгороде (Колчин 1968:

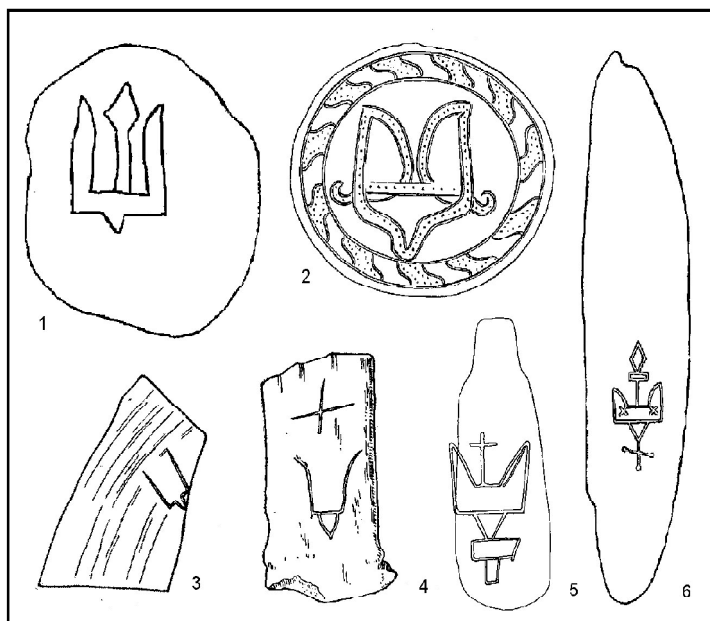
22, рис.12: 3, 8). Стилизованный двузубец (рис.19: 2) обнаружен на предмете из слоя 28 яруса Неревского раскопа (953-972 гг.), то есть – происходит из слоя, формировавшегося в годы великого киевского княжения Святослава Игоревича. Трезубец, вырезанный на поплавке (рис.19: 3) найден в слое 27 яруса Неревского раскопа (972-989 гг.), то есть – происходит из отложений, формировавшихся в период новгородского княжения Владимира и в годы междоусобицы Святославиичей.

В самое недавнее время Г. Е. Дубровин опубликовал деревянное зооморфное навершие с изображением трезубца (рис. 19: 6), найденное в слое 23-24 яруса Троицкого VII раскопа в Новгороде (Дубровин 2000: 425, рис.160). В издании знак не комментируется, а слой, из которого происходит навершие, датирован концом X в. Схема трезубца отличается от классического трезубца Владимира: хотя боковые зубцы широкие, а центральный, более тонкий зубец опирается на овал, собственно треугольная ножка отсутствует, зато основанию трезубца приданы очертания треугольника, обращенного острием вниз. Можно было бы сомневаться в том, что этот знак имеет отношение к знакам Рюриковичей. Однако аналогично оформлена ножка у двузубца, процарапанного на шиферном пряслице (рис. 19: 5, 5а) из Боровского купалища под Лугой (Михайлова, Соболев, Белецкий 1998)⁴, так что подобный прием в изображении треугольной ножки знака,

³ В главе 3 я допускал, опираясь на граффити № 74 свода 1991 г., что Владимир, вероятнее всего, пользовался трезубцем в годы своего новгородского княжения. Благодаря костяной подвеске из Троицкого раскопа это допущение становится фактом.

⁴ Предложенную в первой публикации пряслица из Боровского купалища датировку – X в. – взял под сомнение К.В. Шмелев. Исследователь полагает, что рядом со знаком на пряслице процарапан «схематично изображенный корпус судна с высоко поднятой носовой оконечностью, наклоненной в корму мачтой, неким сооружением на корме». К.В. Шмелев не исключает, что это изображение «судового тента или шатра на стойках» и сопоставляет рисунок на пряслице с широко известным изображением ладьи на гребне конца IX – X вв. из Псковского городища. Подчеркнув, что подобных шатры или тенты размещались обычно у мачты, а не на корме, Шмелев считает более вероятным, что на пряслице изображено судно с

Рис. 20. Предметы с изображениями знаков Рюриковичей. 1 – Новгород; 2-4 – Саркел; 5 – Измерское поселение; 6 – Таманское городище (прорисовки по В.Л. Янину, А.М. Щербаку, А.Ф. Медведеву, Е.П. Казакову).

очевидно, считался допустимым. Сходный со знаком на пряслице двузубец был, как будто бы, изображен на стилосе из слоя первой половины XI в. в Троицком XII раскопе в Новгороде. К сожалению, опубликованная (Овчинникова 2000: 70, рис. 2, 8) прорисовка стилоса (рис. 19: 4) не слишком отчетливо передает особенности декора лопатки, поэтому у меня нет полной уверенности в том, что здесь изображен именно двузубец. Напомню также, что ножка у некоторых трезубцев, изображенных на златниках и сребрениках Владимира типа I, в своей верхней части почти равна основанию трезубца.

Обращают на себя внимание два отростка, отходящие от основания трезубца на зооморфном навершии (рис 19: 6). Сходный элемент зафиксирован у трезубца, изображенного на костяном предмете, найденном в начале 1960-х гг. при раскопках городища у с. Жовнино – детища древнерусской Желни⁵ (рис. 19: 7). В последнем случае знак передан в «парадной» версии: основание и треугольная ножка оформлены сложным плетеным орнаментом, сходным с плетенкой на монетах Владимира Святославича. Полагаю, что плетенка, включая ее свободные концы, «повисающие» по обе стороны от ножки, является декоративным элементом, а сам знак на костяном предмете из Желни вполне определенно атрибутируется Владимиру Святому (Килиевич 1965: 193). С учетом того, что мастер, вырезавший знак на новгородском зооморфном навершии, попытался довольно

неумело передать элементы плетеного орнамента, отростки у основания этого трезубца также следует расценить в качестве декоративных элементов, а сам знак на деревянном навершии можно атрибутировать Владимиру Святославичу.

Среди новгородских находок особо следует выделить изображение трезубца на заготовке каменного грузила (рис. 20: 1). Комментируя эту находку, В.Л. Янин (1982: 150) сопоставлял изображенный на грузиле трезубец с изображением трезубца на монетах Ярослава Мудрого. Датировка слоя, из которого происходит грузило, такой атрибуции не противоречит: заготовка найдена в слое яруса 24 Неревского раскопа (1025-1055 гг.), что соответствует времени активной деятельности Ярослава Владимировича. Однако вершина зубца у трезубца Ярослава увенчана кружком, в то время как у трезубца, изображенного на грузиле, вершина центрального зубца имеет ромбовидное завершение.

Знак, изображенный на заготовке каменного грузила из Новгорода, аналогичен трезубцу в граффито № 103 свода 1991 г. (рис. 16: 14), атрибуированному ранее одному из сыновей Владимира Святого – брату Изяслава и Ярослава Владимировичей.

В этой связи принципиально важным представляется изображение трезубца, процарапанное на костяной пластине (рис. 20: 6), найденной при раскопках Таманского городища в 1931 г.

кормовой надстройкой, время появления которых относится только к XII-XIII вв. (Шмелев 2000: 202-205). Полагаю, что намечающееся противоречие в датировке знака и «судна» на самом деле мнимое: у меня нет уверенности в том, что «сооружение» является кормовым, поскольку контур судна на пряслице явно остался незавершенным, и вероятность размещения «тента» ближе к центральной части судна достаточно велика. В этом случае рисунок судна действительно сопоставим с изображением на Псковском гребне IX-X вв., и хронологическое противоречие снимается.

⁵ Город Желня, впервые упомянутый в летописях под 1093 г., в XI-XII вв. входил в состав Переяславского княжества.

(Миллер 1932: 59) и введенной в научный оборот Б.А. Рыбаковым.⁸ Исследователь атрибуировал знак на пластине брату Ярослава Мудрого, Мстиславу тмутараканскому (Рыбаков 1940: 241, 242).⁹ С этой атрибуцией знак вошел в большинство последующих публикаций (Медведев 1966: табл.3, 6; Сотникова, Спасский 1983: 84, рис.23).

Между тем, нетрудно заметить, что знак на тмутараканской пластине отличается от трезубца Владимира не на один, а на два элемента: у него не только более сложная форма центрального зубца, увенчанного ромбом, но и более сложная форма ножки, треугольная часть которой дополнена крестом. Это не позволяет рассматривать трезубец, изображенный на пластине, в качестве знака, принадлежащего сыну Владимира Святославича: между трезубцем Владимира Святого и трезубцем на пластине должно было быть еще одно, промежуточное звено, обеспечивающее постепенный характер развития знака.

Именно таким промежуточным звеном являются трезубцы, изображенные в граффито № 103 и на заготовке каменного грузила из Новгорода: отличаясь от тамги Владимира на один элемент, они на один элемент отличаются и от тамги на тмутараканской накладке. Однако в последнем случае отличие иное: у знака на таманской накладке треугольная ножка трезубца дополнена крестовидным завершением. Если знак на грузиле и в граффито № 103 передают тип тамги, принадлежащей сыну Владимира, то знак на тмутараканской костяной накладке, по всей видимости, принадлежал сыну этого сына, то есть – внуку Владимира Святого.¹⁰

Отказавшись от атрибуции трезубца на тмутараканской накладке Мстиславу Владимировичу, я, тем не менее, считаю достаточно серьезным главный вывод Б.А. Рыбакова – место находки предмета. Действительно, с наиболь-

шей вероятностью владельца тамги следует искать среди лиц, связанных с тмутараканским княжеским столом.

Находка происходит из слоя, датированного А.А. Миллером X-XII вв. (Миллер 1932: 58). По периодизации, предложенной С.А. Плетневой (1963: 63, 68-70), верхняя хронологическая граница «русского слоя» Тмутаракани определяется началом XII в. И.И. Ляпушкин (1941) датирует русский период жизни на поселении от конца X до XII в. Наиболее вероятным претендентом на отождествление с владельцем знака на тмутараканской накладке является, на мой взгляд, князь Евстафий – единственный сын Мстислава Тмутараканского, скончавшийся в 1033 г. (ЛЛ: 150) в возрасте немногим более 30 лет (Татищев 1963: 69).¹¹

После всего сказанного считаю возможным атрибуировать знак, зафиксированный в граффито № 103 свода 1991 г. и на заготовке каменного грузила из Новгорода сыну Владимира Святого, Мстиславу Владимировичу.

В Киеве находки бытовых предметов X-XI вв., помеченных знаками Рюриковичей, на удивление немногочисленны. Кажется, единственная опубликованная находка – это кость (ребро ?) животного с процарапанным на ее поверхности трезубцем (Толочко, Гулало, Харламов 1976: 44, рис. 15, в центре). К сожалению, вершина центрального зубца у трезубца не сохранилась (рис. 19: 8), поэтому уверенно персонифицировать знак не удастся. Археологический контекст находки из публикаций¹² не ясен.

Ряд предметов с изображениями знаков Рюриковичей происходит из раскопок Саркела.¹³ Хрестоматийный костяной кружок¹⁴ с декоративным изображением двузубца (рис. 20: 2), (Щербак 1959: 364, рис.1), может быть отнесен ко времени правления не только Святослава Игоревича, но также Ярополка Святосла-

⁸ Строго говоря, костяную пластину из Таманского городища, следовало бы отнести к числу предметов вооружения, а не к бытовым предметам, поскольку эта пластина представляет собой накладку на рукоять сложного боевого лука.

⁹ К такому же выводу независимо от Б.А. Рыбакова пришел и И.И. Ляпушкин (1941: 231-215). В.В. Мавродин полагал, что знак на костяной пластине из Тмутаракани принадлежал Ярославу Мудрому (Мавродин 1935: 224).

¹⁰ А.А. Молчанов, на мой взгляд, совершенно незаслуженно упрекает Б.А. Рыбакова, приписывая ему утрированный характер прорисовки знака на тмутараканской накладке (Молчанов 1984: 68, примеч.12). Ссылка на мнение В.В. Мавродина мало что дает: пластина из раскопок Таманского городища была издана И.И. Ляпушкиным (1941: табл.5,10), а позднее воспроизведена А.Ф. Медведевым (1966: табл.3,6). Эти издания позволяют убедиться в достаточной точности прорисовки, опубликованной Б.А. Рыбаковым (1940: 242, рис.41). Поэтому исключение знака, изображенного на тмутараканской накладке, из числа личностных знаков Рюриковичей (Молчанов 1984: 67,68, табл.1), на мой взгляд, не оправдано.

¹¹ К моменту смерти Евстафия, умершего еще при жизни отца, резиденцией Мстислава Владимировича уже был Чернигов. Место княжения Евстафия неизвестно, однако не исключено, что после перенесения своей резиденции в Чернигов Мстислав оставил сына на тмутараканском столе.

¹² В коллективной монографии «Новое в археологии Киева» повторена таблица из статьи 1976 г. и сказано о находке «двух обломков костяных пластин со знаками Рюриковичей» (Новое 1981: 329); второй предмет, кажется, не публиковался.

¹³ Саркел – хазарская крепость на Дону, захваченная войсками Святослава Игоревича в 965 г. До начала XII в. на ее месте существовал древнерусский город Белая Вежа.

¹⁴ Вероятнее всего, кружок из Саркела являлся печатью-матрицей для оттискивания по воско-мастичной основе.

вича и даже Святополка Ярополчича, хотя первая из датировок предпочтительнее. То же можно сказать и о двух процарапанных на амфорах (Щербак 1959: табл. VI, IX; Флерова 1997: табл. XV, 229, 230) схематичных двузубцах (рис. 20: 3, 4), сопоставимых с граффити на восточных монетах (рис. 16: 1, 2, 11, 12).¹⁵ С граффити на восточных монетах (рис. 16: 6, 15, 16) можно сопоставить также двузубец (рис. 18: 9), процарапанный на амфоре из раскопок Таманского городища (Флерова 1997: табл. XVII, 6).

Изображение княжеского знака зафиксировано также на костяной рукояти шила, найденной при раскопках Измерского поселения X-XI вв.¹⁶ (Казаков 1991: 348, рис. 8).¹⁷ Знак имеет форму трезубца с широкими боковыми зубцами, сходящимися к острой вершине, тонким центральным зубцом с крестовидной вершиной и сложной ножкой – верхняя часть ножки, примыкающая к основанию трезубца, имеет форму треугольника, обращенного острием вниз, нижняя часть ножки представляет собой вертикальный выступ и прямоугольник, образующий с этим выступом и острием треугольной части ножки перекрестие (рис. 20: 5).

Зубцы трезубца, вырезанного на рукояти из Измерского поселения, находят себе соответствие в трезубце, помещенном на печати из раскопок Новгорода (рис. 14: 2); этот знак был ранее атрибуирован Изяславу Владимировичу, второму сыну Владимира Святого. Однако

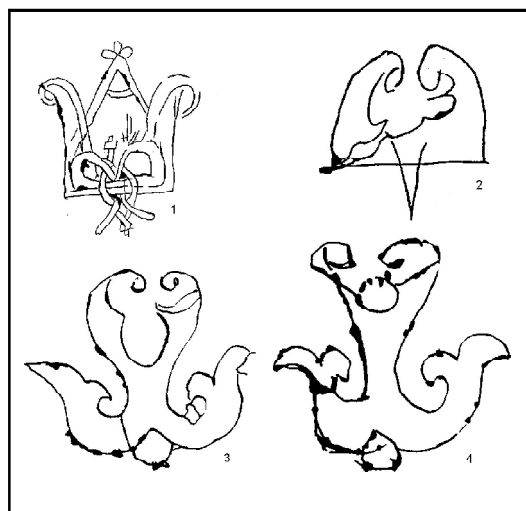

Рис. 21. Граффити на стенах Софийского собора в Киеве (прорисовки по С.А. Высоцкому).

считать знак на рукояти трезубцем Изяслава не приходится: от трезубца Изяслава трезубец на рукояти шила отличается на один элемент – треугольная ножка дополнена крестом. Точно такое же различие было установлено для знаков, атрибуированных Мстиславу тмутараканскому и его сыну Евстафию. Если эта персонафикация верна, то знак на рукояти шила из раскопок Измерского поселения может быть атрибуирован одному из сыновей Изяслава Владимировича – Брючиславу или Всеславу.

Граффито из Софийского собора в Киеве

Дополнительную информацию дают граффити на стенах Софийского собора в Киеве. Три из четырех знаков (рис. 21: 2-4), связываемых в литературе со знаками Рюриковичей (Высоцкий 1976: 123-124, табл. СXLIX, CL), таковыми, вероятнее всего, не являются¹⁸. Единственный безусловно относящийся к числу древнерусских княжеских знаков трезубец зафиксирован в граффито № 75 во Владимирском приделе на одном из столбов южной галереи, которая до перестроек была внешней северной стеной храма (Высоцкий 1966: № 75). Знак образован сложным переплетением неравномерной по ширине «ленты»: широкие боковые зубцы отогнуты наружу, вершина центрального зубца увенчана перекрестием, ножка образована сложным узлом плетенки и завершается неотчетливо читающимся крес-

том, образованном при наложении друг на друга концов «ленты» (рис. 21: 1). Большинство элементов, составляющих трезубец, следует считать декоративными. К числу значимых элементов, на мой взгляд, относится крестовидное завершение центрального зубца, которое находит себе ближайшее соответствие в оформлении вершины центрального зубца у трезубца на печати Изяслава Владимировича и у трезубца на рукояти шила из Измерского поселения.

Форма ножки у трезубца в граффито № 75 не вполне отчетливая. Если считать наложенные друг на друга концы «ленты» крестом, то ближайшей аналогией окажется знак на рукояти шила из Измерского поселения. Но если связывать наложение концов «ленты» с декором знака, то полной аналогией ему

¹⁵ Подавляющее большинство двузубцев и трезубцев, зафиксированных на различных предметах (керамике, кирпичах, каменных блоках) из Саркела, причисленных А.М. Щербак к знакам Рюриковичей (Щербак 1959: 264), таковыми не являются (Флерова 1997: 79, 80).

¹⁶ Измерский археологический комплекс, расположенный на левом берегу Волги при впадении в нее Камы, является остатками крупного торгово-ремесленного поселения X-XI вв. (Казаков 2000: 87-99).

¹⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить Е.П. Казакова (Казань), познакомившего меня с фотографией рукояти и предоставившего возможность сделать с этой фотографии прорисовку.

¹⁸ Возможно, криновидные знаки (рис. 21: 3-4) представляют собой варианты знаков якоревидной формы (ср: рис. 14: 4-10).

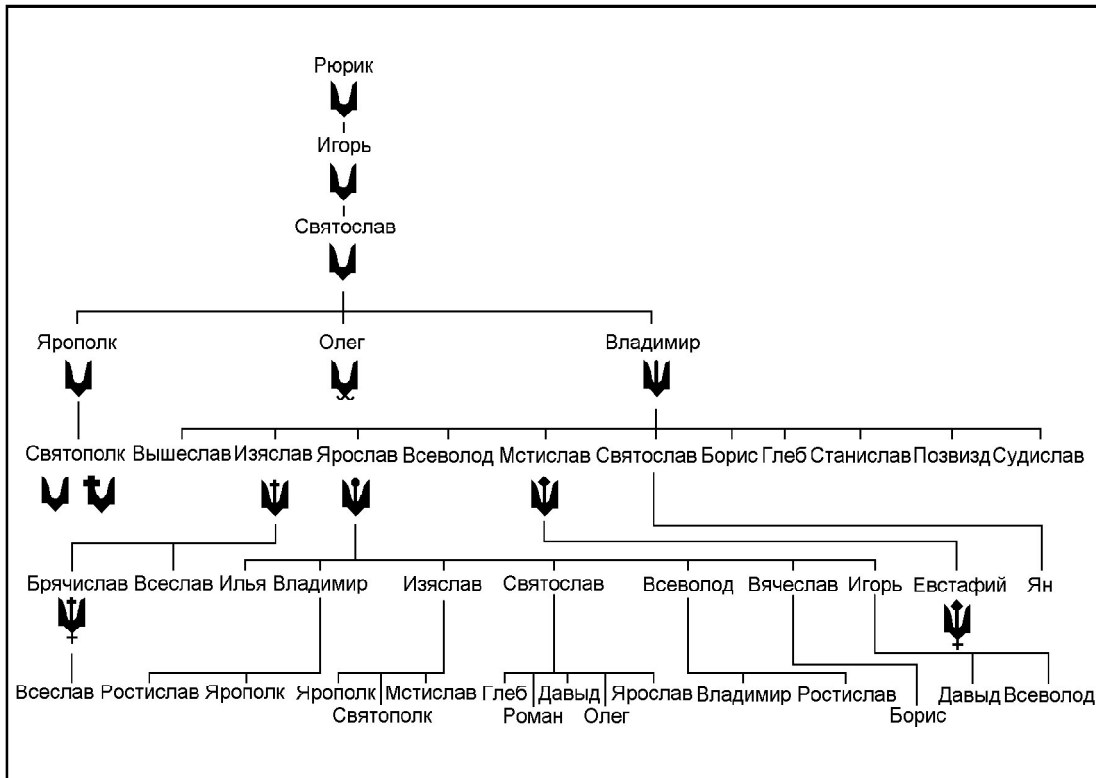

Рис. 22. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 4.

окажется знак на печати Изяслава. Иными словами, владельцем знака в граффито № 75 мог быть либо Изяслав Владимирович, либо один из его сыновей.

Решение вопроса о принадлежности знака непосредственно связано с вопросом о времени строительства Софийского собора в Киеве. Подводя итоги многолетней дискуссии, П.А. Раппопорт (1982: 11-13) подчеркивал: «Неясность сведений о времени постройки Софийского собора привела к сложению двух точек зрения...: некоторые исследователи считают, что собор был заложен в 1017 г. и закончен в 1031-1032 или 1037 г.; другие полагают, что он был заложен в 1037 г., а закончен в 40-х гг. XI в. ... Доказано, что все здание возведено одновременно, без существенных перерывов в строительстве».

Сам П. А. Раппопорт связывал начало строительства собора с 1037 г. (Раппопорт 1982: 13; 1993: 33-38). Этой же точки зрения придерживался и В.Н. Лазарев (1973: 22). Г.Н. Логвин (1977: 170-186) обстоятельно аргументировал раннюю дату строительства собора. С.А. Высоцкий (1976: 240-251) относил закладку собора к 1017 г., а начало строительных работ – к 1024 или 1026 гг.

При любой из трех существующих датировок ни Изяслав Владимирович († 1001), ни Все-слав Изяславич († 1003), не дожили даже до закладки храма, уже не говоря о времени создания фрескового убранства. И так как граффито могло быть процарапано по фреске только после того, как храм был возведен и расписан, оба князя могут быть исключены из числа вероятных владельцев знака. Таким образом, знак принадлежал Брючиславу Изяславичу (†1044), старшему сыну Изяслава Владимировича, двоюродному брату Ярослава Мудрого и одному из его основных оппонентов в династической войне 20-х и 30-х гг. XI в.

Атрибуируя знак в граффито № 75 Брючиславу Изяславичу, мы тем самым атрибуируем этому же князю и знак на рукояти шила из Измерского поселения.

* * *

Таким образом, после рассмотрения знаков, процарапанных на бытовых предметах, а также на стенах Софийского собора в Киеве, генеалогии знаков Рюриковичей X-XI вв. (рис. 22) удалось дополнить лично-родовыми знаками Мстислава Владимировича, Евстафия Мстиславича и Брючислава Изяславича.

Глава 5 ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПОДВЕСКАХ

Важнейшим источником для изучения знаков Рюриковичей являются металлические трапецевидные подвески, на одной или на обеих сторонах которых помещены княжеские знаки в парадном оформлении (рис. 23-24). Эти памятники неоднократно привлекали внимание исследователей.

Две медные подвески, происходящие из окрестностей Киева (рис. 24: 3) и из Новгорода (рис. 24: 4),¹ впервые комментировались еще А.В. Орешниковым (1930: 94, 95) и Н.П. Лихачевым (1930: 171-173): оба исследователя отмечали сходство знаков, изображенных на подвесках, со знаком, помещенным на «Ярославле серебре», а самим подвескам придавали «официальный характер».

В комментариях к таблицам «Сфрагистического альбома» Н.П. Лихачев повторил свои наблюдения (ЛСА: 499, 500, 510, 511), подчеркнув отличие подвески из Новгорода от подвески из окрестностей Киева: «Любопытная особенность (новгородской подвески – С.Б.) – кресты или крестообразные украшения на вершине знака (на ножке трезубца – С.Б.)» (ЛСА: 510). Здесь же была воспроизведена еще одна медная подвеска, идентичная новгородской (рис. 24: 8). Лихачев отмечал, что новая подвеска, поступившая в фонды Русского музея (СПб) происходит «также из Новгорода» (ЛСА: 510, рис. 14). В действительности, эта подвеска происходит из Белгорода.²

В статье 1940 г. Б.А. Рыбаков анализировал четыре подвески: в дополнение к рассмотренным в работе Орешникова находкам из окрестностей Киева и из Новгорода учтены также подвеска из Белгорода (включенная Лихачевым в «Сфрагистический альбом») и подвеска с Рюрикова городища (рис. 24: 1); у последней была воспроизведена только сторона «а»³ (в крайне неточной прорисовке) (Рыбаков 1940: 238-240). Рыбаков отметил сходство знаков на подвесках со знаком на монетах Ярослава Мудрого и полагал, что подвески являлись своего рода верительными знаками, которые «киевские князья давали... своим посадникам, даньщикам, тиунам, вирникам» (Рыбаков 1940: 238, 239).

В контексте с подвесками исследователь рассматривал также ременные бляшки с изоб-

ражениями растительного крина (Рыбаков 1940: 240, рис. 39, 40), полагая, что поясные наборы, украшенные подобного рода бляшками, могли принадлежать княжеским дружинникам (Рыбаков 1940: 240).⁴

Рассматриваемая группа памятников пополнилась в результате раскопок в Новгороде. В 1954 г. в слое 25 яруса Неревского раскопа (1006-1025) была найдена односторонняя серебряная подвеска (рис. 23: 1), публикуя которую, В.Л.Янин отметил: «Подвеска несет знак, представляющий детальную аналогию знакам сребреников. Это первая находка княжеского знака «в парадном варианте», сделанная в хорошо датированном слое, а дата этого слоя совпадает со временем правления Владимира Святославича» (Янин 1956б: 158).

В 1976 г. сводку металлических подвесок со знаками Рюриковичей опубликовал А.А. Молчанов. Исследователь учел уже шесть подвесок: кроме перечисленных выше, в эту публикацию была включена подвеска (рис. 24: 2), найденная в слое 22 яруса в Неревском раскопе Новгорода (1076-1096). Одностороннюю подвеску из раскопок 1954 г. Молчанов вслед за Яниным отнес «по нумизматическим аналогиям и данным дендрохронологии» ко времени княжения Владимира Святославича (Молчанов 1976: 72), знаки на подвесках из окрестностей Киева, из Новгорода и из Белгорода атрибуировал, вслед за А.В. Орешниковым, Ярославу Владимировичу (Молчанов 1976: 75), знаки на подвеске с Рюрикова городища отказался комментировать из-за плохой сохранности предмета (Молчанов 1976: 76), а знаки на подвеске из раскопок в Новгороде в 1956 г. посчитал декоративными композициями на тему трезубца Рюриковичей, сходными с мотивом растительного крина (Молчанов 1976: 76).

За пределами сводки А.А. Молчанова осталась серебряная (?) подвеска, обнаруженная при раскопках на Даугмальском городище (рис. 23: 4) и изданная Э.С.Мугуревичем (1965: 87, рис. 34: 1): она упомянута Молчановым только в примечании в связи с группой поздних (XII в.) подвесок-украшений из ливских могильников (Молчанов 1976: 77, примеч. 10). Исследователь не исключал, что даугмальская подвеска

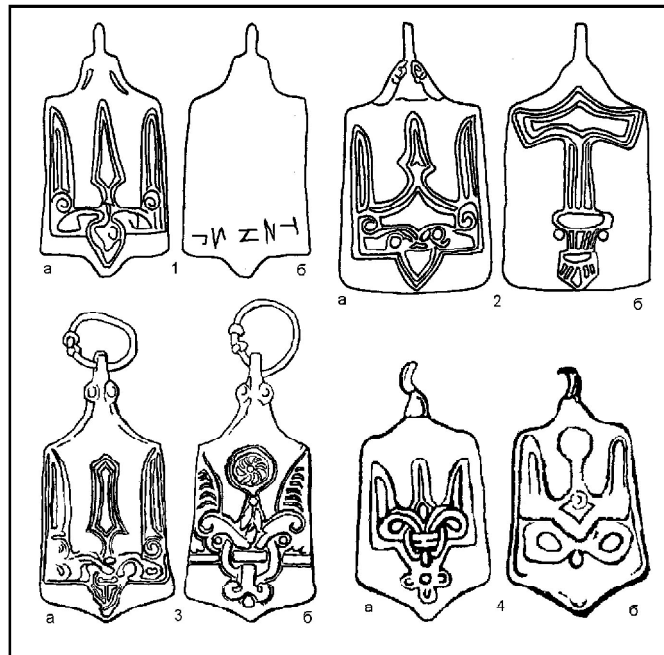
¹ А.В. Орешникова (1930: 94) ошибочно указывает на происхождение подвески из Белгорода: в комментарии к табл. LIV, 4 «Сфрагистического альбома» Н.П. Лихачев отмечает, что подвеска происходит из Новгорода (ЛСА: 510).

² Путаницу с происхождением подвесок специально анализировал А.А. Молчанов (1976а: 74, 75).

³ О принципе обозначения сторон подвески см. примеч. 2 к главе 4.

⁴ Идея Б.А. Рыбакова об использовании княжеской тамги в оформлении бляшек для поясных наборов княжеских дружинников получила продолжение в работе С.С. Ширинского (1968: 215-223, рис. 1: 2), однако уверенно признать растительные и геометрические орнаменты на бляшках изображениями княжеских знаков я бы пока не решился. Эти памятники, безусловно, нуждаются в специальном исследовании, в том числе – с точки зрения геральдического истолкования декора.

Рис. 23. Металлические подвески со знаками Рюриковичей. 1 – Новгород; 2 – Рождественский могильник; 3 – Победище (Ладога); 4 – Даугмальское городище (прорисовки по А.А. Молчанову, Э.С. Мугуревичу, Н.Б. Крыласовой, В.П. Петренко).

может быть аналогична другим рассмотренным в сводке памятникам, но от комментариев воздержался. Анализируя функциональное назначение подвесок, Молчанов присоединился к мнению об их официальном характере и считал рассматриваемые памятники купеческими верительными знаками (Молчанов 1976: 84).⁵

В 1982 г. к оценке функционального назначения подвесок обратился В.Л. Янин. Комментируя найденные при раскопках в Новгороде деревянные цилиндры, использовавшиеся для опечатывания «собранных вирниками ценностей» (Янин 1982: 150), исследователь отметил: «Думаю, что трапециевидные подвески с изображениями княжеских знаков, объявленные А.А. Молчановым верительными знаками купцов, в действительности были верительными знаками вирников» (Янин 1982: 154). От обоснования гипотезы Янин воздержался.

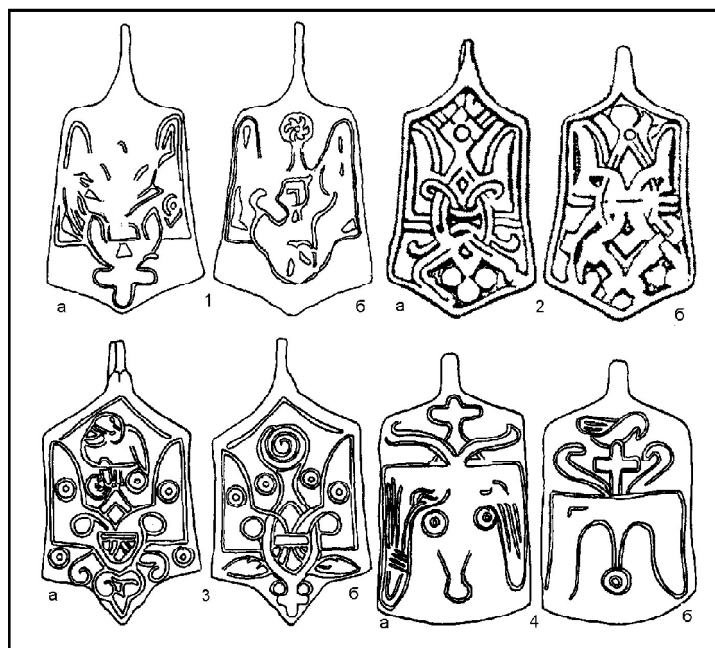
После выхода из печати сводки А.А. Молчанова, стали известны еще три металлических подвески. Медная подвеска (рис. 23: 3), найденная в погребении Победищенской сопки близ Ладоги (Петренко 1977; 1994: 82, рис. 43: 7), несет, по оценке В.П. Петренко, «изображения в форме трезубцев». Опираясь на находки подвесок XII в. в ливских женских погребениях, Петренко считал затруднительной «интерпретацию данных изделий в качестве княжеского мандата». Привлекая аналогии из этнографии Приуралья и Сибири, исследователь не исключал, что трезубцы, подобные изображенным на подвесках, «использовались в качестве сакральных и даже специальных женских знаков»

(Петренко 1977: 58, 59).

Серебряная подвеска (рис. 23: 2), обнаруженная в погребении родановской культуры из Рождественского могильника в Прикамье (Крыласова 1995: 192-197), по определению Н.Б. Крыласовой, несет на одной стороне трезубец Владимира Святославича, а на другой – «изображение меча, соединенного с молотом бога Тора» (Крыласова 1995: 195). Комментируя это изображение, Крыласова отмечает: «Знаки в виде мечей, имеющие военно-дружинный характер..., и молоты бога Тора, считающиеся скандинавским этническим индикатором..., встречаются довольно часто. Но изображение, в котором сочетаются меч и молот, на подвеске с Рождественского могильника является пока единственным. Возможно, что данный знак имеет для скандинавского мира значение, аналогичное знаку Рюриковичей для Руси» (Крыласова 1995: 196). Присоединившись к мнению Молчанова о назначении подвесок удостоверить официальный характер деятельности их держателей, исследовательница напомнила об упомянутом В.Н. Татищевым торговом договоре 1006 г., заключенном болгарами с Владимиром Святым: согласно этому договору, болгары получили от Владимира печати для беспрепятственной торговли (Татищев 1963: 88, 89). Крыласова полагает, что погребение, из которого происходит подвеска, «является захоронением болгарского купца, одного из тех, кто в соответствии с договором 1006 г. имел право на получение подобных печатей для ношения» (Крыласова 1995: 196).

⁵ Вернувшись позднее к проблеме происхождения традиции верительных знаков на Руси, исследователь соотнес подвески с известными по скандинавским источникам *jartegnir* – верительными знаками, призванными удостоверить официальный характер миссии, возложенной правителем на держателей таких знаков (Молчанов 1986: 185; 1996б: 32-35).

Рис. 24. Металлические подвески со знаками Рюриковичей. 1 – Рюриково городище (Новгород); 2, 4 – Новгород; 3 – окрестности Киева, 4 – Белгород (прорисовки по А.А.Молчанову, Н.П. Лихачеву).

К мнению Крыласовой присоединился А.М. Белавин (2000: 152).

В самое недавнее время стала известна еще одна серебряная подвеска, хранящаяся в частной коллекции в Москве. Подвеска пока не издана и поэтому ее прорисовка в настоящей работе не воспроизводится.⁶ По сочетанию знаков – двузубец на одной стороне и стяг на другой – ближайшей аналогией этой подвеске являются граффити на монете из клада у д. Погорельщина, сокрытого около 910 г.⁷ По непроверенным сведениям, подвеска происходит из подъемного материала в черте Гнездовского археологического комплекса близ Смоленска.

Таким образом, в настоящее время известно не менее 10 металлических подвесок, несущих на одной или на обеих сторонах знаки Рюриковичей в их парадном изображении. Принимая версию о юридическом значении этих памятников, призванных удостоверить официальный характер миссии, возложенной на держателя подвески, я хотел бы подчеркнуть одну существенную особенность подавляющего большинства известных подвесок: на разных их сто-

ронах помещены разные, хотя, чаще всего, близкородственные знаки.⁸

В отличие от костяной подвески из Новгорода,⁹ знаки на которой лишены декора, все знаки на металлических подвесках изображены с максимальной декоративностью. «Парадный» характер изображений в ряде случаев не сразу позволяет схематизировать знак, но тем не менее, схемы знаков на всех подвесках читаются, в конечном счете, вполне определенно (рис. 25).

Принадлежность ряда знаков устанавливается сравнительно просто. Так, на подвеске из Победищенской сопки близ Ладоги (рис. 23: 3) помещены знаки Владимира Святославича (сторона «а») и Ярослава Владимировича (сторона «б») (Белецкий 1995б: 36-39; 1996д: 30), а на новгородской подвеске из раскопок 1956 г. (рис. 23: 6) помещены знаки Мстислава (сторона «а») и Ярослава (сторона «б») Владимировичей (Белецкий 1996а: 1-7). Подвеска из раскопок 1954 г. в Новгороде несет на себе трезубец Владимира Святого (рис. 23: 1), а на другой стороне процарапана нечитающаяся

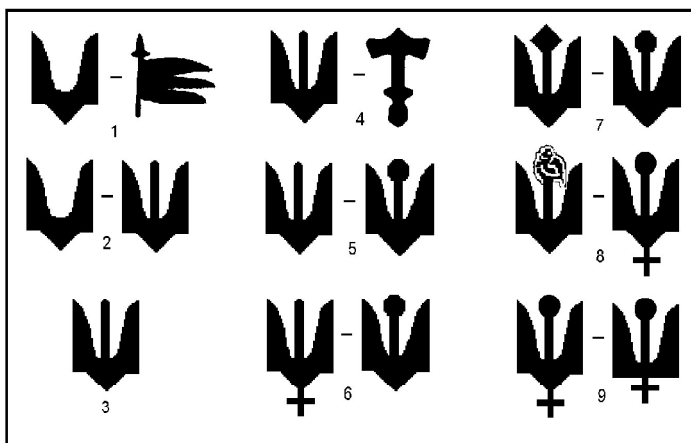
⁶ На симпозиуме, посвященном ювелирному делу, проходившем весной 2000 г. в Эрмитаже (СПб), эта подвеска была предметом специального доклада: М.С. Шемаханская и И.Г. Равич отметили, что подвеска, по сведениям владельца коллекции, найдена «на поле», прошла антикварную очистку от окислов, изготовлена из низкопробного серебра и сохранила следы закисла меди, образовавшегося во время пребывания предмета в земле. Тем самым исследователи подтвердили, что подвеска является археологическим предметом, а не новоделом (Шемаханская, Равич 2000: 62-64).

⁷ Комментарии к граффити см. в главе 3.

⁸ Кажется, на это обратила внимание только Е.Л. Назарова, отметившая в комментарии к даугмальской подвеске: «Единственная подвеска с территории Латвии, которая считается импортом с Руси (городище Даугмале, слой XI в.), хотя и идентична русским по форме, но содержит изображения сразу двух княжеских знаков – Владимира и Ярослава, чем отличается как от русских, так и от латвийских находок» (выделено мною – С.Б.). Поскольку ранее никто из исследователей не указывал на эту особенность подвесок, Е.Л. Назарова была вынуждена констатировать: «Считать ее (подвеску – С.Б.) атрибутом официального лица начала XI в. без дополнительных подтверждений нет оснований» (Назарова 1986: 180).

⁹ Комментарии к костяной подвеске из Новгорода см. в главе 4.

Рис. 25. Схематизация знаков на двусторонних подвесках. 1 – Гнездо-во (?); 2 – Новгород (костяная подвеска, до «исправления» знака); 3 – Новгород (металлическая подвеска – рис. 22: 1; костяная подвеска после «исправления» знака); 4 – Рождественский могильник (рис. 22: 2); 5 – Победище (рис. 22: 3), 6 – Даугмальское городище (рис. 22: 4) и Рюриково городище (рис. 23: 1); 7 – Новгород (рис. 23: 2); 8 – окрестности Киева (рис. 23: 3); 9 – Новгород и Белгород (рис. 23: 4).

надпись, выполненная рунообразными знаками.

При общем сходстве со знаком Ярослава Владимировича обоих знаков, помещенных на подвеске из окрестностей Киева, с последним не совпадает полностью ни один из них (рис. 23: 7): на стороне «а» изображен трезубец, близкий трезубцу Ярослава, однако на вершине центрального зубца вместо кружка помещена фигурка птицы; на стороне «б» изображен трезубец, близкий трезубцу Ярослава, но отличающийся от него крестообразным завершением треугольной ножки.

Разные, хотя и родственные трезубцу Ярослава Владимировича, знаки помещены на подвесках из Новгорода и Белгорода (рис. 23: 8): на стороне «а» изображен трезубец, отличающийся от знака Ярослава Владимировича усложненной крестообразным завершением ножкой, на стороне «б» размещен близкородственный последнему знак, отличающийся, однако, формой ножки – вместо треугольника острием вниз, усложненного крестом, здесь ножка имеет крестовидную форму, увенчанную изображением птицы, а треугольная часть ножки отсутствует.

Даугмальская подвеска (рис. 23: 4) несет на стороне «б» трезубец Ярослава Владимировича; на стороне «а» у этой подвески помещен знак, чрезвычайно близкий трезубцу Владимира Святославича, но отличающийся от него усложненной крестообразным завершением ножкой. Точно такие же знаки удалось выявить при непосредственном осмотре на стертой подвеске с Рюрикова городища.¹⁰

Наличие на подвесках одновременно двух знаков представляется мне принципиально важным как для понимания самих памятников, так и для изучения генезиса лично-родовых знаков Рюриковичей. С одной стороны, присутствие на подвеске двух различных знаков свидетельствует о деятельности держателя под-

вески в качестве представителя двух князей одновременно. С другой стороны, размещение двух различных знаков на одной подвеске предоставляет дополнительные возможности для персонификаций знаков и дает основания для уточнения времени использования подвесок в юридической практике. Так, подвеску из Победищенской сопки можно датировать в пределах узкого хронологического интервала – от вокняжения Ярослава Владимировича в Новгороде и до смерти Владимира Святославича, то есть – 1010-1015 гг. (Белецкий 1995б: 36-39). Подвеска из раскопок в Новгороде в 1956 г. фиксирует известное летописи соправительство Ярослава и Мстислава Владимировичей и может быть датирована временем от 1026 г. (Городецкий мир, положивший начало дуумвирату Владимировичей) до 1034 г. (кончина Мстислава Владимировича) (Белецкий 1996а: 1-7).

С учетом сделанных ранее наблюдений о принципах изменения тамги при переходе от отца к сыну, можно попытаться персонифицировать владельцев тех знаков, которые по другим геральдическим памятникам не фиксировались. Прежде всего, обращают на себя внимание знаки, помещенные на подвесках из Даугмале и с Рюрикова городища (рис. 23: 4; 24, 1). Знак на сторонах «б» у этих подвесок достаточно определенно соотносится с трезубцем Ярослава Владимировича, что позволяет определять время использования подвесок между концом 980-х годов¹¹ (начало политической деятельности Ярослава) и 1054 г. (кончина князя). Знак на стороне «а» у этих подвесок представлен трезубцем, чрезвычайно сходным с трезубцем Владимира Святославича,¹² но отличающимся от него усложненной формой ножки: треугольная основа дополнена крестовидным завершением.

¹⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудника Русского музея (Санкт-Петербург) С. Новаковскую, любезно предоставившую мне возможность познакомиться с подвесками, хранящимися в фондах музея.

¹¹ Согласно наиболее ранним летописным источникам (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская Первая летописи), старшие сыновья Владимира были определены на княжения в 988 г.

¹² Именно этот трезубец Е.Л. Назарова приняла за знак Владимира Святославича (Назарова 1986: 180).

Именно такое отличие было отмечено при сопоставлении знака на тмутараканской костяной пластине со знаками на заготовке каменного грузила и в граффито № 103 на арабской монете из свода 1991 г.: знаки были атрибуированы Мстиславу Владимировичу и его единственному сыну, Евстафию Мстиславичу. Аналогичным образом различаются между собой трезубец на печати Изяслава Владимировича и трезубец, зафиксированный в граффито № 75 на стене Софийского собора в Киеве и на рукояти шила из Измерского поселения: два последних знака были атрибуированы старшему сыну Изяслава Владимировича, Брячиславу Изяславичу.

Если отличие тамги старшего сына от тамги отца действительно заключается в усложнении на один элемент ножи путем добавления к треугольной части крестовидного завершения, то знак на сторонах «а» у подвесок из Даугмале и с Рюрикова городища должен быть атрибуирован старшему сыну Владимира Святославича, Вышеславу Владимировичу, занимавшему с конца 980-х гг. по 1010 г. новгородский княжеский стол. Тогда знак Ярослава Владимировича на подвесках из Даугмале и с Рюрикова городища фиксирует период ростовского княжения Ярослава, а держатели подвесок в своей деятельности оказываются представителями одновременно ростовского и новгородского князей. Верхняя хронологическая граница использования подвесок в качестве юридического знака в любом случае определяется годом смерти Вышеслава Владимировича.

Знак, размещенный на стороне «б» подвески из окрестностей Киева (рис. 24: 3) и на стороне «а» подвесок из Новгорода и Белгорода (рис. 24: 4), близок знаку Ярослава Владимировича: в обоих случаях на подвесках изображен трезубец, центральный зубец которого увенчан кружком. Но, в отличие от трезубца Ярослава Владимировича, здесь знак имеет усложненную крестовидным завершением ножку. Считая кружок на вершине центрального зубца отличительным признаком ветви Ярославиной, можно полагать, что знак принадлежал старшему сыну Ярослава Владимировича.

Старший сын Ярослава, Илья Ярославич, был около 1019 г. ребенком направлен в Новгород под опеку троюродного деда, Костянтина Добрынича, и в Новгороде же в 1020 г. скончался. Теоретически именно ему мог принадлежать рассматриваемый знак. Однако уверенности в такой персонификации у меня нет.

Дело в том, что сочетания пар знаков на рассматриваемых подвесках различное. На подвеске из окрестностей Киева знак на стороне «а» представлен трезубцем, вершина центрального зубца у которого завершается стилизованным изображением птицы (рис. 24: 3). Этот знак отличается на один элемент от трезубца Владимира Святославича, причем отличие со-

вершенно аналогично отличию от знака Владимира Святославича знаков его сыновей – Изяслава, Ярослава и Мстислава. Вероятнее всего, знак на стороне «а» у подвески из окрестностей Киева принадлежал еще одному сыну Владимира Святого, брату Изяслава, Ярослава и Мстислава Владимировичей. В период пребывания Ильи Ярославича в Новгороде, на политической сцене Руси, кроме Ярослава и Мстислава Владимировичей оставался всего один их брат – Судислав псковский, и знак на стороне «а» подвески из окрестностей Киева должен быть атрибуирован именно ему. В таком случае, держатель подвески, из окрестностей Киева выступал представителем новгородского и псковского князей, а юридическую силу подвеска имела на рубеже второго и третьего десятилетий XI в.

Однако реконструированная картина вступает в противоречие с информативными возможностями двух идентичных подвесок, происходящих из Новгорода и Белгорода (рис. 24: 4). Знак на стороне «а» у этих подвесок сопоставим со знаком на стороне «б» подвески из окрестностей Киева, и также может быть соотнесен с деятельностью старшего сына Ярослава Владимировича. Правда, в отличие от кружка на вершине центрального зубца у знака на стороне «б» подвески из окрестностей Киева, вершина этого знака увенчана крупной точкой, однако ничем иным, кроме как кружком, эта точка быть не может.

Знак на стороне «б» у подвесок из Новгорода и Белгорода состоит из трезубца, центральный зубец которого завершен кружком. Ножка трезубца имеет крестовидную форму. Трезубец чрезвычайно близок знаку Ярослава Владимировича, отличаясь от него именно формой ножки. Близок он и знаку на стороне «а», соотносимо со знаком старшего сына Ярослава: от этого знака трезубец на стороне «б» отличается на один элемент – ножка не имеет треугольной части и крестовидная часть соединена непосредственно с основанием трезубца.

Таким образом, в обоих случаях отличие между трезубцами заключается в изменении формы ножки. Однако в первом случае ножки у трезубцев совершенно различны: у трезубца Ярослава ножка треугольная, а у знака на стороне «б» подвесок из Новгорода и Белгорода крестовидная. Во втором случае речь может идти об упрощении исходной формы ножки путем исключения из нее треугольной части.

Полагаю, непосредственно вывести знак на стороне «б» у подвесок из Новгорода и Белгорода из знака Ярослава Владимировича невозможно, поскольку происходит полная замена одного из элементов, составляющих знак. В то же время этот знак безусловно представляет собой результат развития знака старшего сына Ярослава: мы вновь оказываемся свидетелем изменения ножки трезубца на один элемент

(на этот раз – путем упрощения) с сохранением особенностей исходной формы. Иными словами, трезубец, изображенный на стороне «б» у подвесок из Новгорода и Белгорода, я считаю возможным атрибутировать сыну владельца трезубца, изображенного на стороне «б» подвески из окрестностей Киева и на стороне «а» подвесок из Новгорода и Белгорода. Таким образом, трезубец с широкими боковыми зубцами и крестовидной ножкой оказывается принадлежащим представителю поколению внуков Ярослава Владимировича. Илья Ярославич, как известно, умер ребенком и сыновей не оставил. Тогда атрибутировать ему знаки, изображенные на стороне «б» подвески из окрестностей Киева и на стороне «а» подвесок из Новгорода и Белгорода, оснований нет.

Риску в этой связи предположить, что в период, предшествующий дуумвирату Ярослава и Мстислава Владимировичей (до 1026 г.) функции представителя официальной великокняжеской власти в Новгороде продолжал отправлять Костянтин Добрынич (исполнявший в конце 1010-х годов, наряду с посадничьими обязанностями, также функции дядьки-воспитателя при юном Илье Ярославиче), а Илья вообще не являлся юридическим представителем великокняжеской власти в Новгороде. Подвеска из раскопок в Новгороде в 1956 г. (рис. 24: 2) принадлежала лицу, выступавшему в своей деятельности от имени Ярослава и Мстислава Владимировичей (Белецкий 1996а: 5, 6), и я не исключаю, что держателем этой подвески мог быть именно Костянтин Добрынич, сохранявший в годы соправительства Ярослава и Мстислава Владимировичей должность новгородского посадника.¹⁵

Если сказанное справедливо, то знак на стороне «б» у подвески из окрестностей Киева и на стороне «а» у подвесок из Новгорода и Белгорода с большим основанием следует атрибу-

ировать второму сыну Ярослава Мудрого, Владимиру, посаженному отцом на новгородский стол в 1034 г. в возрасте 14 лет. Начало княжения Владимира в Новгороде (1034 г.) приходится на период после смерти Мстислава тмураканского и начавшейся опалы Костянтина Добрынича, так что Владимир Ярославич, безусловно, являлся юридическим представителем великокняжеской власти в Новгороде. В этом случае именно Владимир Ярославич первым из сыновей Ярослава Мудрого приобретает политический статус, то есть – оказывается юридически старшим среди Ярославичей, и усвоение ему знака «старшего сына» оказывается допустимым.

Признавая знак, изображенный на стороне «б» подвески из окрестностей Киева и на стороне «а» подвесок из Новгорода и Белгорода, лично-родовым знаком Владимира Ярославича, вновь обратимся к трезубцу, помещенному на стороне «а» подвески из окрестностей Киева (рис. 24: 3). Если верно предположение о том, что этот знак принадлежал Судиславу Владимировичу псковскому¹⁶, то время употребления в юридической практике подвески, несущей знаки новгородского и псковского князей, следует ограничить коротким интервалом – временем между вокняжением Владимира Ярославича в Новгороде и арестом Судислава.¹⁷ Между этими событиями прошли считанные недели 1034 г.¹⁸ В пользу предлагаемой атрибуции свидетельствует тот факт, что подвеска практически не стерта, то есть – употреблялась короткое время.¹⁹

Возвращаясь к двум идентичным подвескам из Новгорода и Белгорода (рис. 24: 4), мы можем теперь с большой степенью вероятности считать, что эти подвески несут изображение тамги Владимира Ярославича и его старшего сына – Ростислава Владимировича. Владимир Ярославич княжил в Новгороде до

¹⁵ Предложенная персонификация держателя подвески (Белецкий 1996а: 5, 6) вызвала возражения со стороны А.А. Молчанова. Исследователь убежден, что «предположение ... об использовании могущественным посадником-наместником Новгорода 1016-1030 годов Константином Добрыничем в качестве рангового знака изношенной бронзовой подвески» сомнительно, «поскольку даже рядовым дружинникам князя жаловали тогда золотые шейные гривны» (Молчанов 1997: 113, примеч.18). Однако ранговое сопоставление регалии власти (подвеска) с наградной регалией (шейной гривной) вряд ли оправдано, и, во всяком случае, ранг подвески, на мой взгляд, неизмеримо выше, нежели ранг гривны, хотя подвеска и изготовлена из меди, а не из золота. Стертость же подвески легко объяснима длительным отправлением должностных обязанностей держателем подвески.

¹⁶ О противостоянии Судислава Владимировича брату Ярославу свидетельствует не только арест Судислава, произведенный по приказу Ярослава в 1034 г., но и вероятная ситуация этого ареста (Белецкий 1996б: 78-86).

¹⁷ После ареста Судислав Владимирович четверть века находился в заключении. Из поруба его выпустили в 1059 г. племянники, Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи, причем Судислав сразу же после освобождения был пострижен в монахи.

¹⁸ «В лето 6542. Мьстиславъ изыде на лвы, и разболеся, и умре... По семь же прия власть его Ярослав, и бысть единовластечъ Руской земли. Иде Ярослав к Новугороду, посади сына своего Володимера... В то же лето всади Ярослав Судислава въ порубь, брата своего Плескове, оклеветаны к нему» (ИЛ: 138-139).

¹⁹ В какой мере претензии Судислава на полномочия племянника, материализовавшиеся подвеской из окрестностей Киева, являлись свидетельством претензий на власть в государстве последнего из оставшихся на политической сцене Владимировичей, и в какой мере эти претензии стали толчком для последовавшего в том же году ареста и заточения псковского князя, еще предстоит выяснить.

самой смерти (1052 г.), так что сочетание знаков Владимира и Ярослава на подвесках позволяет определять хронологический интервал, в пределах которого могли использоваться данные верительные знаки, временем после 1038 г. (год, когда, по сведениям В.Н. Татищева (1963: 78) родился Ростислав Владимирович), но – до 1052 г. Держатели подвесок выступали в своей деятельности представителями одновременно Владимира Ярославича и Ростислава Владимировича.

Владимир Ярославич скончался новгородским князем еще при жизни отца, занимавшего великий киевский стол, так что вопрос о правовом статусе Ростислава Владимировича требует специального комментария. Чрезвычайно заманчиво было бы предположить, что при жизни отца Ростислав Владимирович занимал ростовский стол: в этом случае подвески из Новгорода и Белгорода оказались бы адекватны подвескам из Даугмале и с Рюрикова городища, поскольку последние также фиксируют представительство их держателей от лица одновременно новгородского и ростовского князей. Однако, по сведениям В.Н. Татищева (1963: 83), ростовское княжение Ростислав Владимирович получил только после смерти Владимира Ярославича. Кроме того, О.М. Рапов, специально исследовавший политическую судьбу Ростислава Владимировича и его перемещения по княжеским столам (Рапов 1977: 68, 69), отмечал сомнительность сведений Татищева о ростовском княжении Ростислава. Вопрос о том, каким статусом обладал Ростислав при жизни отца, в литературе, кажется, специально не поднимался.

Не претендуя на решение вопроса, хотел бы отметить любопытную особенность знака, размещенного на стороне «б» подвесок из Новгорода и Белгорода: на ножке перевернутого зубцами вниз трезубца помещено изображение птицы. Считать это изображение элементом, усложняющим форму ножки, не приходится, поскольку оно не мотивировано геральдически: размещение трезубца как зубцами вниз, так и зубцами вверх предполагает определенную схематизацию элементов, составлявших знак: эти элементы должны одинаково восприниматься как при одном, так и при другом положении трезубца. При размещении же трезубца зубцами вверх изображение птицы оказывается перевернутым, так сказать, «вниз головой».

В то же время изображение птицы, увенчивающее ножку у трезубца Ростислава Владимировича нельзя считать случайным: напрашивается сопоставление его с изображением птицы на вершине центрального зубца у трезубца Судислава псковского. Не означает ли это, что Ростислав Владимирович в годы пребывания Владимира на новгородском столе занимал псковский стол, и включение в оформление его

знака изображения птицы было призвано за свидетельствовать преемственность власти, прешедшей к Ростиславу после ареста Судислава? В таком случае подвески из Новгорода и Белгорода оказываются в юридическом отношении синонимичны подвеске из окрестностей Киева: их держатели представляли в правовом отношении одновременно власть новгородского и псковского князей. Замечу, что подвески из Новгорода и Белгорода сильно стертые, то есть – находились в употреблении по крайней мере несколько лет.

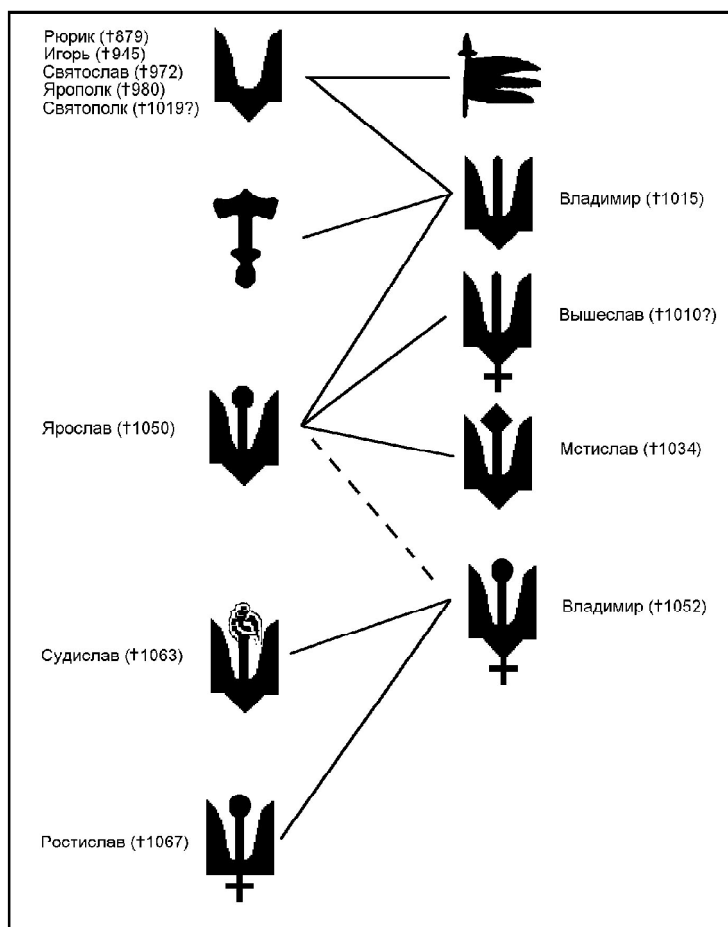
Изложенные наблюдения сведены в таблицу (рис. 26), составленную с учетом неопубликованной подвески из Гнездова (?), а также костяной подвески из Новгорода, комментированной в гл. 4.

Из этой таблицы, кстати говоря, следует большая вероятность существования пока неизвестных подвесок, на одной из сторон которых был бы помещен трезубец Ярослава Владимировича, а на другой – трезубец Владимира Ярославича. Если такие подвески будут, когда-нибудь найдены, они окажутся адекватными костяной подвеске из Новгорода (до переделки) и подвеске из Победищенской сопки, поскольку держатели подвесок представляли одновременно власть великого киевского и новгородского князей.

Безусловно, совершенно особое положение среди других подвесок занимает экземпляр, происходящий из Рождественского могильника: на одной из сторон этой подвески размещен трезубец Владимира Святого, на другой стороне – изображение меча, переходящего в «молот Тора» (рис. 23: 2). Н.Б. Крыласова, на мой взгляд, права, рассматривая изображение меча-молота в качестве парадного варианта тамги, принадлежавшей этническому скандинаву. Знак «меч-молот» помещен на одной подвеске вместе со знаком Владимира, и, следовательно, держатель подвески выступал представителем одновременно и Владимира Святого, и владельца этого знака. Таким образом, владелец знака «меч-молот», во-первых, являлся современником Владимира Святославича, во-вторых, принадлежал к числу выходцев из Скандинавии и, в третьих, обладал на Руси обширными полномочиями и статусом, равным, по крайней мере статусу сыновей Владимира Святого. Не решаясь однозначно персонифицировать владельца знака, отмечу, что этот человек так же, как и сыновья Владимира, почти наверняка занимал один из княжеских столов в пределах владений великого киевского князя (Белецкий 1996: 35-40).

В этой связи нельзя не учитывать известие о военных действиях ярла Эйрика Хаконарссона в землях Владимира Святославича в 997 г.: «А весной собрал он свое войско и поплыл вскоре по Аустрвегу. И когда пришел он в государство Вальдмара, стал он воевать, убивал людей и

Рис. 26. Совстречаемость знаков на подвесках.

жег постройки там, где он проходил, и опустошил землю. Он подошел к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял города, убил там много народа, и разрушил и сжег всю крепость, воевал он затем во многих местах в Гардарике... Ярл Эйрик провел в этом походе всего пять лет» (Джаксон 1993: 184); Альдейгьюборг-Ладога в этом рассказе отчетливо воспринимается как составная часть владений великого киевского князя. Достоверность сведений о походе Эйрика подтверждается археологическими материалами (Петренко 1985: 91, 92, 115; см. также: Джаксон 1993: 214-215).

Особое положение Ладоги – первой резиденции Рюрика и древнейшей столицы Руси – в пределах владений киевского великого князя сохранялось на протяжении всего XI в. После того как Ладога и принадлежащее к ней ярлство были переданы Ярославом Владимировичем в качестве свадебного дара Ингигерд, здесь осуществлял управление ее родственник Рёгнвальд, а после смерти Рёгнвальда – его сын Эйлив, так что правление в Ладоге этнических скандинавов было традиционным. Заметное присутствие

скандинавов в Ладоге на рубеже X-XI вв. зафиксировано и археологическим материалом. Решусь предположить, что владельцем знака в виде меча-молота на подвеске из Рождественского могильника является человек, контролировавший управление в Ладоге, подобно тому, как контролировали управление в других центрах Руси сыновья Владимира Святославича.²⁰

В этой связи на память приходит ситуация, зафиксированная в «Саге об Олаве Трюгвасоне»: Сигурд Эйрикссон «имел такой большой почет от конунга (Вальдмара – С.Б.), что он получил от него большие владения и большой лен, и поручено ему было вести дела конунга и собирать дань конунга по всем областям; а его повеления должны были иметь силу во всем государстве конунга» (Джаксон 1993: 133). Т.Н. Джаксон полагает, «что объем власти, который имел Сигурд на Руси, преувеличен сагой. Место Сигурда при дворе русского князя и отношение к нему конунга изображены ... в соответствии со стереотипом, выявляемым в сагах при описании знатных норвежцев (конунгов, ярлов, хёвдингов)

²⁰ Политическая история Ладоги и, в частности, имена тех, кто управлял здесь на рубеже X-XI вв. от лица Владимира Святого, не отражена в письменных источниках. Однако напомню, что еще при жизни Владимира, в годы новгородского княжения Ярослава Владимировича, великокняжескую власть в Ладоге отправлял один из представителей местной элиты (Белецкий 1995б).

за пределами Скандинавии: как правило, в этих случаях повествование подчинено задаче возвеличения скандинавского вождя» (Джаксон 1993: 194; см. также: Джаксон 1991: 70-79). Возможно, в отношении Сигурда Эйрикссона исследовательница права, однако подвеска из Рождественского могильника позволяет предполагать, что по крайней мере один из скандинавов, современников Владимира Святого, мог обладать перечисленными полномочиями: держатель подвески выступал в своей деятельности от имени одновременно и этого лица, и Владимира Святославича, причем нет оснований полагать, что полномочия последнего в той области права, которая материализовалась подвеской, были существенно иными, нежели у его скандинавского партнера.

Следует, однако, подчеркнуть, что знак меч-молот вряд ли мог принадлежать ярлу: статус соправителя Владимира Святого скорее приличествовал бы конунгу. Поэтому нет оснований связывать этот знак с Сигурдом Эйрикссоном: с большей вероятностью ярл Сигурд мог бы быть держателем подобного рода подвески, нежели лицом, знак которого был на подвеске помещен.²¹ Кроме того, атрибуция Сигурду знака на подвеске из Рождественского могильника вступает в противоречие с наблюдениями Н.Б. Крыласовой о вероятной принадлежности подвески: если исследовательница права в том, что держатель подвески принадлежал к числу лиц, получивших верительный знак вследствие договора 1006 г.,²² то признать Сигурда Эйрикссона владельцем знака в виде меча-молота не удастся, поскольку деятельность ярла в качестве полномочного представителя Владимира Святославича относится к 970-977 гг. (Джаксон 1993: 193), то есть – отстоит от периода деятельности держателя подвески более чем на четверть века.

Чрезвычайно заманчиво было бы отождествить с владельцем знака меч-молот другого современника Владимира Святого – Олава Трюггвасона, дядей которого был Сигурд Эйрикссон. Статус приемного сына Владимира

Святого, которым обладал Олав, ставит его в один ряд с сыновьями Владимира, занимавшими княжеские столы и пользовавшимися лично-родовыми знаками.

Однако деятельность Олава при дворе Владимира Святославича приходится на 977-986 гг., в 995 г. он уже становится правителем Норвегии, а около 1000 г. исчезает с политической арены. Если правы исследователи, полагавшие, что около 1000 г. Олав Трюггвасон погибает (Джаксон 1993: 119), то в событиях после 1006 г. он явно не мог принимать участия.

С другой стороны, сведения о гибели Олава противоречивы. В «Саге об Олаве» после сообщения о смерти Олава в битве с Эйриком Хаконарссоном, отмечено: «Вендский корабль, на котором были люди Астрид, поплыл прочь и вернулся в Страну Вендов. И вот сразу же многие стали рассказывать, что Олав конунг якобы сбросил с себя под водой кольчугу, вынырнул вдали от боевых кораблей и поплыл к вендскому кораблю, а люди Астрид доставили его на борт... Как бы там ни было, конунг Олав сын Трюггви так и не вернулся к власти в Норвегии» (Снорри Стурлусон 1995: 166). Правда, сомнения в этом высказывались уже современниками: «Халльфред Трудный Скальд говорит так:

«Дуб побоищ добрый
Твердил, будто родич
Трюггви смог от смерти
Уйти, всевластитель.
Только я не внемлю
Той молве, что Олав
Жив еще и тщетной
Не тешусь надеждой...

Снова уверяют
Люди, будто конунг
То ли ранен в пень
Стали, то ли спасся.
Но теперь о смерти
Княжьей – мало вижу
Складу в толках этих –
Достоверны вести» (КЗ: 166).

²¹ Вопрос о возможном участии Сигурда Эйрикссона и Олава Трюггвасона в управлении Ладогой был предметом обсуждения с Н.И. Милютенко (СПб), которой я искренне признателен за сделанные замечания.

²² Напомню, что захоронение, из которого происходит подвеска, относится к родановской культуре, носители которой принадлежат к группе прикамских финнов (Розенфельдт 1987: 153-162).

²³ Не присутствием ли в Ладого представителем Олава Трюггвасона объясняется поход Эйрика 997 г.? Из контекста рассказа о походе Эйрика на Альдейгьюборг, приведенного в «Красивой коже», следует, что «воевал ярл Эйрик ... в государстве конунга Вальдамара, когда Олав Трюггвасон был конунгом в Нореге. И делал он это из мести и неприязни к конунгу Олаву и вражды после гибели Хакона, своего отца» (Джаксон 1993:154). Сомнения в такой мотивировке военных действий высказала Е.А. Рыдзевская: «Нет никаких оснований думать, что Эйрик мог видеть в русском князе союзника Олафа и тем самым – своего личного врага» (1945:54). К этому присоединилась и Т.Н. Джаксон, подчеркивавшая справедливость сомнений Рыдзевской (Джаксон 1993: 214). Полагаю, основания считать Владимира Святославича союзником Олава у Эйрика, все-таки были достаточно серьезными, так что к оценкам, высказанным в «Красивой коже», я предложил бы относиться с большим доверием.

Глава 6 ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В КЛЕЙМАХ НА БЫТОВОЙ И СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКЕ

Клейма в виде знаков Рюриковичей на бытовой и строительной керамики датируются в основной своей массе XII-XIII вв., а к X-XI вв. от-

носятся только единичные предметы. Тем не менее, каждая из этих находок заслуживает самого пристального внимания.

Гончарные клейма

Среди разнообразных точек зрения относительно смыслового значения гончарных клейм – оттисков по сырой глине на днище сосудов – высказанных за последние полтора столетия, наибольшее распространение получили три: клейма – религиозно-магические символы, обереги продукции, охранявшие посуду от момента производства до реализации на рынке (К.Н. Тышкевич, И.А. Хойновский, В.И. Сизов, Н.В. Тухтина, Е.В. Каменецкая, П.П. Толочко и др.); клейма – знаки мастеров, метивших продукцию своим клеймом или клеймом хозяина, если гончар не был лично свободным (А. Котляревский, А.С. Уваров, В.И. Козловская, А.А. Мансуров, М.К. Каргер, Б.А. Рыбаков и др.); клейма – знаки заказчиков продукции гончара, метившие не отдельные сосуды, а партии сосудов, знаки собственности на продукцию (Р.Л. Розенфельдт, К. Черногорский, В.И. Ставиский, Т.А. Бобровский и др.). Не вступая в обсуждение проблемы в целом, отмечу редкость клейменных сосудов по сравнению с сосудами, на днищах которых клейма отсутствовали, что позволяет считать наиболее предпочтительной последнюю из существующих версий. В таком случае, использование в качестве гончарных клейм княжеских знаков свидетельствует не о связи гончара с вотчинным княжеским хозяйством, а о заказе сосудов, сделанном гончару княжеским чиновником и об оплате этих сосудов из средств князя. Учитывая, что глиняные сосуды – предметы хрупкие и часто бьются, можно думать, что большинство найденных клейм в виде княжеских знаков связаны с сосудами, использовавшимися и разбитыми там, где они и были найдены при раскопках. Иными словами, присутствие в материалах раскопок поселения гончарных клейм в виде княжеских знаков свидетельствует о пребывании в этом населенном пункте представителей княжеской администрации.

Среди известных в настоящее время гончарных клейм в виде знаков Рюриковичей к X-

XI вв. можно уверенно отнести всего пять находок.¹ Наиболее ранняя из них – это гончарное клеймо в виде двузубца с широкими боковыми зубцами и ножкой в виде полуовала (рис. 28: 2), найдено при раскопках начала 1950-х годов в детинце древнерусского города Плеснеска (Кучера 1961: 144, рис. 1: 6).² Архаичный облик знака позволяет определенно относить его к числу родовых двузубцев Рюриковичей X в. С кем именно из князей следует связывать заказчика сосуда – с Игорем ли, Святославом или же Ярополком – определить невозможно, поскольку первое упоминание Плеснеска на страницах летописей относится только к 1188 г. (ИЛ: 662). Но, в любом случае, находка гончарного клейма в форме княжеского двузубца позволяет определенно утверждать, что Плеснеск уже в X в. контролировался великим киевским князем и здесь находился представитель великокняжеской администрации.

Еще одно клеймо в виде двузубца с широкими зубцами и неясной формой ножки происходит из Владимира Волынского (рис. 28: 3). К сожалению, опубликованная в монографии М.М. Кучинко (1994: 148, рис. 32: 6, 25) прорисовка клейма слишком схематичная, а археологический контекст, с которым связана эта находка, никак не охарактеризован. Тем не менее, находка клейма в виде двузубца именно во Владимире Волынском весьма показательна.

Владимир Волынский впервые упомянут на страницах летописи под 988 г. в качестве стольного города Всеволода Владимировича, сына Владимира Святославича. По общему мнению исследователей, город был основан в конце X в. Владимиром Святým и на протяжении длительного времени являлся важнейшим опорным пунктом на западной границе Киевского государства. Обнаружение здесь гончарного клейма в виде двузубца свидетельствует, что в какой-то момент в городе находился представитель князя, пользовавшегося родовым двузубцем.

¹ К X в. относят также гончарные клейма в виде трезубца из раскопок поселения на Менке (Загорульский 1982: 38, рис. 9, 21-25), отождествляемого с первоначальным Минском (Штыхов 1978). Хотя эта датировка весьма вероятна, и полной уверенности в ней у меня все таки нет, поэтому считаю целесообразным рассматривать клейма из поселения на Менке в контексте княжеских знаков XII-XIII вв, имевших форму трезубца. Сосуд с клеймом в виде трезубца обнаружен также в кургане № 53 Шестовицкого могильника (Блифельд 1977: 203, табл. XIV, 10), однако опубликованная фотография этого клейма недостаточно четкая.

² Древнерусский город Плеснеск находится в верховьях Западного Буга, на юго-западной окраине древнерусского государства.

В годы княжения Владимира Святослави-ча единственным представителем рода Рюриковичей, имевшим право на родовой двузубец оставался Святополк Ярополчич, занимавший Туровский стол. Именно с ним мы связывали граффити-двузубцы на монетах 979/980 и 988/989 гг. Если опубликованное М.М. Кучинко гончарное клеймо действительно происходит из Владимира Волынского и действительно соответствует родовому двузубцу Рюриковичей, то эта находка подтверждает высказанную гипотезу об использовании Святополком Ярополчичем в период его пребывания на Туровском столе родового двузубца.

Гончарное клеймо из Владимира Волынского позволяет вернуться к вопросу о том, кто именно осуществлял контроль за Волынью в конце X – начале XI вв. Под 988 г. «Повесть временных лет» сообщает о передаче Владимира Волынского Всеволоду Владимировичу (ЛЛ: 121). Если принять предлагавшееся отождествление Всеволода с конунгом Висивальдом, сватавшимся в 995 г. к Сигрид Гордой и погибшим от ее руки (КЗ: 126), то следует признать, что Всеволод в начале 990-х гг. покинул Русь и «ушел за море в «Варягы» вследствие разрыва с отцом» (Пресняков 1993: 32).

Не был ли вызван разрыв Всеволода с отцом тем обстоятельством, что волынский князь принял сторону Святополка туровского, выступившего против великого киевского князя? Оставляя этот вопрос открытым,⁴ подчеркнем: клеймо из Владимира Волынского свидетельствует, что в конце X в. в городе могли находиться представители Святополка.

Третье клеймо происходит из Могилева.⁵ В недавно опубликованной работе И. Марзалюка⁶ (1998: 210, рис. 26), посвященной историческим судьбам Могилева, воспроизведены прорисовки княжеских знаков в клеймах на днищах трех гончарных сосудов. Два из трех клейм датируются XII-XIII вв., а третье определенно относится к более раннему времени. Знак (рис. 28: 4) имеет вид трезубца с широкими подтреугольными боковыми зубцами (нижняя часть левого зубца плохо оттиснута) и центральным зубцом, увенчанным крестиком. Вершина правого зубца раздвоенная. Судя по крестовидному завершению вершины центрального зубца, ближайшими аналогиями знаку являются трезубцы Изяслава Владимировича и его старшего сына Брячислава Изяславича.

По прорисовке И. Марзалюка, форма ножки у трезубца в могилевском гончарном клейме не ясна: через деревянную подставку, помещавшуюся на гончарном круге, проходила трещина, и обозначенная на прорисовке «вертикальная ножка» является продолжением

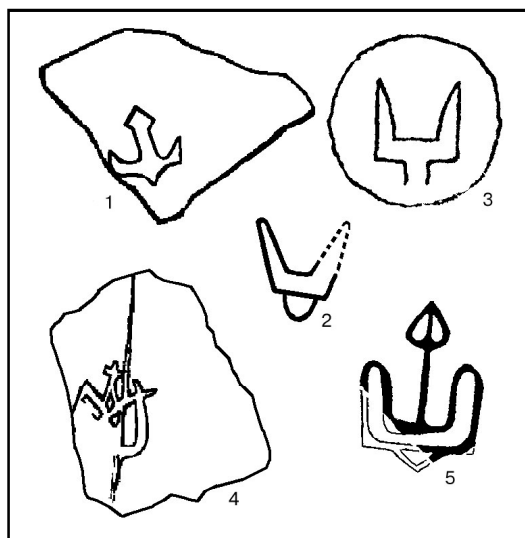

Рис. 28. Знаки Рюриковичей в гончарных клеймах. 1 – Берестъеч; 2 – Плеснеск; 3 – Владимир Волынский; 4 – Могилев; 5 – Вышгород (прорисовки по М.П. Кучере, М.М. Кучинко, И. Марзалюку и П.Ф. Лысенко).

отпечатка этой трещины. Судя по всему, ножка трезубца читается также плохо, как и основание левого зубца.

Обращает на себя внимание оформление вершины правого зубца у трезубца, отличающееся от оформления вершины левого зубца: если это не случайное искажение, получившееся при вырезании матрицы клейма на деревянной плоскости гончарного круга, то знак представлял собой усложненный вариант трезубца, имевшего крестовидное завершение центрального зубца. И так как крестовидная вершина центрального зубца являлась наследственным признаком потомков Изяслава Владимировича, очевидно, что усложнение вершины бокового зубца трезубца является признаком наследования знака сыном князя, знак которого имел симметричные боковые зубцы.

У Изяслава Владимировича было два сына – Брячислав и Всеслав. Последний, как будто бы, потомков не оставил, и полоцкую ветвь Рюриковичей продолжил единственный сын Брячислава – Всеслав Брячиславич. Знак по следнему нам пока не известен, а знак Брячислава Изяславича, как мы уже знаем, повторял трезубец Изяслава Владимировича, усложняя на один элемент форму ножки.

По хронологическим соображениям связывать знак с сыновьями Всеслава Брячиславича не приходится: все они получили столы после 1101 г., когда система княжеских знаков на Руси и стилистика их изображения существенно изменились. Таким образом, владельцем знака, сохраненного могилевским гончарным

⁴ Отождествление Всеволода Владимировича с Висивальдом признают далеко не все исследователи; подробнее см. (Джаксон 1993: 210-211).

⁵ Средневековый город Могилев находится на правом берегу Днепра при впадении в него р. Дубравенки.

⁶ Благодарю И.И. Синчука (Минск), обратившего мое внимание на эту публикацию.

клеймом, мог быть один из двух князей – либо Всеслав Изяславич, либо его племянник, Всеслав Брячиславич.

Если верна атрибуция знака на стороне «б» у подвесок из Новгорода и Белгорода, то Всеслав Брячиславич должен был внести изменение не в форму зубца, а в форму ножки трезубца (путем «изъятия» из ножки отцовского трезубца треугольной части?). В таком случае, единственным претендентом на знак могилевского клейма остается Всеслав Изяславич – младший сын Изяслава Владимировича (Белецкий 2000б: 342-345).⁷

Сведений о Всеславе Изяславиче источники почти не сохранили: известно только, что он скончался в 1003 г. (ЛЛ: 55). Старший брат Всеслава Изяславича, Брячислав, наследовал в 1001 г. после смерти отца Полоцк. Могилев, при раскопках которого найдено клеймо, расположен на пограничье Полоцкой и Смоленской земель. Возникновение города обычно относят ко времени не ранее XIII в. Однако большинство исследователей признает, что на месте города в XI-XIII вв. существовало несколько сельских поселений. Территориально ближайшим к Могилеву крупным населенным пунктом Полоцкой земли XI в. являлся Друцк, к сельской округе которого могли принадлежать поселения на месте Могилева. Не исключено, что после смерти Изяслава Владимировича к его младшему сыну отошел именно Друцк.⁸

Четвертое из известных гончарных клейм XI в. в виде княжеских знаков найдено при раскопках древнерусского города Берестья.⁹ Знак представляет собой трезубец с боковыми зубцами, имевшими острые вершины, отчетливо выраженной ромбической вершиной центрального зубца и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз (рис. 28: 1). П.Ф. Лысенко, опубликовавший находку, оставил знак без комментария (Лысенко 1985: 334, рис.236, третий ряд сверху, крайний левый рисунок). Между тем, этот знак находит себе прямые аналогии в граффити № 103 свода 1991 г. на диргеме из клада, сокрытого около 1015-1020 г., в изображении на заготовке каменного грузила из Новгорода, а также в подвеске из Новгорода. Перечисленные знаки уже были атрибуированы князю Мстиславу Владимировичу. Ему же можно атрибуировать и знак в берестейском гончарном клейме.

Таким образом, гончарное клеймо из Берестья определенно указывает на то, что здесь находился представитель Мстислава тмутара-

канского. Это обстоятельство является принципиально важным для понимания военно-политической ситуации, сложившейся в ходе династической войны 1015-1026 годов. Напомним, что Берестье впервые упомянуто в летописи под 1019 г. – сюда после поражения в битве при Альте от войска Ярослава Мудрого привезли раненого Святополка Ярополчича, и именно отсюда он отправился в Польшу к тестю, Болеславу Храброму. По сведениям М. Стрыйковского, в 1019 г. Берестье контролировалось Болеславом, и здесь сидел его наместник (Лысенко 1985: 14). Однако в рассказе о захвате Болеславом червенских городов в 1018 г. Берестье не упоминается, так что сведения Стрыйковского остаются не подтверждены русскими источниками. Не исключено, что этот участок русско-польского пограничья, входивший в состав Туровской земли, в 1019 г. продолжал оставаться под контролем Святополка.

В 1022 г. Ярослав Мудрый, как известно, совершил неудачный поход на Берестье. Этот поход обычно связывают с антипольской деятельностью Ярослава. Однако находка гончарного клейма с изображением знака Мстислава Владимировича позволяет поставить вопрос о походе 1022 г. в контекст борьбы за власть в государстве между Ярославом и Мстиславом. Вряд ли случайным является то обстоятельство, что Мстислав Владимирович предъявил претензии на часть верховной власти в Киевском государстве в 1023 г., сразу же после неудачного похода Ярослава на Берестье. И вряд ли случайностью можно объяснить тот факт, что червенские города были взяты Ярославом Мудрым под контроль только после смерти Мстислава. Решусь предположить, что в династической войне между Ярославом Владимировичем и Святополком Ярополчичем Мстислав Владимирович был изначально на стороне Святополка, а после поражения последнего в битве при Альте сохранил контроль над русско-польским пограничьем. Именно противостоянием Ярослава и Мстислава я склонен объяснять поход Ярослава на Берестье, и именно неудачная осада Берестья в 1022 г. явилась *casus belli* для вступления Мстислава в открытое вооруженное противостояние с братом. Напомним, что результатом противостояния стало поражение Ярослава в битве при Листвене и последовавший за этим поражением Городецкий мир 1026 г.

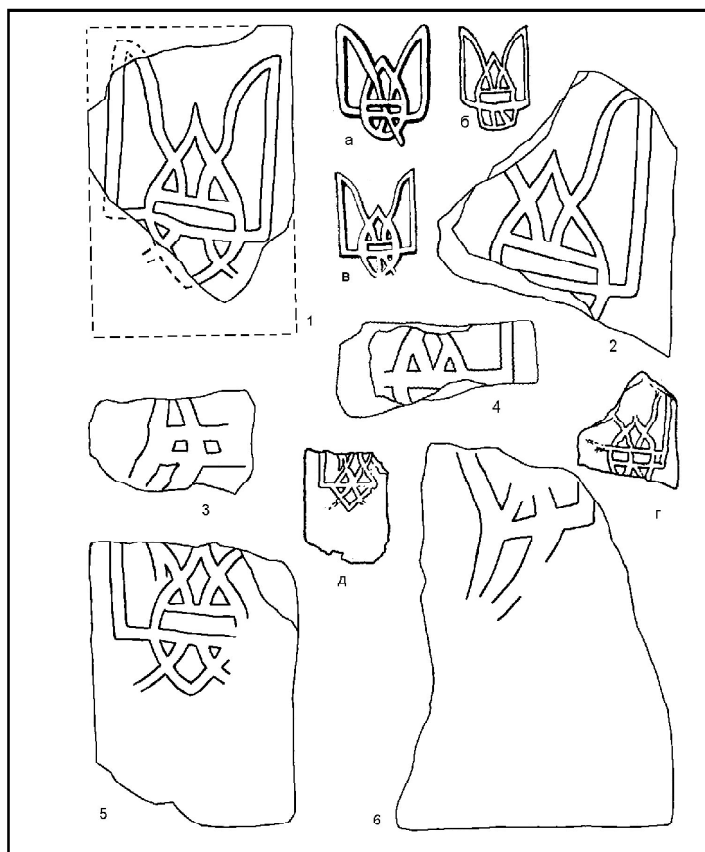
Еще одно гончарное клеймо с изображением знака Мстислава Владимировича (рис. 28: 5) найдено при раскопках в Вышгороде (Строкова

⁷ Атрибуируя Всеславу Изяславичу знак в гончарном клейме из Могилева мы, таким образом, допускаем, что не оттиснувшаяся ножка этого трезубца имела форму треугольника, обращенного острием вниз.

⁸ В территориальной близости от Могилева находятся города Копысь и Мстиславль, однако эти города принадлежат уже к Смоленской земле; кроме того, первые укрепления Копыся относятся только ко второй половине XI в., а возникновение Мстиславля принято относить к середине XII в. (Алексеев 1980: 164-165, 171, 177).

⁹ Древнерусский город Берестье (Берестий) находится в среднем течении Западного Буга, на западной окраине древнерусского государства.

Рис. 29. Клейма на кирпичах Десятинной церкви (1, 3-6) и княжеского дворца (2) в Киеве. 1-6 – прорисовки по фотографиям; а-в – прорисовки Б.А. Рыбакова; г, д – прорисовки Н.В. Холостенко.

2000: 163, рис.6: 5). Жители этого города — одного из важнейших центров Среднего Поднепровья, расположенного на правом берегу Днепра в 15 км выше Киева — в 1015 г., как известно, поддержали Святополка Ярополчиича в его претензиях на великокняжеский стол. Находка в Вышгороде гончарного клейма с изображением знака Мстислава Владимировича определенно указывает на то, что в городе находились представители князя. Поскольку по условиям Городецкого мира 1026 г. за Мстиславом Владимировичем было закреплено левобережье Среднего Поднепровья, в то

время как Ярослав Владимирович контролировал правобережные земли¹⁰, риску предположить, что представители Мстислава контролировали Вышгород ранее этого времени, вероятнее всего — в 1023-1026 гг., то есть — в период активной борьбы Мстислава за власть с братом Ярославом. Таким образом, клеймо из Вышгорода свидетельствует о том, что после Лиственской битвы вся территория Среднего Поднепровья перешла под контроль Мстислава Владимировича, и именно с этих позиций он выступал при заключении в 1026 г. Городецкого мира.

Клейма на кирпичах

Знаки на древнерусских строительных материалах учитывали и публиковали многие исследователи, так или иначе обращавшиеся к проблемам древнерусской геральдики и древнерусской архитектуры (К.В. Болсуновский, И.М. Хозеров, Б.А. Рыбаков, Н.Н. Воронин, М.К. Каргер, Н.В. Холостенко, П.А. Раппопорт, Л.А. Беляев и др.). Исследователи единогласны в том, что клейма на кирпичах, то есть – оттиски специально изготовленных штампов по сырой глине, нанесены мастерами, изготавливавшими кирпичи-плинфу. П.А. Раппопорт убедительно показал, что клеймами метились партии кирпи-

ча перед обжигом (Раппопорт 1994: 30).

Использование в качестве клейма изображений княжеских знаков обычно объясняют либо зависимостью мастеров-строителей (как и других ремесленников, метивших свой товар княжескими знаками) от князя (Рыбаков 1948а: 169; 1948б: 367), либо принадлежностью владельцев княжеских знаков к числу донаторов храма (Раппопорт 1999: 5-8). Учитывая то, что на кирпичах многих храмов зафиксировано по несколько (2-3 и более) разнотипных знаков, вторая точка зрения представляется предпочтительнее (Белецкий 1999: 8-10).

¹⁰ «И разделили Рускую землю по Днепр: Ярославу западную, а Мстиславу восточную страны, и начали жить мирно» (Татищев В.Н. История Российская, с.76)..

подавляющее большинство известных в настоящее время клейм на древнерусских кирпичах относится к XII-XIII вв. К X-XI вв. можно уверенно отнести пока только клейма на кирпичах из Десятинной церкви и из развалин постройки, открытой «на усадьбе Петровского» в Киеве. Они были найдены при раскопках 1907-1908 (Церква Богородиці 1996: 113-114, кат. № 44) и 1938-1939 гг. (Каргер 1958: 455, 456). К настоящему времени опубликовано не менее шести клейм.¹¹ Два экземпляра из раскопок 1907-1908 гг. (рис. 29: 1-2) фиксируют, что в клейме изображен трезубец с широкими боковыми и тонким центральным зубцами. Центральный зубец представлен вытянутой вверх острой вершиной каплевидного овала, нижняя часть которого являлась ножкой трезубца. Ножку трезубца пересекают две изогнутые линии, выходящие за пределы контура ножки и зрительно являющиеся продолжением внутреннего контура боковых зубцов трезубца.

На фрагментах кирпичей из раскопок 1938-1939 гг. клейма сохранились фрагментарно (рис. 29: 3-6). Тем не менее, очевидно, что эти клейма по схеме знака соответствуют находкам 1907-1908 гг.

Важность находки была оценена практически сразу же после раскопок 1907 г. Уже в работе 1908 г. К.В. Болсуновский опубликовал довольно точную прорисовку кирпича из раскопок 1907 г. (рис. 29: 1), посчитал его изразцом и подчеркнул аналогичность знака знакам на златниках и сребрениках Владимира Святого (Болсуновский 1908: 3).

Б.А. Рыбаков, также как и Болсуновский, атрибуировал знак Владимиру Святославичу (Рыбаков 1940: 247; 1948а: 169). При этом исследователь был убежден, что знак является не трезубцем, а двузубцем (Рыбаков 1940: 247). В другой работе Рыбаков развил идею Болсуновского о функциональном назначении кирпичей со знаками: «Обширное здание градницы было украшено орнаментальным фризом из изразцов с рельефными узорами... Узор изображал княжеский знак Владимира Святославича... Этот фриз из поливных изразцов является древнейшим памятником киевской поливной керамики» (Рыбаков 1948б: 359-360).

М.К. Каргер, специально комментировавший клейма на кирпичах из раскопок Десятинной

церкви, правильно истолковал знаки как трезубцы. Исследователь исправил ошибку в интерпретации находок 1907-1908 гг., допущенную Болсуновским и повторенную Рыбаковым: «Тщательное изучение этого кирпича, хранящегося в Киевском историческом музее, позволило убедиться, что никаких следов поливы на кирпиче нет... Рельефные полоски трезубца в действительности слегка прорисованы белой гуашью, по-видимому, для удобства фотографирования» (Каргер 1958: 455-456).

Все последующие исследователи опирались в своих рассуждениях на находки 1907-1908 и 1938-1939 гг. В персонализации знака Владимиру Святому также расхождений не было: кроме общего сходства знака со знаками на монетах весомым аргументом в пользу этого вывода стало происхождение кирпичей из Десятинной церкви, поскольку о донаторстве Владимира определенно свидетельствует «Повесть временных лет» (ЛЛ: 121-122).

Действительно, принадлежность знака в клеймах Владимиру Святославичу сомнений не вызывает: об этом свидетельствует не только форма трезубца, но и полное соответствие его построения знакам группы Б на златниках и сребрениках Владимира. О закладке церкви Богородицы (Десятинной) летопись сообщает под 989 г., а в 996 г. постройка уже была освящена (ЛЛ: 121-122, 124). Таким образом, парадный тип трезубца Владимира, в основе которого лежит схема построения знаков группы Б, существовал уже на рубеже 980-х и 990-х годов, то есть соответствует времени чеканки златников и сребреников типа I, приуроченной, по мнению М.П. Сотниковой «к крещению Руси и женитьбе Владимира в 989 г. на сестре византийских императоров Василия II и Константина VIII» (Сотникова 1995: 191-192). Однако, из двух схем построения знака первичной все-таки является схема группы А: об этом свидетельствует оформление трезубца на костяной подвеске начала 970-х гг. из Новгорода.

* * *

Таким образом, после анализа знаков в клеймах на керамике генеалогию знаков Рюриковичей (рис. 30) удается дополнить знаком Всеслава Изяславича, младшего сына Изяслава Полоцкого.

¹¹ В литературе фигурируют несколько разных прорисовок клейм из Десятинной церкви. Так, Б.А. Рыбаков отмечал, что по двум, найденным Хвойко фрагментам удалось «почти полностью восстановить знак на кирпичах» (Рыбаков 1940: 247). Однако рисунки, изданные в разных работах исследователя, в деталях отличаются, так что, по-видимому, Рыбаков не был полностью уверен в своей реконструкции (ср.: рис. 28, а-в). В статье Н.В. Холостенко (1965) воспроизведены не вполне точные рисунки двух клейм (рис. 28, г, д): в одном случае воспроизводится прорисовка кирпича из раскопок 1908 г. (рис. 28, 2), в другом случае – из раскопок 1938-1939 гг. (рис. 28, 5).

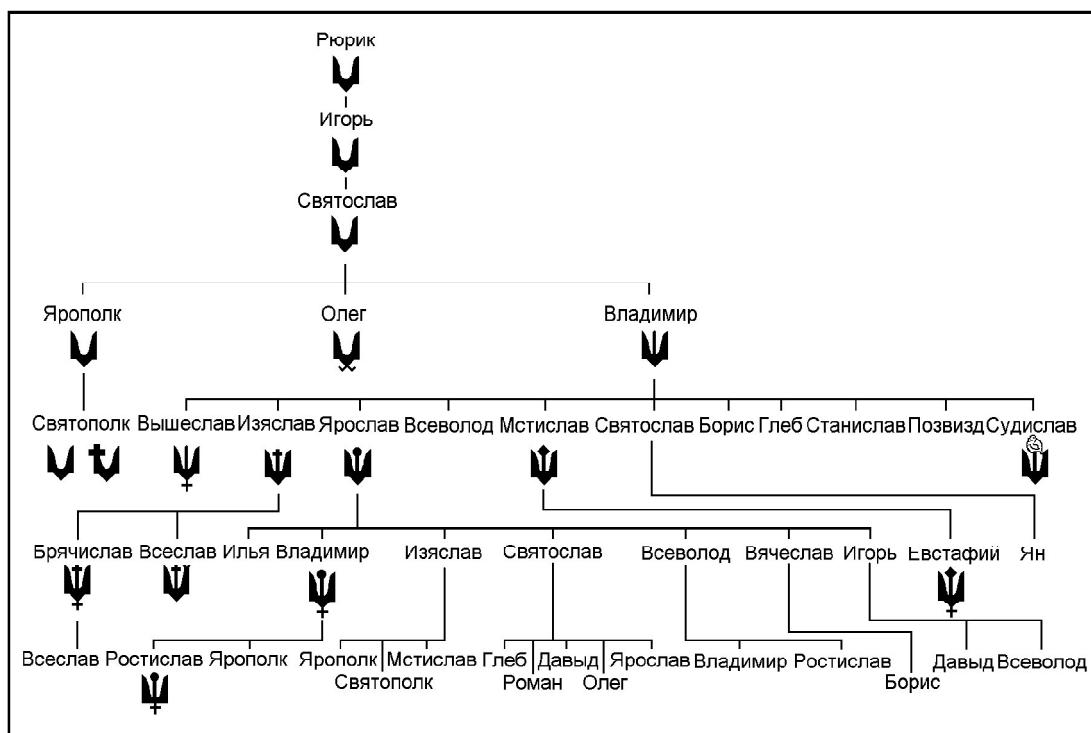

Рис. 30. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 6.

Глава 7 ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА РОГОВЫХ КИСТЕНЯХ

Совершенно особую группу геральдических памятников древней Руси составляют роговые кистени с процарапанными на поверхности знаками Рюриковичей. Таких кистеней к настоящему времени найдено не менее четырех – в Саркеле, Минске, Киеве и на острове Ледницком близ Гнезно.¹ По двум из четырех кистеней (Саркел, Минск) имеется достаточно большая литература, причем знаки, процарапанные на поверхности кистеней, не только по-разному оцениваются, но и по-разному воспроизводятся.

Все четыре кистеня однотипны: они яйцевидной формы, имеют продольный осевой ка-

нал, в который вставлялся железный стержень с петлей на одном конце и заклепкой на другом. Не исключено, впрочем, что какая-то часть таких кистеней вообще не имела железного стержня, и осевой канал использовался для пропуска кожного (?) жгута (Крыганов 1987: 63; Кирпичников 1966: 59). По классификации А.Н. Кирпичникова, такие кистени появляются в X в. и доживают до XIII в. включительно (Кирпичников 1966: 59). По наблюдениям А.Р. Артемьева, кистени рассматриваемого типа в Новгороде известны с рубежа X-XI вв. и встречаются до конца XII в. (Артемьев 1990: 6-7).

Кистень из Минска

Обломок кистеня из Минска был найден при раскопках 1949 г. В.Р. Тарасенко, руководивший раскопками, дважды обращался к этому памятнику.² В статье 1950 г. (Тарасенко 1950: 126, рис.42) была опубликована прорисовка кистеня (рис. 31: 1) с обозначением на нем двух знаков: 1) двузубец без ножки, обозначенный контуром, между зубцами двузубца показан крестик (далее – знак «А»); 2) двузубец линейного рисунка с треугольной ножкой, обращенной острием вниз, с отогнутым наружу правым зуб-

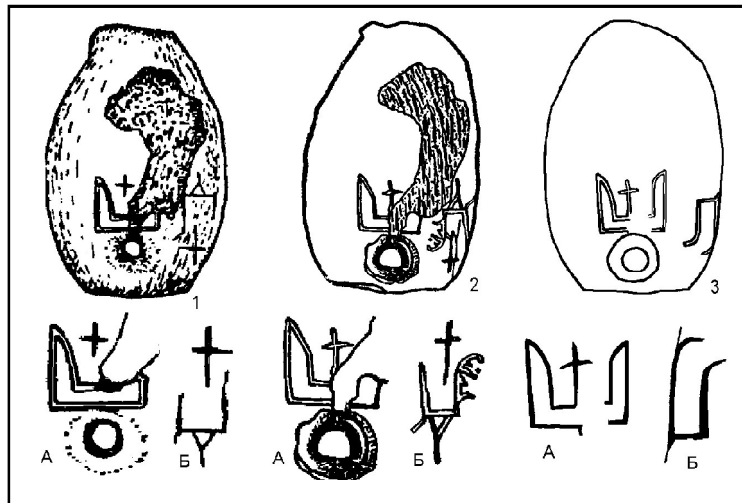
цом и невнятно прорисованным левым зубцом, в пространстве между зубцами несколько выше знака также показан крестик (далее – знак «Б»).

Комментируя знаки, В.Р. Тарасенко писал: «Знаки Рюриковичей в двух вариантах нанесены нарезными линиями и оба имеют очертания двузубца с крестом сверху... Центральное изображение (знак «А» – С.Б.) выполнено в виде двух параллельных линий, соединяющихся у верхнего окончания слегка отогнутых наружу зубьев. Сбоку имеется второй знак (знак «Б» – С.Б.),

¹ Кистени с процарапанными на поверхности знаками найдены также в Новгороде (Артемьев 1990: 20, рис. 2, 2) и на болгарском городище Хулаш (Измаилов 1997: 104, рис.70, 1). Однако в обоих случаях знаки, как будто бы, не имеют отношения к системе лично-родовых знаков Рюриковичей.

² В.Р. Тарасенко считал кистень наверху посоха.

Рис. 31. Кистень из Минска. 1 – прорисовка 1950 г.; 2 – прорисовка 1957 г.; 3 – прорисовка по фотографии.

помещенный по отношению к первому верхней частью вниз. Он также состоит из двузубца с крестом сверху, но очертания этого двузубца намечены только одной линией, причем концы обоих зубьев отогнуты наружу. Последний из этих родовых знаков очень близок к знаку, имеющемуся на литейной форме, найденной при раскопках древнерусских слоев на Старом замке города Гродно³. Но для нас особенно интересен знак на привесной печати, найденной в Киеве, на обеих сторонах которой схематично изображены двузубцы.⁴ По предположению А.В. Орешникова, подобный знак мог иметь отец Ярослава. Этот знак, у которого отсутствует сверху крест, аналогичен в основном первому из описанных выше знаков (знаку «А» – С.Б.). А.В. Орешников считал невозможным отнести знак на киевской печати ко времени Владимира. Архаичность минского знака объясняется, скорее всего, тем, что он принадлежал князьям младшей ветви дома Рюриковичей, которая, начиная с Изяслава Владимировича, положила начало полоцкой ветви князей Рюриковичей, осложнивших изображение древнего двузубца прибавлением к нему сверху креста. В таком случае, знак минского посоха следует, по-видимому, отнести не ранее чем к XII в. Это изображение вполне согласуется с летописными данными, согласно которым минское княжество с центром в г. Минске выделилось из состава Полоцкого княжества в 1101 г., после смерти полоцкого князя Всеслава Брючиславича. Первым минским князем был один из сыновей Всеслава Брючиславича, Глеб Всеславич. Ему-то или одному из его ближайших потомков и мог принадлежать посох с княжескими знаками, найденный на минском Замчище в 1949 г.» (Тарасенко 1950: 126).

В монографической статье 1957 г. В.Р. Тарасенко опубликовал прорисовку кистеня

(рис. 31: 2), отличающуюся в ряде существенных деталей от ранее опубликованной, и повторил основные положения первоначального комментария (Тарасенко 1957: 244-245). На прорисовке 1957 г. знак «А» читается как трезубец с широкими боковыми и узким центральным зубцом, вершина последнего увенчана крестиком. У знака «Б» на этой прорисовке левый зубец показан вертикальным, причем вершина этого зубца хотя и выходит за пределы сохранившегося фрагмента кистеня, но, тем не менее, почти достигает высоты правого зубца; от левого угла основания двузубца показан отпядныш влево, завершение которого также выходит за пределы сохранившейся части кистеня.

Л.В. Алексеев включил в исследование, посвященное Полоцкой земле, прорисовку 1950 г. (Алексеев 1966: 147, рис. 28: 3). Вслед за Тарасенко, он рассматривал оба знака на кистене как одинаковые двузубцы «с крестиком наверху» и приписывал эти знаки князю Глебу Всеславичу.

Сопоставив знаки на минском кистене со знаками Рюриковичей, анализировавшимися Б.А. Рыбаковым (1940; 1948а), Алексеев полагал, что минские знаки близки «двузубцам Рюриковичей, отличительной чертой которых является значок над двузубцем в виде луны или креста»⁵ (Алексеев 1966: 254). Опираясь на мнение Б.А. Рыбакова, атрибуировавшего последние Изяславу Ярославичу и его сыновьям, Ярополку и Святополку, Алексеев подчеркивал: «Знак Глеба Минского – двузубец с крестиком наверху... был заимствован этим князем у своих могущественных союзников, родственников жены» (Алексеев 1966: 254).

Э.М. Загорюльский, впервые опубликовавший фотографию минского кистеня, считал, что знак «А» «находит свое место в ряду знаков ближайших потомков Владимира Святославича».

³ Формочка из Гродно с процарапанным трезубцем (!) опубликована Н. Н. Ворониным (1954); она датируется XII в.

⁴ Имеется ввиду печать Святослава Игоревича из раскопок Десятинной церкви в Киеве (рис 13: 1).

⁵ Имеются ввиду знаки на монетах Святополка; подробнее см. гл. 1.

Аналогией этому знаку исследователь считал трезубец на печати Изяслава Владимировича (Загорульский 1982: 217). Знак «Б» Загорульский не комментировал.

Последними по времени высказались по поводу знаков на минском кистене А.Р. Артемьев и А.А. Молчанов. Исследователи воспроизвели прорисовку кистеня по изданию 1957 г., скорректировав ее по фотографии, опубликованной Э.М. Загорульским. Ссылаясь на фрагментарность сохранившихся изображений, Артемьев и Молчанов отказались от попыток персонифицировать знаки. Впрочем, знак «А» исследователи вполне определенно датировали XI в. (Артемьев, Молчанов 1995: 189).

Знаки на минском кистене действительно сохранились фрагментарно. Тем не менее, после публикации фотографии кистеня появилась возможность уточнить высказывавшиеся в литературе соображения и оценки, а зафиксированное на кистене сочетание знаков дает, на мой взгляд, некоторые возможности для персонификации их владельцев.⁶

Знак «А» имеет форму трезубца с широкими боковыми зубцами, обозначенными контуром, и таким же широким основанием. Правый зубец частично разрушен эрозией поверхности кистеня, но это разрушение не мешает угадывать в нем симметрию левому зубцу. Центральный зубец узкий, обозначен вертикально процарапанной мачтой с крестовидным завершением. Пространство, примыкающее к основанию трезубца, в пределах которого должна была быть изображена ножка знака, уничтожено отверстием, просверленным при ремонте кистеня, однако небольшой фрагмент ножки все-таки угадывается в хаосе царапин, которыми покрыто пространство вокруг отверстия.

Ближайшей аналогией знаку «А» на минском кистене можно считать трезубцы Изяслава Владимировича, Брячислава и Всеслава Изяславичей: общим у этих трезубцев является крестообразное завершение центрального зубца. Однако говорить о тождестве знака «А» какому-то одному из перечисленных знаков нельзя, поскольку ножка у знака «А» практически полностью уничтожена отверстием, просверленным при ремонте кистеня.

Некоторые основания для определения типа ножки у знака «А» все-таки имеются. У трезубца, атрибуированного Изяславу Владимировичу, ножка имела вид треугольника, обращенного острием вниз. Связывая знак в клейме из Могилева с Всеславом Изяславичем, мы допускали, что ножка у этого знака сохраняла форму ножки отцовского трезубца, то есть также имела вид треугольника, обращенного ост-

рием вниз. Знак, атрибуированный Брячиславу Изяславичу, имел ножку в форме треугольника, обращенного острием вниз и усложненного крестовидным завершением.

У знака «А» на минском кистене по всей длине основания прослежена сплошная горизонтальная линия, соединяющая углы основания трезубца, а в центральной части этой линии как будто бы угадывается вертикальная линия, отходящая от основания трезубца почти под прямым углом. Таким образом, треугольник, обращенный острием вниз, у этого знака наверняка отсутствовал.

В этой связи вспомним знаки, атрибуированные Ярославу Мудрому, его сыну Владимиру Ярославичу и внуку, Ростиславу Владимировичу: трезубец Ярослава имел треугольную ножку, у трезубца Владимира треугольная ножка опиралась на крестовидное завершение, а у трезубца Ростислава треугольная часть ножки исчезла и сохранилась только крестовидная ее часть, непосредственно соединенная с основанием трезубца.

Отсутствие у знака «А» треугольной части ножки и фрагмент вертикальной линии, отходящей вниз от основания трезубца дают основание предполагать, что ножка у знака на минском кистене имела, вероятнее всего, крестовидную форму. В таком случае, единственным возможным владельцем этого знака является Всеслав Брячиславич († 1101) – единственный сын Брячислава Изяславича.

Знак «Б». Согласно обеим прорисовкам В.Р. Тарасенко, знак «Б» – это двузубец с отогнутыми наружу зубцами и треугольной ножкой, обращенной острием вниз. Однако на фотографии хорошо видно, что в действительности никакой треугольной ножки у знака нет – за процарапанную ножку знака приняты трещинки поверхности, поврежденной эрозией. Отчетливо читается правый зубец, отогнутый наружу, а также вертикальный зубец, воспринятый всеми исследователями как левый зубец двузубца, но на самом деле являющийся центральным зубцом трезубца. Вершина этого зубца имела раздвоенное завершение, от которого сохранился отгиб вправо. Именно этот отгиб, пересеченный вертикальной царапиной, и был принят Тарасенко за крест. Левый зубец знака «Б» не сохранился. Не ясна и форма ножки трезубца, от которой прослежен только небольшой фрагмент, отходящий под углом от точки соединения центрального зубца с основанием знака.

Хотя реконструировать знак «Б» из-за плохой сохранности предмета невозможно, очевидно, что этот знак относится к более позднему времени, чем знак «А», поскольку большинство

⁶ Раздел, посвященный минскому кистеню, первоначально был опубликован в виде статьи (Белецкий 1998: 20-26). В процессе работы над настоящим изданием знаки на минском кистене были повторно прорисованы по увеличенной фотографии из книги Загорульского, при этом удалось выявить фрагмент ножки знака «А», уточнить форму правого зубца у этого знака, а также определить завершение центрального зубца у знака «Б».

известных на сегодняшний день датированных трезубцев линейного рисунка относятся к XII-XIII вв. Таким образом, кистень находился в употреблении длительное время и был наверняка разбит уже после смерти Всеслава.

Датировка слоя, из которого происходит кистень, не вполне ясна. Кистень был найден близ северной апсиды недостроенного храма на Минском замчище, на уровне поверхности, «на которой сооружен древний каменный храм» (Тарасенко 1957: 243). В.Р. Тарасенко (1957: 205-223) и Л.В. Алексеев (1966: 203-207) датировали фундаменты храма XII в., связывая закладку постройки с деятельностью Глеба Всеславича († 1119), получившего минский стол не позднее кончины отца, а возможно, еще при жизни Всеслава Брячиславича.

Э.М. Загорульский относит строительство храма ко второй половине XI в., связывая постройку с деятельностью Ярополка Изяславича, который, по мнению исследователя, мог на про-

тяжении короткого промежутка времени между 1071 и 1073 гг. занимать минский стол (Загорульский 1982: 189-202).

П.А. Раппопорт затруднялся отдать предпочтение одной из двух датировок (1982: 101), однако в итоговой работе, посвященной древнерусской архитектуре, все-таки датировал храм 1071-1073 гг., оговорив при этом (со ссылкой на Загорульского): «Датировка условна. Основана на предположении ряда исследователей, что возможным заказчиком церкви был Ярополк Изяславич, занимавший минский престол в 1069-1073 гг.» (Раппопорт 1993: 268).

Персонификация знака «А» на минском кистене Всеславу Брячиславичу, в целом не противоречит датировке слоя XI в. Однако наличие на кистене знака «Б» дает основание отнести археологизацию кистеня к XII в. Замечу, что в письменных источниках нет сведений о княжении Ярополка Изяславича в Минске.

Кистень из Саркела

Роговой кистень, найденный при раскопках хазарской крепости Саркел (древнерусская Белая Вежа), неоднократно привлекал внимание исследователей.

В литературе фигурируют две прорисовки знаков, процарапанных на кистене, опубликованные М.И. Артамоновым (1958, вклейка между с.76 и 77, рис. 55) и А.М. Щербаком (1959: 364, рис.1). Прорисовки очень близки между собой (рис. 32: 2), однако в мелких деталях все-таки различаются, и это потребовало нового обращения к находке. При любезном содействии сотрудника Эрмитажа С.В. Томсинского, я осмотрел саркельский кистень, находящийся в

экспозиции Эрмитажа, и сделал новые прорисовки знаков (рис. 32: А-Д). Очевидно, что они процарапаны в разное время и/или разными лицами.

Знак «А» уверенно процарапан глубокими желобками. Знак имеет форму двузубца линейного рисунка с отогнутыми наружу зубцами и крестовидной ножкой. В пространстве между зубцами нанесены две соединяющиеся под углом линии.

Знак «Б» вырезан на поверхности кистеня очень глубокими желобками, прослежены следы повторного углубления рисунка. Знак имеет форму двузубца, напоминающего по очертаниям букву Y.

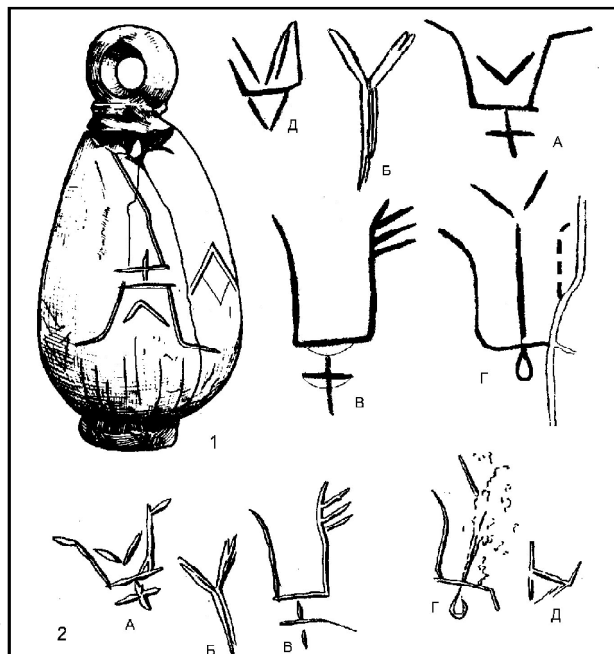
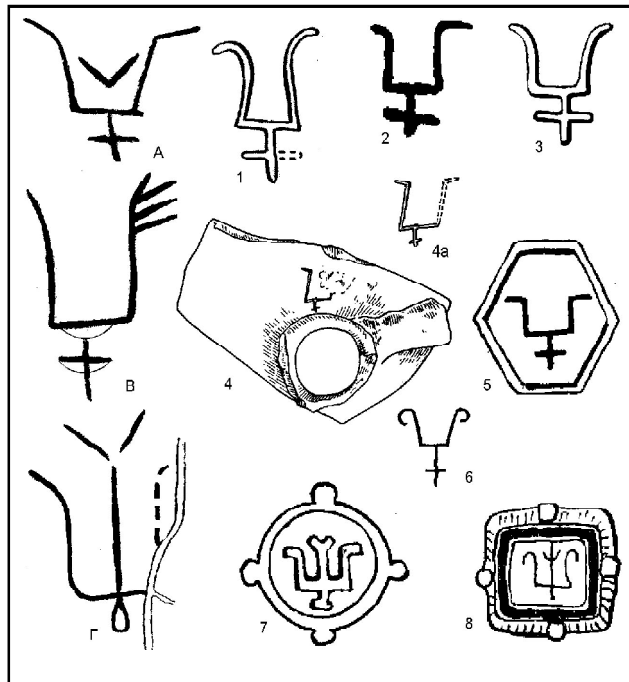

Рис. 32. Кистень из Саркела (1) и развертка знаков (2) на его поверхности (по М.И. Артамонову).

Рис. 33. Знаки «А», «В» и «Г» на кистене из Саркела и некоторые аналогии этим знакам. 1, 3, 7 – Киев; 2 – Дрогичин; 4 – Саркел; 5 – Княжая Гора; 6 – Владимир Волынский; 8 – Святое озеро.

Знак «В» уверенно процарапан глубокими желобками. Знак имеет форму двузубца линейного рисунка с отогнутыми наружу зубцами и крестовидной ножкой. Фрагмент ножки в месте соединения с основанием двузубца и под перекладиной креста срезан (в последнем случае – не полностью). С внешней стороны правого зубца под отгибом прослежены три параллельных желобка, соединенные с мачтой зубца.

Знак «Г», так же, как знаки «А» и «В», уверенно процарапан глубокими желобками. Знак имеет форму трезубца линейного рисунка с отогнутым наружу левым зубцом и вертикальным центральным зубцом, вершина которого раздвояна, ножка имеет петлевидную форму. Правый зубец трезубца уничтожен разрушением полированной поверхности кистеня и трещиной.

Знак «Д» процарапан на поверхности кистеня слабым штрихом. Он имеет форму двузубца с широкими зубцами, обозначенными контуром, и треугольной ножкой, обращенной острием вниз.

Очевидно, что состав знаков, нанесенных на поверхность кистеня, разнороден. Знак «Б» явно не принадлежит к числу лично-родовых знаков Рюриковичей: подобные знаки, в основе которых лежит простейшая вилообразная форма, известны на разных территориях и датируются разным временем; территориально ближайшие аналогии обнаруживаются среди граффити на кирпичях (Флерова 1997: табл. VI, 80-83) и амфорах Саркела (Флерова 1997: табл. XV, 251, 252, 256), в граффити (Флерова 1997: табл. I, 123, 124, 126-128) и среди знаков строителей Маяцкого городища (Флерова 1997: табл. IV, 86-90). С учетом того, что роговые кистени яйцевидной формы с железным стержнем датируются в салтово-маяцких древностях Подо-

нья не ранее IX в. (Крыганов 1987: 63), знак Б на саркельском кистене вряд ли может быть датирован более ранним временем, скорее следовало бы говорить о X в.

Знак «Д» можно вполне определенно отнести к числу двузубцев Рюриковичей X в. (не исключая также конец IX и начало XI вв.). Более позднее время для нанесения этого знака на поверхность кистеня, на мой взгляд, исключено.

Знаки «А» и «В» чрезвычайно близки друг другу и, фактически, являются разными вариантами начертания одного и того же знака – двузубца линейного рисунка с отогнутыми наружу зубцами и крестовидной ножкой. Различия между знаками «А» и «В» несущественны: две соединенные под углом линии, нанесенные в пространстве между зубцами у знака «А», вероятнее всего, являются рудиментом внутреннего контура широких боковых зубцов, а три параллельных желобка под отгибом правого зубца у знака «В», хотя и прочерчены вполне осознанно, но явно не являются геральдически значимым элементом знака.

Аналогии для знаков «А» и «В» серийно представлены в памятниках Руси XII в.: в гончарных клеймах из Киева (рис. 33: 3) и Владимира Волынского (рис. 33: 6), на пломбе из Дрогичина (рис. 33: 2), в граффито на литейной форме из Киева (рис. 33: 1) и на щитке перстня с городища Княжая Гора (рис. 33: 5). Возможно, этот же знак был процарапан на плечике амфоры из Саркела (рис. 33: 4, 4a), однако полной уверенности в этом нет, поскольку у граффито на саркельской амфоре не сохранился правый зубец двузубца. С учетом верхней даты времени формирования древнерусского слоя Саркела (1117 г. – год, когда из Белой Вежи было выведено русское население, см.: Артамонов

1958: 83), есть основание атрибутировать знак одному из русских князей, живших в начале XII в. С учетом же широкой известности знака в пределах Киевского государства (от Киева до Дрогичина и от Владимира Волынского до Саркела) речь, очевидно, должна идти о князе, занимавшем великий киевский стол.

Для знака «Г» аналогии пока, кажется, не известны, хотя сходного типа трезубец с отогнутыми наружу боковыми зубцами и раздвоенной вершиной центрального зубца зафиксирован на щитке перстня, о существовании которого свидетельствует литейная форма из раскопок В.В. Хвойко в Киеве (Рыбаков 1940: 238, рис. 89).

Б.А. Рыбаков сопоставлял этот знак со знаком на щитке перстня из клада в урочище Святое озеро на Черниговщине (Макарова 1986:

129, № 64), что, на мой взгляд, сомнительно, поскольку у знака на святозерском перстне вершина центрального зубца не раздвоена, а утроена (рис. 33: 8). Тем не менее, можно вполне определенно считать, что знаки, подобные знаку «Г», относятся ко времени не раньше, чем первая половина XII в.

Отмечу чрезвычайное сходство со знаком «Г» сохранившейся части знака «Б» на кистене из Минска. Если у последнего зубцы были симметричны, то знаки можно было бы рассматривать как аналогичные. Это подкрепляет датировку знака на минском кистене XII в.

Таким образом, саркельский кистень, как и кистень из Минска, находился в употреблении длительное время – по крайней мере, с X и до начала XII в. (Белецкий, Белецкий 1998б).

Кистень с Острова Ледницкого

Два знака, процарапанные на фрагменте кистеня с Острова Ледницкого (рис. 34: 1, А, Б), опубликованы в виде прорисовок (Wgzosek 1961: 254, tabl. I, 12). Знак «Б» представляет собой трезубец с отогнутыми наружу боковыми зубцами, обозначенными контуром, и центральным зубцом в виде вертикальной мачты, завершающейся крестом. Ножка у трезубца, судя по опубликованной прорисовке, отсутствует. Знак «А» сохранился только наполовину: левый зубец его аналогичен правому зубцу знака «Б».

Трезубцы, лишенные ножек, хотя и не принадлежат к числу широко распространенных древнерусских княжеских знаков, но все-таки известны⁷: они зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Авенариус 1890: № 27; Болсуновский 1894: № 953) и Новгорода (Лихачев 1930: рис. 68-69, 4-й ряд сверху, крайняя правая), а также в клейме на кирпиче из Благовещенской церкви в Витебске (Раппопорт 1993: 252, рис. 6). Отмечу, что знаки на дрогичинских и новгородской пломбе являются практически полной аналогией знаку «Б»: это трезубцы с отогнутыми наружу боковыми зубцами и вертикальным зубцом с крестовидным завершением. Главным отличием оказывается принцип передачи изображения – контурный рисунок на кистене и линейный на пломбах.

И для минского, и для саркельского кистеней мы уже отметили долговременный характер использования, засвидетельствованный нанесением на них знаков как контурного, так и линейного рисунка. Можно думать, что именно на рубеж XI-XII вв. приходится смена контурных изображений на линейные. В таком случае, вероятным представляется использование в это время одними и теми же лицами и

контурных, и линейных знаков одновременно. В пользу этого свидетельствует знак «А» на саркельском кистене, сохранивший рудименты внутреннего контура широких боковых зубцов.

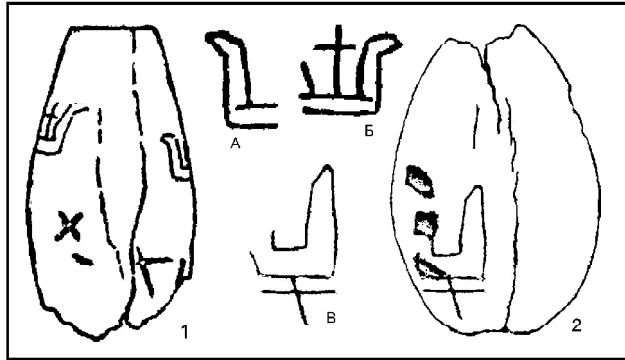
Если сказанное справедливо, то знак «Б» на кистене с Острова Ледницкого можно датировать концом XI или рубежом XI-XII вв. Иными словами, он оказывается близок по времени знаку «А» на минском кистене, атрибутированном выше Всеславу Брячиславичу. Крестовидная вершина центрального зубца связывает знак на кистене с Острова Ледницкого с княжескими знаками полоцких Рюриковичей.

При всем сходстве знака «Б» на кистене с Острова Ледницкого со знаками Изяслава Владимировича, Брячислава Изяславича и Всеслава Брячиславича, между ними существует принципиальное различие, выразившееся в отсутствии ножек у знака на кистене с Острова Ледницкого. Уже отмечалось, что именно форма ножки изменялась при наследовании отцовского трезубца старшими сыновьями, в то время как младшие сыновья сохраняли форму ножки отцовского трезубца неизменной. Если лишить трезубец ножки, то автоматически исчезнут различия между знаками отца и старшего сына. Таким образом, отсутствие у княжеского знака ножки, безусловно, свидетельствует об особом положении, которое занимали владельцы подобных знаков.

Вероятно, можно сразу же исключить предположение о присвоении знака, лишенного ножки, бастардам: Владимир Святославич, сын Святослава от рабыни был вообще лишен права пользоваться родовым двузубцем, и ему уже при жизни отца был присвоен знак в форме трезубца, так что принцип передачи родового

⁷ Теоретически не исключено, что знаки на кистене с Острова Ледницкого не являются княжескими знаками, а представляют собой своеобразно изображенные процветшие кресты: центральный зубец является собственно крестом, а боковые зубцы и основание представляют собой схематичное изображение лозы. Однако двузубцы и трезубцы, лишенные ножек, зафиксированы среди безусловных знаков Рюриковичей XII-XIII вв., и это делает предпочтительным предположение о юридическом характере знаков на кистене.

Рис. 34. Кистени со знаками с Острова Ледницкий (1) и из Киева (2) (прорисовки по А. Wrzosek и И. Мовчану).

символа незаконнорожденному сыну был иным. Наследование знака без ножки посмертным сыном, то есть – сыном, родившимся после смерти отца, также вряд ли возможно: как ни относиться к гипотезе о возможном использовании Святополком (посмертным сыном Ярополка Святославича) родового двузубца без изменений, княжеский знак Святополка, зафиксированный на монетах, имеет не только зубцы (правда, несимметричные), но и ножку.

Маловероятным представляется усвоение знаков без ножки лицам, получившим статус «усыновления». Если истолкование знака «меч-молот» на подвеске из Рождественского могильника в качестве знака этнического скандинава, получившего статус «приемного сына» Владимира Святого, справедливо, то получение такого статуса не влекло за собой присвоение родового знака.

Но если знаки, лишенные ножки, не могли принадлежать князьям, то наиболее вероятными владельцами таких знаков оказываются кня-

гини, использовавшие упрощенные версии княжеских знаков своих мужей.⁸ Судя по исключительной редкости находок знаков без ножки, случаи их использования были крайне редки. Иными словами, употребление княгинями знаков без ножки в каждом конкретном случае было вызвано экстраординарными обстоятельствами, при которых сами князья оказывались недееспособными.

Если предложенная гипотеза справедлива, то знак «Б» на кистене с Острова Ледницкого мог принадлежать жене Изяслава Владимировича, жене Брячислава Изяславича или же жене Всеслава Брячиславича, поскольку различия между княжескими знаками мужей, как было установлено, сводятся к различиям в форме ножки трезубцев. С учетом же того, что знак «Б» находит себе аналогии на пломбах, датировка которых времем ранее рубежа XI-XII вв. маловероятна, наиболее вероятным претендентом на владение этим знаком оказывается неизвестная по имени жена Всеслава Брячиславича (рис. 35: А).

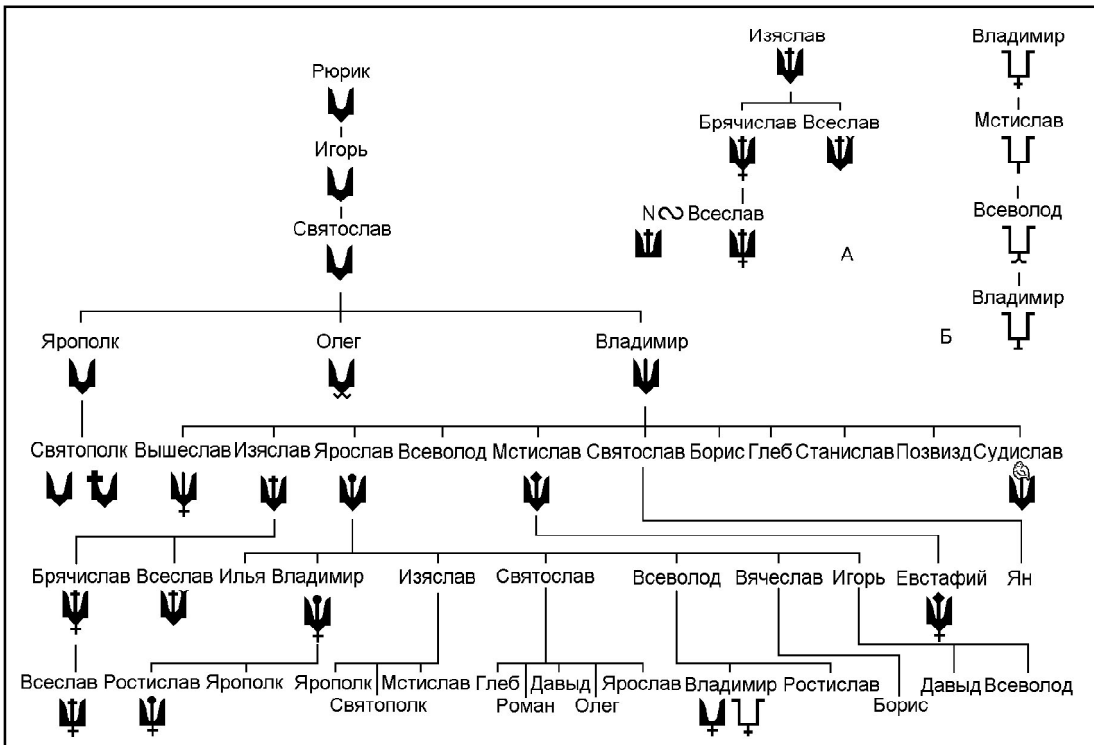

Рис. 35. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 7.

Кистень из Киева

Обломок кистеня с изображением княжеского знака был обнаружен при раскопках на территории города Владимира в Киеве (Мовчан, Боровський, Архіпова 1998: 117, рис.5). Знак имел вид двузубца с крестовидной ножкой. Ножка процарапана двумя тонкими пересекающимися линиями, зубцы и основание двузубца обозначены контуром (рис. 34: 2). По наблюдениям авторов публикации, «знаки такої схеми ... е на кераміці та цеглі з Саркелу – Білої Вежі, персні-печатці з городища Княжа Гора та свинцевій товарній пломбі дрогичинського типу» (Мовчан, Боровський, Архіпова 1998: 117). Отметив, что княжеские знаки в форме двузубца прямоугольных очертаний принадлежали потомкам Мстислава Великого (†1132), исследователи констатировали: «У нас немає підстав датувати його (кистень – С.Б.) раніше, ніж другою половиною XI ст.» (Мовчан, Боровський, Архіпова 1998: 117).

Знак на киевском кистене представляет несомненный интерес, прежде всего, архаичностью своего облика. Обозначенные контуром широкие зубцы и основание двузубца находят себе прямое соответствие среди знаков-граффити X – начала XI в. на арабских монетах. Однако наличие у двузубца на киевском кистене крестовидной ножки отличает его от ранних знаков и не позволяет относить находку к эпохе Игоря – Святослава – Ярополка. Ножка точно такой формы, как на киевском кистене, зафиксирована у знаков, атрибуированных представителям VII колена рода Рюриковичей – Ростиславу Владимировичу и Всеславу Брячиславичу. Именно в знаке «А» на минском кистене находит стилистическое соответствие знак, процарапанный на киевском кистене. Таким образом, владелец знака на киевском кистене принадлежал, вероятнее всего, к VII колону рода Рюриковичей. Деятельность этих князей приходится на середину XI – первую четверть XII в.

Главное отличие знака на киевском кисте-

не от знаков Ростислава Владимировича и Всеслава Брячиславича заключается в том, что на киевском кистене изображен не трезубец, а двузубец. Появление двузубца у представителя VII колена рода Рюриковичей не мотивировано ни генеалогически, ни геральдически, поскольку старшая ветвь рода, представители которой пользовались двузубцем, пресеклась еще в V колоне.

Однако среди известных в настоящее время знаков Рюриковичей XII-XIII вв. фиксируется решительное преобладание двузубцев над трезубцами (Белецкий 1999б: 315, 322, рис.28: 34). Чем это вызвано – вопрос особый, для нас же существенно, что при всем стилистическом архаизме знак на киевском кистене вписывается в систему именно поздних, а не ранних княжеских знаков древней Руси.

В этой связи вспомним о знаках «А» и «В» на Саркельском кистене. Если не учитывать различное оформление зубцов двузубца (линейные на саркельском кистене и контурные на кистене из Киева), то знаки принципиально соответствуют друг другу.⁹ При этом у знака «А» на саркельском кистене мы уже отмечали рудименты широких боковых зубцов двузубца, что также может свидетельствовать в пользу принадлежности всех трех знаков одному лицу – князю, жившему в начале XII в., обладавшему общерусской известностью и занимавшему великий киевский стол. Наиболее вероятным владельцем знаков на саркельском и киевском кистенях, в таком случае, оказывается Владимир Всеволодич Мономах.¹⁰

* * *

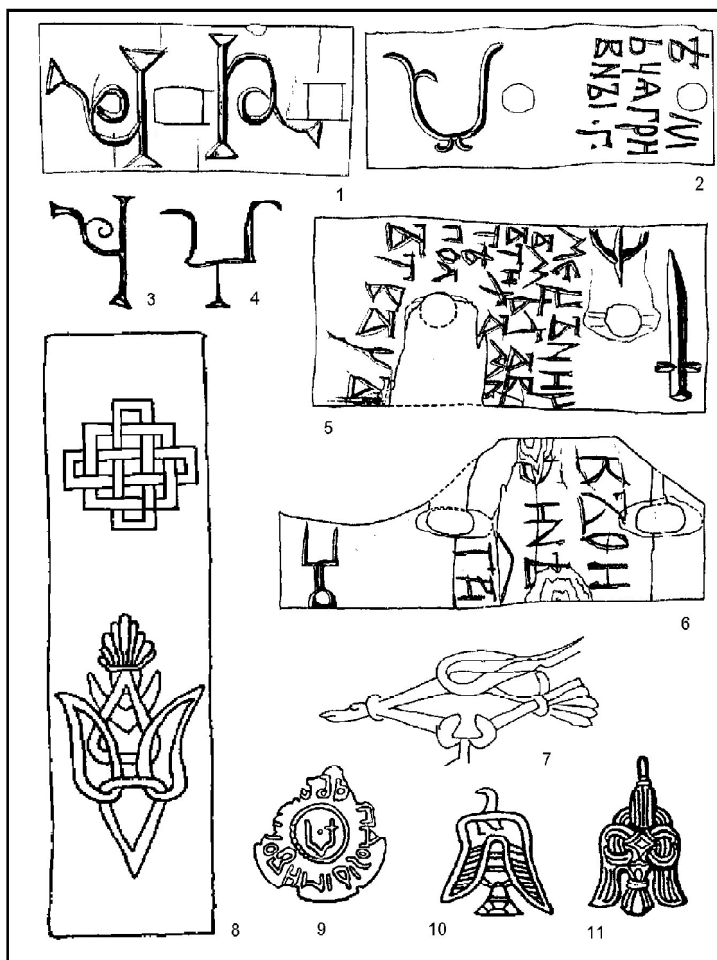
После рассмотрения знаков на роговых кистенях генеалогия знаков Рюриковичей дополняется знаками Владимира Всеволодича (Мономаха), Всеслава Брячиславича, а также знаком, которым могла пользоваться неизвестная по имени жена Всеслава полоцкого (рис. 35).

⁸ Речь должна идти, разумеется, именно о княгинях, а не о князьях, получивших лично-родовой знак от отца: в этом случае все дочери одного отца пользовались бы одним и тем же знаком, причем такой же знак был бы в распоряжении их теток, двоюродных бабок и проч.

⁹ Аналогичную ситуацию мы фиксировали и для знака на кистене с Острова Ледницкий, находящего себе линейное соответствие в знаках на пломбах.

¹⁰ Подтверждением атрибуции знаков «А» и «В» на саркельском кистене и знака на киевском кистене именно Владимиру Мономаху является персонификация княжеских знаков, принадлежавших (рис. 35, Б) Мстиславу Великому, Всеволоду Мстиславичу и Владимиру Всеволодичу – сыну, внуку и правнуку Владимира Мономаха (Белецкий 1999а: 11-19).

Рис. 36. Знаки, неправомерно относимые к X-XI вв. (1-6, 9) и знаковообразные изображения птиц (7, 8, 10, 11).

Заключение

«Для России характерно... позднее формирование геральдических принципов» — выразила общее мнение историков А.Л. Хорошкевич (1993: 9-10). Отдавая должное историографической традиции в оценке геральдических возможностей имеющихся на сегодняшний день источников, я решительно не согласен с этим утверждением. Если отказаться от методически некорректной практики привлекать к обсуждению древнейшей геральдики Руси X-XI вв. отдельные княжеские знаки более позднего времени (рис. 36),¹ то есть основание утверждать: к рубежу X-XI вв. на Руси не только существовала детально разработанная струк-

тура лично-родовых символов, но сложилась соблюдаемая система наследования этих символов представителями правящей династии.

Коротко процесс формирования системы можно свести к следующим основным этапам.

Этап 1. Конец IX – середина X в. Простой двузубец использовался в качестве родового символа Рюриковичей со времен правления, по крайней мере, сына Рюрика, Игоря, а возможно, употреблялся уже самим Рюриком. Вплоть до IV колена происходило наследование непосредственно родового двузубца, передававшегося от отца к старшему или единственному сыну.

¹ В литературе князьям-Рюриковичам X-XI вв. приписывают ряд знаков. О трех печатях с якоревидными знаками, датировка которых временем ранее XII в. сомнительна, речь шла в главе 2. Не имеют отношения к князьям X-XI вв. знаки линейного рисунка на так называемом «таманском бракетате» (рис. 36: 9), на можжевеловой палочке (рис. 36: 3, 4) и на деревянных цилиндрах № 1 и 6 (рис. 36: 1, 2) из раскопок в Новгороде: все эти знаки находят себе аналогии среди знаков Рюриковичей XII-XIII вв. Вряд ли можно признать трезубцем Владимира Святого знак на деревянном цилиндре № 5 из Новгорода (рис. 36: 5); этот знак целесообразно анализировать в контексте близкородственных знаков более позднего времени, выраженных на других цилиндрах из Новгорода. Не имеет отношения к знакам Рюриковичей изображение на деревянной «шашке» (рис. 36: 8), найденной на Земляном городище в Старой Ладогe: ближайшие аналогии этому изображению обнаруживаются среди стилизованных изображений птиц из Гнездово (рис. 36: 11), Волина (рис. 36: 10) и Турова (рис. 36: 7); кроме того, шашка из Старой Ладогe обнаружена в слое начала 80-х гг. IX в., то есть оказывается почти на сто лет старше трезубца Владимира Святого.

Этап 2. Середина X – начало XI в. Начало изменений в форме родового знака Рюриковичей приходится на период деятельности сыновей Святослава: Ярополк получил право пользоваться непосредственно родовым двузубцем, Олег изменил форму ножки отцовского знака, а Владимир Святославич, не имея права на двузубец, уже при жизни отца пользовался трезубцем. Этот этап можно определить как время перехода от использования общего для Рюриковичей родового знака к употреблению лично-родовых символов. Переходный этап связан с деятельностью представителей не только IV, но и V колена рода. Завершением этапа становится 1013 г., когда Святополк Ярополчич пользовавшийся до этого родовым двузубцем, был вынужден изменить форму левого зубца.

Этап 3. Конец X – XI вв. Этот этап накладывается на предыдущий, поскольку сыновья Владимира Святого изначально пользовались уже не родовым символом, а символами лично-родовыми: старший сын Владимира наследовал отцовский трезубец, усложнив треугольную ножку крестом, а его младшие братья, сохранив без изменений форму ножки отцовского трезубца, усложняли форму центрального

зубца. Принцип наследования знака, при котором старший сын меняет форму ножки отцовского трезубца, а младшие сыновья изменяют форму зубца, прослежен и у представителей VI-VII колен рода – поколения внуков и правнуков Владимира Святого.

Очевидно, что система родовых символов, опирающаяся на разработанные правила наследования и соблюдаемая всеми представителями правившей династии, в большой степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются к геральдике. Риску поэтому утверждать, что в X-XI вв. на Руси существовала своеобразная геральдическая система, а дошедшие до нас знаки Рюриковичей являются теми самыми древнейшими гербами, из которых состоит эта система.

В какой мере геральдические традиции, восходящие к деятельности первых поколений правившей династии, сохранились на протяжении последующих полутора столетий и почему в середине XIII в. система лично-родовых знаков Рюриковичей в одночасье рухнула? На эти вопросы можно ответить только после рассмотрения древнерусских геральдических памятников XII-XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Авенариус Н.А. 1890. Еще несколько слов о дрогичинских пломбах. СПб.
- Алексеев Л.В. 1966. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX-XIII вв. М.
- Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.
- Алешковский М.Х. 1972. Глеборисовские энколпионы 1072-1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.
- Амелькин А.О. 1987. Знак на гребне с городища Инднкар (к вопросу о начальном периоде русско-удмуртских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Артамонов М.И. 1958. Саркел – Белая Вежа // МИА, № 62.
- Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
- Артемьев А. Р. 1990. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.
- Артемьев А.Р., Молчанов А.А. 1995. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности // РА. № 2.
- Арендарь А.П., Мельникова Е.А. 1995. Граффити на восточных монетах из собрания Черниговского исторического музея им. В. Тарновского // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів.
- Археологія і нумізматыка Беларусі. Энциклапедыя. 1993. Мінск.
- Белавин А.М. 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1998а. О монете № 203 Корпуса древнейших монет России // ТД Шестой Всероссийской нумизматической конференции. СПб.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1998б. О знаках на кистене из Белой Вежи // Скифы, хазары, славяне, древняя Русь. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9-12 декабря 1998 г. ТД. СПб. с.169-173.
- Белецкий С.В. 1991. К вопросу о порядке наследования родовой тамги князьями-Рюриковичами в конце X – начале XI вв. // Проблемы вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Тези доповідей першої науково-практичної обласної конференції, присвяченої 140-річчю з дня народження В.В. Хвойки. С. Білгородка, 1991 р. Київ., с.13-14.
- Белецкий С.В. 1994. Памятники средневековой русской сфрагистики (проблема систематизации) // П.С.К.О.В., СПб.
- Белецкий С.В. 1995а. К вопросу о времени строительства Софийского собора в Киеве // Церковная археология. Вып. 2. СПб., Псков.
- Белецкий С.В. 1995б. К проблеме выявления «узловых экспонатов» в историко-археологической экспозиции // Музей в современной культуре. ТД научной конференции. СПб.
- Белецкий С.В. 1996а. К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22-27-1181 // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. М.
- Белецкий С.В. 1996б. Начало Пскова // Белецкий В.Д., Белецкий С.В. Городское ядро средневекового Пскова. Часть 1. СПб.
- Белецкий С.В. 1996в. О лично-родовых знаках князей-Рюриковичей X-XI вв. // АИП. Вып.15. Псков, с. 107-112.
- Белецкий С.В. 1996г. Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Се-

- верная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Белецкий С.В. 1996д. Подвеска со знаками Рюриковичей // *Austrvegr*, № 2, Tallinn.
- Белецкий С.В. 1997а. К атрибуции княжеского знака на граффити №75 из Софии Киевской // *Археологія*. № 3. Київ.
- Белецкий С. В. 1998а. Наследование лично-родовых знаков князьями-Рюриковичами в X-XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии, т. IV: Общество, экономика, культура и искусство славян. М.
- Белецкий С.В. 1998б. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X-XI вв.) // У источника. Ч. I. М.
- Белецкий С.В. 1998в. О знаках на роговом кистене из Минска // *Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология)*. Минск.
- Белецкий С.В. 1999а. Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседней*. СПб.
- Белецкий С.В. 1999б. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К.В. Болсуновского) // *Stratum plus*. № 6.
- Белецкий С. В. 1999в. К вопросу об информативных возможностях княжеских знаков на древнерусских кирпичках // *Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения*. ТД. СПб.
- Белецкий С.В. 2000а. Княжеские знаки на днищах сосудов из Могилева // *ΣΥΣΣΙΓΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб.
- Белецкий С.В. 2000б. Роговой кистень с древнерусским княжеским знаком из Киева // *АИП*. Вып.16. Псков.
- Белецкий С.В., Купранис А.А. 1995. Печать X в. из Новгорода (предварительное сообщение) // *Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК. 11-14 апреля 1995 года*. СПб.
- Белецкий С.В., Купранис А.А. 1996. Новые сфрагистические памятники XII-XV вв. из частных собраний (материалы для Корпуса актовых печатей древней Руси) // *Archaeologia Petropolitana*, № 1.
- Бліфельд Д. І. 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Болсуновский К.В. 1894. Дрогичинские пломбы. Часть 1. Киев.
- Болсуновский К.В. 1908. Родовой знак Рюриковичей, великих князей киевских. Киев.
- Братко-Кутинский О. 1992. Нащадки Святої Трійці. Київ.
- Воробьева Е.В., Тиц А.А. 1974. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // *СА*. № 2.
- Воронин Н.Н. 1954. Древнее Гродно // *МИА*. № 41.
- Высоцкий С.А. 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев.
- Высоцкий С.А. 1976. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI-XVII вв.). Киев.
- Гедеев С. 1876. Варяги и Русь. Т. II. СПб.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 1999.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. 1991. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л.
- Джаксон Т.Н. 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X-XIII вв. // *Древнейшие государства на территории СССР. 1988-1989*. М.
- Джаксон Т.Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, переводы, комментарий. М.
- Джаксон Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, переводы, комментарий. М.
- Дубровин Г.Е. 2000. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X-XV вв. по археологическим данным. Т. 2. Иллюстрации. М.
- Загорюльский Э.М. 1982. Возникновение Минска. Минск.
- ИП – Ипатьевская летопись // ПСРЛ, т. 2, 1962.
- Измайлов И. Л. 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской булгарии X – начало XIII в. Казань – Магадан.
- Казakov Е.П. 1991. О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских булгар в Закамье // *Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы 2-й региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья»*. Нижний Новгород.
- Казakov Е.П. 2000. Измери – главный торговый пункт Волжской Булгарии (конец X – XI вв.) // *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары*. СПб.
- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. 1974. Русская сфрагистика и геральдика. М.
- Каргер М.К. 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М-Л. Т. 1.
- Кілієвич С.Р. 1965. Археологічні розкопки біля с. Жовнин // *Археологія*, Т. XIX.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв. // *САИ*. Е 1-36.
- Колчин Б.А. 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // *САИ*. Вып. Е 1-55, М.
- КЗ – Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995.
- Крыганов А. В. 1987. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // *СА*. № 2.
- Крыласова Н.Б. 1995. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // *РА*. №2.
- Кулаков В.И. 1988. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX-XI вв. // *СА*. № 3.
- Кучера М. П. 1961. Кераміка древнього Пліснеська // *Археологія*. Т. XII.
- Кучинко М.М. 1994. Нариси стародавньої і середньовічної історії Волині (від палеоліту до середини XIV ст.). Луцьк.
- ЛЛ – Лаврентьевская летопись // ПСРЛ, т.1, 1962.
- Лазарев В. Н. 1973. Древнерусские мозаики и фрески XI-XV вв. М.
- Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. 1994. Ключи к тайнам Клио. М.
- Лихачев Н.П. 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2. Л.
- Логвин Г.Н. 1977. К истории сооружения Софийского собора в Киеве // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1977*. М.
- ЛСА – (Лихачев Н.П.) «Сфрагистический альбом». Часть I. Русские металлургические печати. Текст описания составлен Н.П. Лихачевым. Л. 1936.
- Лысенко П. Ф. 1985. Берестье. Минск.
- Ляпушкин И.И. 1941. Славяно-русские поселения IX-XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // *МИА*. № 6.
- Мавродин В.В. 1935. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани // *ПИДО*. № 9-10.

- Макаров Н.А., Чернецов А.В. 1988. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.
- Макарова Т.И. 1986. Черневое дело древней Руси. М.
- Марзалюк И. 1998. Магилеу у XII-XVIII стагоддзях. Минск.
- Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // САИ. Вып. Е 1-36, М.
- Мельникова Е.А. 1994. «Знак Рюриковичей» и становление центральной власти на Руси // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Б.м.
- Мельникова Е.А. 1995. Граффити на арабских монетах из собраний Украины // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. М.
- Мельникова Е.А. 1996. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. М.
- Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // История Руси – Украины. Київ.
- Мец Н. Д. 1960. Сребреники из с. Митьковки // СА. № 1.
- Миллер А.А. 1932. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // Сообщения ГАИМК. № 3-4.
- Милютенко Н.И. Русские события начала XI в. в «Саге о Бьёрне» // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Михайлова Е.Р., Соболев В.А., Белецкий С.В. 1998. Пряслице с граффити X в. из урочища Боровское купалище // ТД Шестой Всероссийской нумизматической конференции. СПб.
- Мовчан І.І., Боровський Я.Е., Архіпова Е.І. 1998. Нові знахідки виробів прикладного мистецтва з «Міста Володимира» // Археологія. № 2.
- Молчанов А.А. 1976а. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. № VII.
- Молчанов А.А. 1976б. Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни древней Руси // Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. М.
- Молчанов А.А. 1982. Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» // СА. № 3.
- Молчанов А.А. 1984. Об атрибуции лично-родовых знаков князей-Рюриковичей X-XIII вв. // ВИД. № XVI.
- Молчанов А.А. 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir // ТД X СК. М.
- Молчанов А.А. 1988. Печать Святослава Игоревича (к вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики древней Руси X в.) // Внешняя политика древней Руси. М.
- Молчанов А.А. 1994. Древнейший памятник русской сфрагистики. Моливдовул князя Святослава Игоревича середины X в. // Московское нумизматическое общество. Нумизматический сборник. № 3. М.
- Молчанов А.А. 1996. Самая древняя печать // Наука и жизнь. № 4.
- Молчанов А.А. 1997. Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя четверть века их изучения // Московское нумизматическое общество. Нумизматический сборник. № 5. М.
- Молчанов А. А. 1996. «Верительные знаки» в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Моця А.П., Сыромятников А.К. 1984. Княжеские там-ги Святослава Игоревича как источник изучения истории древнерусских городов // Древнерусский город. Киев.
- Мугуревич Э.С. 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII в. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига.
- Назарова Е.Л. 1986. Из истории взаимоотношения ливов с Русью (X-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 г. М.
- Нахапетян В.Е., Фомин А.В. 1994. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М.
- Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- Носов Е.Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Овчинникова Б.Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X-XV вв. // Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2000.
- Орешников А.В. 1894. Новые материалы к вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки. Т.10.
- Орешников А.В. 1930. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР, № 2, М.
- Орешников А.В. 1936. Денежные знаки домонгольской Руси. М.
- Петренко В.П. 1977. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги // КСИА. № 150.
- Петренко В.П. 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. СПб.
- Петренко В.П. 1995. Раскоп на варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Плетнева С.А. 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Пресняков А. Е. 1993. Княжеское право в древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. М.
- Пчелов Е.В. 1995. Еще раз о «знаке Рюриковичей» в свете нумизматических данных // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. М.
- Рапов О.М. 1968. Знаки Рюриковичей и символ сокола // СА. № 3.
- Рапов О.М. 1977. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XI в. М.
- Раппопорт П.А. 1982. Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников. Л.
- Раппопорт П.А. 1993. Древнерусская архитектура. СПб.
- Раппопорт П.А. 1999. Княжеские знаки в памятниках древнерусского зодчества // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. ТД. СПб.
- Розенфельдт Р.Л. 1987. Коми-пермяцкие племена в IX-XI вв. Родановская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. Т.17. М.
- Рыбаков Б.А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. VI. М.-Л.
- Рыбаков Б.А. 1948а. Ремесло // История культуры древней Руси. Т.1. М.-Л.
- Рыбаков Б.А. 1948б. Ремесло древней Руси. М.
- Рыдзевская Е.А. 1940. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // КСИИМК. Вып. VII.
- Рыдзевская Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. № XI.
- Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге

- (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Синчук И.И. 1994. О загадочном княжеском знаке на сребрениках с именем «Петор» // П.С.К.О.В. СПб.
- Соболева Н.А. 1981. Российская областная и городская геральдика XVIII – XIX вв. М.
- Сотникова М.П. 1995. Древнейшие русские монеты X-XI веков. Каталог и исследование. М.
- Сотникова М.П., Спасский И.Г. 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв. Л.
- Тарасенко В.Р. 1950. Раскопки минского Замчища // КСИИМК. № 35.
- Тарасенко В.Р. 1957. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск. Т.1.
- Татищев В.Н. 1963. История Российская. Т.II. Л.
- Толстой И.И. 1882. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб.
- Толстой И.И. 1893. О древнейших русских монетах X-XI вв. // ЗРАО, н.с., т.6, вып. 3-4
- Толчок П.П., Гупало К.М., Харламов В.О. 1976. Розкопки Києвоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ.
- Флерова В.Е. 1997. Граффити Хазарии. М.
- Холостенко М. В. 1965. З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія, т. XIX.
- Хорошев А.С. 1986. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М.
- Хорошкевич А.Л. 1993. Символы русской государственности. М.
- Церква Богородиці Десятинна в Києві. 1996. Київ.
- Шаповалов Г. 1992. Походження українського тризуба або як поєдналися якор і хрест. Запоріжжя.
- Шаповалов Г. 1997. Корабли веры. Судходство в духовной жизни древней Украины. Запорожье.
- Шемаханская М.С., Равич И.Г. 2000. К проблеме археологической идентификации древнерусской подвески // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. СПб.
- Шмелев К.В. 2000. Изображение корабля на средневековых граффити в свете новых находок // АИП. Вып. 16. Псков.
- Щербак А.М. 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов) // МИА. № 75.
- Ширинский С.С. 1968. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. М.
- Штыхов Г. В. 1978. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Минск.
- Янин В.Л. 1955. Древнейшая русская печать X в. // КСИИМК. № 57.
- Янин В.Л. 1956-а. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
- Янин В.Л. 1956-б. Вислые печати из новгородских раскопок 1951-1954 гг. // МИА. № 55.
- Янин В.Л. 1956в. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. № 64.
- Янин В.Л. 1957. К вопросу о дате Лопастницкого креста // КСИИМК. № 68.
- Янин В.Л. 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. 1. М.
- Янин В.Л. 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1998. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. III. М.
- Arne T.J. Sveriges Forbindelser mad Ostern under Vikingatigen // Fornvannen medeelanden fran Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens, Stockholm 1911, № 6.
- Wrzosek A. 1961. Zabytki wszesnosredniowieczne z Ostrowa Lednickiego, pow. Gniezno // Fontes archaeologici posnanienses. Annales Musei archaeologici posnaniensis. XII. Poznan.